

ДЭН
СИММОНС

ТЕМНАЯ ИГРА
СМЕРТИ

Роман

18+

The Big Book

ДЭН СИММОНС

Темная игра смерти

«Азбука-Аттикус»

1989

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Симмонс Д.

Темная игра смерти / Д. Симмонс — «Азбука-Аттикус»,
1989 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-14803-1

Они входят в ваше сознание, и вы уже не принадлежите себе. Вы фигура в чужой шахматной партии, завершающейся смертельным исходом. Вы, как зомби, берете в руки винтовку и наводите оптический прицел на американского президента. Или стреляете из толпы в Джона Леннона. Внешне те, кто водит вашей рукой, такие же, как и вы, но это не люди, они не знают жалости и пощады, не отличают добра от зла. Чтобы их победить нужно переступить грань... «Темная игра смерти» – от Дэна Симмонса, прославленного автора «Террора», «Друда», «Пятого сердца» и знаменитой эпопеи «Гиперион» / «Эндимион». Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14803-1

© Симмонс Д., 1989
© Азбука-Аттикус, 1989

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Книга первая	11
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	60
Глава 6	75
Глава 7	97
Глава 8	102
Глава 9	108
Глава 10	112
Глава 11	131
Глава 12	140
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Дэн Симмонс

Темная игра смерти

Посвящается Эду Брайанту

*О нет, утеха падали, не буду
отчаиваться или упиваться
тобой – не буду
распускать на пряди
последние, хоть слабенькие, жилы,
на чем держусь я – человек,
не крикну
в последней усталости:
«Я больше не могу...»*

Джерард Мэнли Хопкинс

Dan Simmons
CARRION COMFORT
Copyright © 1989 by Dan Simmons
All rights reserved

© А. И. Кириченко, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Если какой автор и вызывает у меня восторженную оторопь, так это Дэн Симмонс.

Стивен Кинг

Дэн Симмонс возвышается над современными писателями подобно гиганту.

Линкольн Чайлд

Важнейшее в современной литературе переосмысление самой концепции вампиризма – того же масштаба и радикальности, что «Я – легенда» Ричарда Матесона, или «Вторжение похитителей тел» Джека Финнея, или «Жребий Салема» Стивена Кинга.

Дэвид Моррелл

Эпического масштаба полотно – и притом тревожное на самом глубоком, самом личном уровне. Симмонс не просто переписывает историю, он покушается на саму ткань реальности. «Темная игра смерти» не оставит от вашего привычного мировоззрения камня на камне; это современная классика в полном смысле слова.

Гильермо дель Торо

Благодарности

К любой книге, благополучно преодолевшей Мировой Океан между замыслом и публикацией, приложил руку далеко не только сам автор, а уж с романом такого размаха и величины долг благодарности накапливается и вовсе огромный. Хотелось бы отметить тех, без кого «Темная игра смерти» пошла бы на дно в первый же шторм и никогда бы не достигла спасительной гавани:

Дина Кунца – за моральную поддержку, сколь щедрую, столь и своевременную;

Ричарда Кёртиса – за стойкость и профессионализм;

Пола Микола – за безупречный вкус и крепкую дружбу;

Брайана Томсена – за любовь к шахматам и уважение к истории;

Саймона Хоука, оружейника в духе Джеффри Бутройда;¹

Арлин Теннис, машинистку от бога, – за жаркие летние дни, потраченные на борьбу с предпоследними вариантами поправок к поправкам;

Клодию Логерквист, терпеливо напоминавшую о том, что умляуты и диакритические знаки негоже рассыпать где попало, как соль;

Вольфа Блитцера из «Джерусалем пост» – за помощь в отыскании лучшего фалафельного киоска в Хайфе;

Эллен Датлоу, которая утверждала, что у повести не может быть продолжения.

И отдельной благодарности заслуживают:

Кейти Шерман, радостно пошедшая на творческое сотрудничество по первому свистку и за смешные деньги;

моя дочь Джейн, две трети своей жизни терпеливо дожидавшаяся, когда же папочка «допишет страшную книгу»;

Карен, которой не терпелось узнать, что же будет дальше.

И наконец, моя самая искренняя признательность Эдварду Брайанту, настоящему джентльмену и отличному писателю, которому эта книга и посвящена.

¹ *Джеффри Бутройд* (1925–2001) – английский писатель и эксперт по оружию; однажды помог советом Яну Флемингу, за что последний дал его имя оружейнику в бондиане, известному как *Q*.

Пролог

Хелмно, 1942 г.

Сол Ласки лежал среди обреченных на скорую гибель в лагере смерти и думал о жизни. Во тьме и в холоде его пробрала дрожь, и он заставил себя вспомнить в подробностях весеннее утро – золотистый свет на тяжелых ветвях ивы у ручья, белые маргаритки в поле за каменными строениями дядиной фермы.

В бараке было тихо, только иногда кто-нибудь с натугой кашлял да тихонько копошились в холодной соломе живые трупы, тщетно пытаясь согреться. Где-то заперхал старик, забился в конвульсиях, и стало ясно, что вот еще один проиграл долгую и безнадежную схватку. К утру старик будет мертв, а если и переживет ночь, то не сможет выйти на утреннюю переключку на снегу, а это значит, что все равно ему конец, и очень скорый.

Сол отодвинулся подальше от слепящего света прожектора, который бил сквозь разрисованное морозом стекло, и прижался спиной к деревянной стойке нар. Сквозь жалкую одежду он ощутил, как в спину и в кожу на ребрах впились занозы; от холода и усталости задрожали ноги, и он ничего не мог с этим поделать. Сол обхватил свои костлявые колени, сжал их и так держал, пока дрожь не прекратилась.

«Я выживу». Эта мысль была приказом, и он вбил его так глубоко в сознание, что даже изможденное, покрытое язвами тело не могло одолеть его волю.

Несколько лет назад, целую вечность назад, когда Сол был мальчишкой, а дядя Моше обещал взять его на рыбалку на ферму под Краковом, Сол выучился одному приему: прямо перед тем, как заснуть, он представлял себе гладкий овальный камень, на котором записывал тот час и ту минуту, когда ему надо было встать. Потом он мысленно бросал камень в прозрачную воду пруда и смотрел, как тот опускается на дно. И всякий раз на следующее утро он просыпался точно в назначенный час, бодрый и полный жизни; он дышал прохладным воздухом и наслаждался предрассветной тишиной все то короткое и хрупкое время, пока не проснутся брат и сестры и не нарушат почти совершенное блаженство.

«Я буду жить». Сол крепко зажмурился и пристально смотрел, как камень падает в прозрачной воде. Его снова затрясло, и он еще крепче вжался в угол нар. В тысячный раз он попытался зарыться поглубже в эту соломенную яму. Когда рядом сидели старый пан Шиструк и этот парень, Ибрагим, было лучше, но Ибрагима застрелили на шахте, а пан Шиструк два дня назад упал в каменоломне и отказался встать, даже когда Глюкс, командир эсэсовцев, спустил на него собаку. Старик почти весело, хоть и слабо, взмахнул тонкой рукой, прощаясь с оцепеневшими заключенными, и тут немецкая овчарка вцепилась ему в горло.

«Я буду жить». В этой мысли ритм был сильнее самих слов, сильнее любого языка. Эта мысль шла контрапунктом всему, что Сол видел и испытал за пять месяцев в лагере. «Я буду жить». От этой мысли шли свет и тепло, пересиливавшие страх перед холодной головокружительной пропастью, которая все грозила разверзнуться внутри и поглотить его. Пропасьт вроде того рва. Сол видел его. Он и другие рядом с ним забрасывали комьями холодной земли еще теплые тела; некоторые из них продолжали шевелиться: ребенок слабо двигал рукой, как будто махал кому-то на перроне или метался во сне, – а они кидали лопатами комья и разбрасывали известь из неподъемно тяжелых мешков. Охранник-эсэсовец сидел на краю рва и болтал ногами, его белые мягкие руки лежали на черном стволе автомата, на шершавой щеке белел кусочек пластыря – видно, порезался, когда брился. Белые обнаженные тела слабо шевелились,

а Сол засыпал ров комьями грязи, и глаза его были красными от облака извести, висевшего в зимнем воздухе, как меловой туман.

«Я буду жить». Сол сосредоточился на мощи этого ритма и перестал обращать внимание на свои дрожащие руки и ноги. Двумя ярусами выше кто-то зарыдал в ночи. Сол чувствовал, как вши ползут по его рукам, по ногам, разыскивая место, где его холодеющее тело было теплее всего. Он еще плотнее сжался в комок, хотя понимал, что заставляет этих паразитов двигаться, – они подчинялись непреодолимому инстинкту, без мысли и логики: выжить.

Камень опустился еще ниже в лазурную глубину. Балансируя на грани сна, Сол рассматривал грубо нацарапанные буквы. «Я буду жить».

Вдруг глаза Сола распахнулись, в голове мелькнула мысль, от которой стало холоднее, чем от ветра, свистевшего сквозь неплотно прилегающую раму. *Третий четверг месяца.* Он был почти уверен, что сегодня третий четверг месяца. *Они* приходили по четвергам, в третий четверг. Но не всегда. Может быть, в этот раз их не будет. Сол закрыл лицо согнутыми в локтях руками и свернулся в еще более плотный клубок, как зародыш.

Он уже почти заснул, когда дверь барака распахнулась. Их было пятеро: два охранника-эсэсовца с автоматами, армейский унтер-офицер, лейтенант Шаффнер и молодой оберст, которого Сол никогда прежде не видел. У оберста было бледное арийское лицо, на лоб падала прядь светлых волос. Лучи фонариков побежали по рядам похожих на полки нар. Никто не пошевелился. Сол чувствовал, что это за тишина: восемьдесят пять скелетов затаили дыхание в ночи. Он тоже затаил дыхание.

Немцы сделали шагов пять вперед, холодный воздух облаком двигался перед ними, их массивные фигуры вырисовывались на фоне открытой двери, а вокруг ледяными клубами вился пар от дыхания. Сол еще глубже забился в хрупкую солому.

– *Du!*² – раздался голос.

Луч фонарика упал на человека в шапке и полосатой лагерной робе, сидевшего в углу нижних нар за шесть рядов от Сола.

– *Komm! Schnell!*³

Мужчина не шевелился, и тогда один из эсэсовцев рывком вытащил его в проход. Сол слышал, как по полу царапают голые ноги.

– *Du, raus!*⁴

Еще раз:

– *Du!*

Вот уже трое «мусульман» стоят невесомыми пугалами перед массивными фигурами немцев. Процессия остановилась за четыре ряда от нар Сола. Эсэсовцы обшарили фонариками средний ряд. В их свете блеснули красные глаза, как будто из полуоткрытых гробов уставились перепуганные крысы.

«Я буду жить». Впервые это звучало как молитва, а не как приказ. Они никогда еще не забирали больше четырех человек из одного барака.

– *Du.* – Эсэсовец повернулся и направил луч фонарика прямо ему в лицо.

Сол не пошевелился. Он перестал дышать. Во всей вселенной не было ничего, кроме его собственных пальцев в нескольких сантиметрах от лица. Кожа руки была белой, как у личинки, и местами шелушилась, волоски на тыльной стороне ладони казались очень черными. Сол смотрел на эти волоски с чувством глубокого, благоговейного страха. Его рука почти просвечивала в луче фонарика. Он различал слои мышц, изящный рисунок сухожилий и голубых вен, мягко пульсировавших в одном ритме с бешено колотящимся сердцем.

² Ты! (нем.)

³ Иди! Быстро! (нем.)

⁴ Ты, выходи! (нем.)

– *Du, raus.*

Время замедлилось и повернуло вспять. Вся жизнь Сола, каждая секунда его жизни, все минуты упоения и банальные, забытые вечера – все вело к этому мигу, к этому пересечению осей. Губы его дернулись в мрачной полуулыбке. Он уже давно решил, что его-то они никогда не заставят выйти в ночь. Им придется убить его здесь, перед всеми остальными. Он заставит их сделать это, когда сам того захочет: ничего другого диктовать им он не мог. Сол совершенно успокоился.

– *Schnell!* – Один из эсэсовцев заорал на него, а потом оба шагнули вперед.

Ослепленный светом фонаря, Сол почувствовал запах мокрого сукна и сладковатый запах шнапса, ощутил, как его лица коснулся холодный воздух. Тело его сжалось: вот-вот грубые, безжалостные руки схватят его.

– *Nein!*⁵ – резко бросил оберст.

Сол видел только его силуэт в снопе яркого света. Оберст шагнул вперед, а эсэсовцы торопливо отступили. Казалось, время замерло. Сол широко раскрытыми глазами смотрел на темную фигуру. Никто не произнес ни слова. Клубы пара от их дыхания висели в воздухе.

– *Komm!* – тихо сказал оберст.

Это прозвучало совсем не как команда – спокойно, почти нежно, словно кто-то звал любимую собаку или уговаривал младенца сделать первые неуверенные шаги.

Сол стиснул зубы и закрыл глаза. Если они его тронут, он будет кусаться. Он вопьется им в глотку. Он будет грызть и рвать их вены и хрящи, и им придется стрелять, им придется стрелять, он заставит их...

– *Komm!* – Оберст слегка коснулся его колена.

Сол оскалил зубы.

«Ну, давай, гад, посмотришь, как я разорву твой рот и вытащу твои кишки...»

– *Komm!*

И тут Сол почувствовал *это*. Что-то ударило его, хотя никто из немцев не пошевелился и не сдвинулся ни на дюйм. Он взвизгнул от дикой боли. Что-то ударило, а потом *вошло* в него.

Сол чувствовал это так же отчетливо, как если бы кто-то загнал ему стальной штырь в тело. Но никто до него не дотронулся. Никто даже не приблизился к нему. Он снова издал звук, и тут его челюсти сомкнулись, будто их сжала невидимая сила.

– *Komm her, du, Jude!*⁶

Сол *чувствовал это*. Что-то вошло в него, рывком выпрямило спину, отчего его руки и ноги беспорядочно задергались. *Это* было в нем. Его мозг стиснули, словно щипцами, и сжимали, сжимали... Сол попытался крикнуть, но *это* не позволило ему. Он дико заметался на соломе, мысли заработали вразнобой, моча потекла по штанине. Потом тело его неестественно выгнулось, и он шлепнулся на пол. Охранники сделали шаг назад.

– *Steh auf!*⁷

Тело Сола снова выгнулось, его подкинуло, он поднялся на колени. Руки тряслись и металась сами по себе. Он чувствовал чье-то холодное присутствие в своем мозгу, нечто завернутое в сверкающий кокон боли. Какие-то образы плясали перед его взором.

Сол встал.

– *Geh!*⁸

Он услышал, как один из охранников хрипло рассмеялся, ощутил запах сукна и стали, уколы холодных заноз под ногами. Он метнулся в сторону открытой двери – прямоугольника

⁵ Нет! (нем.)

⁶ Иди сюда, ты, еврей! (нем.)

⁷ Вставай! (нем.)

⁸ Пошел! (нем.)

белого слепящего света. Оберст спокойно пошел за ним, похлопывая себя перчаткой по ноге. Сол споткнулся на скользких ступеньках и чуть не упал, но невидимая рука, сжавшая его мозг и огненными иглами прожегшая тело, заставила его выпрямиться. Не чувствуя холода, он пошел босиком по снегу и смерзшейся грязи впереди остальных к ожидавшему грузовику.

«Я буду жить», – подумал Соломон Ласки, но магический этот ритм распался на куски и улетел, сметенный ураганом беззвучного ледяного смеха и воли, стократ сильнее, чем его собственная.

Книга первая Гамбиты

Глава 1

Чарлстон

Пятница, 12 декабря 1980 г.

Я знала, что Нина припишет смерть этого битла Джона себе. Экое дурновкусие. Она аккуратно разложила свой альбом с вырезками из газет на моем журнальном столике красного дерева. Эти прозаические констатации смертей на самом деле представляли собой хронологию всех ее Подпиток. Улыбка Нины Дрейтон сияла, как обычно, но в ее бледно-голубых глазах не было и намека на теплоту.

– Надо подождать Вилли, – сказала я.

– Ну конечно, Мелани, ты, как всегда, права. Какая я глупая. Я ведь знаю наши правила. – Нина встала и начала расхаживать по комнате, иногда бесцельно касаясь чего-то или сдержанно восторгаясь керамическими статуэтками и кружевами.

Когда-то эта часть дома была оранжереей, но теперь я использую ее как комнату для шитья. Растениям здесь по-прежнему доставалось немного солнечного света по утрам. Днем помещение выглядело теплым и уютным благодаря солнцу, но с приходом зимы ночью здесь было слишком прохладно. И потом, мне очень не нравилось впечатление темноты, подступающей к этим бесчисленным стеклам.

– Обожаю этот дом. – Нина повернулась ко мне и улыбнулась. – Просто не могу передать, как я всегда жду возвращения в Чарлстон. Нам нужно проводить здесь все наши встречи.

Но я-то знала, как Нина ненавидит и этот город, и этот дом.

– Вилли может обидеться, – сказала я. – Ты же знаешь, как он любит похвастаться своим домом в Голливуде. И своими новыми девочками.

– И мальчиками. – Нина засмеялась.

Она здорово изменилась и потускнела, но ее смех остался прежним. Это был все тот же хрипловатый детский смех, который я услышала впервые много лет назад. Именно из-за этого смеха меня тогда потянуло к ней; тепло одной девчушки притягивает другую одинокую девочку-подростка, как пламя – мотылька. Теперь же смех этот лишь обжег меня холодом и заставил еще больше насторожиться. За прошедшие десятилетия слишком много мотыльков слеталось на пламя Нины.

– Давай выпьем чаю, – предложила я.

Мистер Торн принес чай в моих самых лучших фарфоровых чашках. Мы с Ниной сидели в медленно передвигающихся квадратах солнечного света и тихо разговаривали о всяких пустяках: об экономике, в которой мы обе ничего не понимали; о совершенно вульгарной публике, с которой приходится теперь сталкиваться, летая самолетами. Если бы кто-нибудь заглянул из сада в окно, то подумал бы, что видит стареющую, но все еще привлекательную племянницу, навещающую любимую тетюшку. (Никто не принял бы нас за мать и дочь: тут я не уступлю.) Обычно меня считают хорошо одетой, если не совсем стильной женщиной.

Господь свидетель, я довольно дорого плачу за шерстяные юбки и шелковые блузки, которые мне присылают из Шотландии и Франции. Но рядом с Ниной мой гардероб всегда выглядит безвкусным. В тот день на ней было элегантное светло-голубое платье, которое обошлось ей в несколько тысяч долларов, если я правильно угадала модельера. Этот цвет так оттенял ее лицо, что оно казалось еще более совершенным, чем обычно, и подчеркивал голубизну ее глаз. Волосы Нины поседели, как и мои, но она по-прежнему носила их длинными, закрепив бареткой, и это ее не портило; напротив, Нина выглядела шикарно и молодо, а у меня было ощущение, что мои короткие искусственные локоны блестят от синьки.

Вряд ли кто мог бы подумать, что я на четыре года моложе Нины. Время обошлось с ней не слишком сурово. К тому же она чаще искала и получала Подпитку.

Она поставила чашку с блюдцем на столик и вновь беспокойно заходила по комнате. Это было совсем на нее не похоже – проявлять такую нервозность. Остановившись перед застекленным шкафчиком, она обвела взглядом вещицы из серебра и олова и замерла в изумлении:

– Господи, Мелани... Пистолет! Разве можно в таком месте хранить старый пистолет?

– Это антикварная вещь, – пояснила я. – И очень дорогая. Вообще ты права, глупо держать его тут. Но во всем доме нет больше ни одного шкафчика с замком, а миссис Ходжес часто берет с собой внуков, когда навещает меня...

– Так он что, заряжен?!

– Нет конечно, – солгала я. – Но детям вообще нельзя играть с такими вещами... – Я неловко замолчала.

Нина кивнула, но в ее улыбке была изрядная доля снисходительности, которую она даже не пыталась скрыть. Она подошла к южному окну и выглянула в сад.

Будь она проклята! Нина Дрейтон даже не узнала этого пистолета, и этим о ней все сказано.

В тот день, когда его убили, Чарльз Эдгар Ларчмонт считался моим кавалером уже ровно пять месяцев и два дня. Об этом не было официально объявлено, но мы должны были пожениться. Эти пять месяцев представили, как в микрокосмосе, всю ту эпоху – наивную, игривую, подчиненную строгим правилам настолько, что она казалась манерной. И еще романтичной. Романтичной в первую очередь и в самом худшем смысле этого слова – подчиненной слащавым либо глупым идеалам, к которым могли стремиться только подростки. Мы были как дети, играющие с заряженным оружием.

У Нины – тогда она была Ниной Хокинс – тоже имелся кавалер, высокий неуклюжий англичанин, исполненный самых благих намерений. Звали его Роджер Харрисон. Мистер Харрисон познакомился с Ниной в Лондоне годом раньше, в самом начале поездки Хокинсов по Европе. Этот долговязый англичанин объявил всем, что он сражен, – еще одна нелепость той ребяческой эпохи – и стал ездить за Ниной из одной европейской столицы в другую, пока ее отец, скромный торговец галантереей, вечно готовый дать отпор всему свету из-за своего сомнительного положения в обществе, довольно сурово не отчитал его. Тогда Харрисон вернулся в Лондон – чтобы привести в порядок дела, как он сказал, – а через несколько месяцев объявился в Нью-Йорке, как раз в тот момент, когда Нину собрались отправить к тетушке в Чарлстон, чтобы положить конец другому ее любовному приключению. Но это не могло остановить неуклюжего англичанина, и он отправился за ней на юг, строго соблюдая при этом все правила протокола и этикета тех дней.

У нас была превеселая компания. На следующий день после того, как я познакомилась с Ниной на июньском балу у кузины Целии, мы наняли лодку и отправились вчетвером вверх по реке Купер к острову Дэниел на пикник. Роджер Харрисон обо всем судил серьезно и даже немного напыщенно и потому был отличной мишенью для Чарльза с его совершенно непочтительным чувством юмора. Роджер, похоже, совсем не обижался на добродушное подтрунива-

ние, – во всяком случае, он всегда присоединялся к общему смеху со своим непривычным британским хохотом.

Нина была без ума от всего этого. Оба джентльмена осыпали ее знаками внимания, хотя Чарльз всегда подчеркивал, что его сердце отдано мне, но все понимали: Нина Хокинс – одна из тех девушек, которые неизменно становятся центром притяжения мужской галантности и внимания в любой компании. Общество Чарлстона тоже вполне оценило шарм нашей четверки. В течение двух месяцев того, теперь уже такого далекого, лета ни одна вечеринка, ни один пикник не мог считаться удавшимся, если не приглашали нас, четверых шалунов, и если мы не соглашались участвовать в этом. Наше первенство в светской жизни было столь заметным и мы получали от него столько удовольствия, что кузина Целия и кузина Лорейн уговорили своих родителей отправиться в ежегодную августовскую поездку в штат Мэн на две недели раньше.

Не могу припомнить, когда у меня с Ниной возникла эта идея насчет дуэли. Возможно, в одну из тех долгих жарких ночей, когда одна из нас забиралась в постель к другой и мы шептались и хихикали, задыхаясь от приглушенного смеха, едва послышится шорох накрахмаленного передника, выдававший присутствие какой-нибудь горничной-негритянки, копошащейся в темных коридорах. Во всяком случае, идея эта, естественно, возникла из романтических притязаний того времени. Эта картинка – Чарльз и Роджер дерутся на дуэли из-за какого-то абстрактного пункта в кодексе чести, касающегося *нас*, наполняла меня и Нину прямо-таки физическим возбуждением.

Все это выглядело бы совершенно безобидным, если бы не наша Способность. Мы так успешно манипулировали поведением мужчин (а общество того времени ожидало от нас такого поведения и одобряло его), что ни я, ни Нина не подозревали в нашей способности переводить свои капризы в действия других чего-либо необычного. Парапсихологии тогда не существовало, или, точнее говоря, она сводилась к стукам и столоверчению во время игр в гостиных. Как бы то ни было, мы несколько недель забавлялись, предаваясь фантазиям и шепотом их обсуждая, а потом кто-то из нас, или мы обе, воспользовался нашей Способностью, чтобы перевести фантазию в реальность.

В некотором смысле то была наша первая Подпитка.

Я уже не помню, что послужило предлогом для дуэли, – возможно, преднамеренное недоумение, связанное с какой-то шуткой Чарльза. Не помню, кого Чарльз и Роджер уговорили стать секундантами во время той противозаконной вылазки. Я помню только обиженное и удивленное выражение на лице Роджера Харрисона. Оно было просто карикатурой на тяжело-весную ограниченность и недоумение человека, попавшего в безвыходную ситуацию, созданную вовсе не им самим. Помню, как поминутно менялось настроение Чарльза: веселье и шутки внезапно переходили в депрессию и мрачный гнев; помню слезы и поцелуи в ночь накануне дуэли.

То утро было прекрасным. С реки поднимался туман, смягчивший жаркие лучи восходящего солнца. Мы направлялись к месту дуэли. Помню, как Нина порывисто потянулась ко мне и пожала мою руку, – это движение отдалось во мне электрическим током.

Большая же часть происшедшего в то утро – провал, белое пятно. Возможно, из-за напряжения того первого, неосознанного случая Подпитки я буквально потеряла сознание, меня захлестнули волны страха, возбуждения, гордости... Я поняла, что *все это происходит наяву*, и в то же время ощущала, как сапоги шуршат по траве. Кто-то громко считал шаги. Смутно помню, как тяжел был пистолет в чьей-то руке... Наверное, то была рука Чарльза, но теперь я этого уже никогда не узнаю в точности... Помню миг холодной ярости, затем выстрел прервал нашу внутреннюю связь, а острый запах пороха привел меня в чувство.

Убит был Чарльз. Никогда не изгладится из моей памяти вид невероятного количества крови, вылившейся из маленькой круглой дырочки в его груди. Когда я подбежала к нему, его белая рубашка уже была алой. В наших фантазиях не было никакой крови. Там не было и этой

картины: голова Чарльза запрокинута, на окровавленную грудь изо рта стекает слюна, а глаза закатились так, что видны только белки, как два яйца в черепе. Когда Роджер Харрисон рыдал на этом поле погибшей невинности, Чарльз сделал последний судорожный вздох.

Что случилось потом, я не помню. Только на следующее утро я открыла свою матерчатую сумку и нашла там среди своих вещей пистолет Чарльза. Зачем мне понадобилось его сохранить? Если я хотела взять что-то на память о своем погибшем возлюбленном, зачем было брать этот кусок металла? Зачем было вынимать из его мертвой руки символ нашего безрассудного греха?

Нина даже не узнала этого пистолета. И этим о ней все сказано.

* * *

Прибыл Вилли.

О приезде нашего друга объявил не мистер Торн, а компаньонка Нины, эта омерзительная мисс Баррет Крамер. По виду она была унисексуальна: коротко подстриженные черные волосы, мощные плечи и пустой агрессивный взгляд, который ассоциируется у меня с лесбиянками и уголовницами. По моему мнению, ей было лет тридцать пять.

– Спасибо, милочка, – сказала Нина.

Я вышла поприветствовать Вилли, но мистер Торн уже впустил его, и мы встретились в холле.

– Мелани! Ты выглядишь просто великолепно! С каждой нашей встречей ты кажешься все моложе. Нина! – Когда он повернулся к Нине, голос его заметно изменился.

Мужчины по-прежнему испытывали легкое потрясение, видя Нину после долгой разлуки. Далее пошли объятия и поцелуи. Сам же Вилли выглядел даже ужаснее прежнего. Спортивный пиджак на нем был от прекрасного портного, а ворот свитера успешно скрывал морщинистую кожу шеи с безобразными пятнами, но, когда он сдернул с головы веселенькую кепку, длинные пряди седых волос, зачесанные вперед, чтобы скрыть разрастающуюся плешь, рассыпались, и картина стала неприглядной. Лицо Вилли покраснело от возбуждения, на носу и щеках предательски проступали красные капилляры, выдавая чрезмерное пристрастие к алкоголю и наркотикам.

– Милые дамы, вы, кажется, уже знакомы с моими спутниками – Томом Рейнольдсом и Дженсеном Лугаром?

Двое мужчин подошли ближе, и теперь в моем узком холле собралась, казалось, целая толпа. Мистер Рейнольдс оказался худым блондином; он улыбался, обнажая зубы с прекрасными коронками. Мистер Лугар – огромного роста негр с массивными плечами, на его грубом лице застыло угрюмое, обиженное выражение. Я была абсолютно уверена, что ни я, ни Нина никогда прежде не видели этих приспешников Вилли.

– Что ж, пройдемте в гостиную? – предложила я.

Толкаясь и суетясь, мы поднялись на этаж и в конце концов уселись втроем в тяжелые мягкие кресла вокруг чайного столика георгианской эпохи, доставшегося мне от бабушки.

– Принесите нам еще чаю, мистер Торн.

Мисс Крамер поняла намек и удалилась, но пешки Вилли по-прежнему неуверенно топтались у двери, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на выставленный хрусталь, как будто от одного их присутствия что-нибудь могло разбиться. Я бы не удивилась, если бы это действительно произошло.

– Дженсен! – Вилли щелкнул пальцами.

Негр на миг замер в нерешительности, но все же подал дорогой кожаный кейс. Вилли положил его на столик и отщелкнул застёжки своими короткими, толстыми пальцами.

– Ступайте отсюда. Слуга мисс Фуллер даст вам чего-нибудь выпить.

Когда они вышли, он покачал головой и улыбнулся Нине:

– Извини меня, дорогая.

Нина тронула Вилли за рукав и наклонилась с таким видом, словно предвкушала что-то:

– Мелани не позволила мне начать Игру без тебя. Это так ужасно с моей стороны, что я даже пыталась, правда, Вилли, дорогой?

Тот нахмурился. Пятьдесят лет прошло, а он все еще дергался, когда его называли Вилли. В Лос-Анджелесе он был Большой Билл Борден. А когда возвращался в свою родную Германию – не очень часто, из-за связанных с этим опасностей, – то снова становился Вильгельмом фон Борхертом, владельцем мрачного замка, леса и охотничьего выезда. Нина назвала его Вилли в их самую первую встречу в Вене в 1925 году, и он так и остался для нее Вилли.

– Начинай, Вилли, – сказала Нина. – Ты первый.

Я еще хорошо помню, как раньше, встречаясь после долгой разлуки, мы по несколько дней проводили за разговорами, обсуждая все, что случилось с нами. Теперь у нас не было времени даже на такие салонные беседы.

Обнажив в улыбке зубы, Вилли вытащил из кейса газетные вырезки, записные книжки и стопку кассет. Он едва успел разложить свои материалы на столике, как вошел мистер Торн и принес чай, а также альбом Нины из оранжереи. Вилли резкими движениями расчистил на столе немного места.

На первый взгляд Вильгельм фон Борхерт и мистер Торн были чем-то похожи, но только на первый, ошибочный взгляд. Оба – краснотелы, но если цвет лица Вилли свидетельствовал об излишествах и разгуле эмоций, то мистер Торн не знал ни того ни другого уже много лет. Вилли стыдливо прятал свою лысину, проступающую тут и там, как у ласки, заболевшей лишаем, а обнаженная голова мистера Торна была гладкой как колено, даже трудно представить, что у него когда-то были волосы. У обоих – серые глаза (романист назвал бы их холодными), но у мистера Торна глаза были холодны от безразличия, во взгляде светилась ясность, порожденная абсолютным отсутствием беспокойных эмоций и мыслей. В глазах же Вилли таился холод порывистого зимнего ветра с Северного моря, их часто заволакивало переменчивым туманом обуревавших его чувств – гордости, ненависти, удовольствия причинять боль, страсти от разрушения. Вилли никогда не называл использование Способности Подпиткой, – похоже, только я мысленно применяла это слово; но он иногда говорил об Охоте. Возможно, он вспоминал о темных лесах своей родины, когда выслеживал жертв на стерильных улицах Лос-Анджелеса. Я подумала: интересно, а снится ли Вилли этот лес? Вспоминает ли он охотничьи куртки зеленого сукна, приветственные крики егерьей, кровь, хлещущую из туши умирающего кабана? Или он вспоминает топот сапог по мостовым и стук кулаков в двери – кулаков его помощников? Возможно, у Вилли Охота все еще связана с тьмой европейской ночи, с горящими печами, за которыми присматривал и он сам.

Я называла *это* Подпиткой, Вилли – Охотой. Однако я никогда не слышала, как *это* называла Нина. Пожалуй, что никак.

– Где у тебя видео? – спросил он. – Я все записал на пленку.

– Ах, Вилли, – раздраженно сказала Нина, – ты же знаешь Мелани. Она такая старомодная. У нее нет видеомэгнитофона.

– У меня нет даже телевизора, – призналась я.

Нина рассмеялась.

– Черт побери, – пробормотал Вилли. – Ладно. У меня тут есть и другие материалы. – Он раскрыл небольшие черные записные книжки. – Просто на пленке было бы гораздо лучше. Телекомпании Лос-Анджелеса сделали много сюжетов о «голливудском душителе», а я еще кое-что добавил... Ну, не важно. – Он бросил кассеты в кейс и с треском захлопнул крышку. – Двадцать три, – продолжил он. – Двадцать три, с нашей последней встречи год назад. Как время пролетело, а?

– Покази. – Нина снова наклонилась вперед. Ее голубые глаза блестели. – Я иногда думала, что ты имеешь к нему отношение, после того как увидела этого «душителя» в «Шестидесяти минутах». Значит, он был твой, да, Вилли? Он имел такой вид...

– *Ja, ja*,⁹ он был мой. Вообще-то, он никто. Так, пугливый человечек, садовник одного моего соседа. Я оставил его в живых, чтобы полиция могла допросить его, снять любые сомнения. Он повесился в камере через месяц после того, как пресса потеряла к нему интерес. Но тут есть кое-что более любопытное. Смотрите. – Вилли бросил на стол несколько глянцевых черно-белых фотографий. – Исполнительный директор Эн-би-си убил пятерых членов своей семьи и утопил в плавательном бассейне пришедшую в гости актрису из «мыльной оперы». Потом он несколько раз ударил себя ножом в грудь и кровью написал «И еще пятьдесят» на стене строения, где был бассейн.

– Вспоминаешь старые подвиги, да, Вилли? – спросила Нина. – «Смерть свиньям» и все такое прочее?¹⁰

– Да нет же, черт возьми. Я считаю, мне положены лишние очки за иронию. Девушка все равно должна была утонуть в своем сериале. Так написано в сценарии.

– Трудно было его Использовать? – Этот вопрос задала я, поневоле испытывая какой-то интерес.

Вилли поднял бровь:

– Не очень. Он был алкоголиком, да к тому же прочно сидел на коксе. От него мало что осталось. Семью свою он ненавидел, как и большинство людей.

– Возможно, большинство людей в Калифорнии, но не везде. – Нина поджала губы. Довольно странная реплика в ее устах. Отец Нины совершил самоубийство – бросился под трамвай.

– Где ты установил контакт? – спросила я.

– На какой-то вечеринке. Обычное дело. Он покупал кокаин у режиссера, который использовал один из моих проектов...

– Тебе пришлось повторить контакт?

Вилли нахмурился, глядя на меня. Он пока сдерживал злость, но лицо его покраснело.

– *Ja, ja*. Я видел его еще пару раз. Однажды я просто смотрел из окна автомобиля, как он играет в теннис.

– Очки за иронию дать можно, – сказала Нина. – Но за повторный контакт очки надо снять. Если он – пустышка, как ты сам говоришь, ты должен был Использовать его после первого же контакта. Что еще?

Дальше шел обычный набор: жалкие убийства в трущобах, пара бытовых убийств в семье, столкновение на шоссе, закончившееся стрельбой и смертью.

– Я был в толпе, – сказал Вилли. – Я сразу установил контакт. У него в бардачке был пистолет.

– Два очка, – улыбнулась Нина.

Один добротный случай Вилли оставил напоследок. Нечто странное приключилось с человеком, когда-то в детстве бывшим знаменитостью, кинозвездой. Он вышел из своей квартиры в Бел-Эйр, а пока его не было дома, она заполнилась газом, потом он вернулся и зажег спичку. Взрыв, пожар, кроме него, погибли еще два человека.

– Очки только за него, – сказала Нина.

– *Ja, ja*.

– А ты уверен, что все так и произошло? Это мог быть обычный несчастный случай...

⁹ Да-да (*нем.*).

¹⁰ «Смерть свиньям» – надпись кровью, оставленная членами «семьи» Мэнсона на месте убийства супругов Ла Бианка (на следующий день после убийства актрисы Шерон Тейт, жены режиссера Романа Поланского, и ее гостей).

– Не смейся, – оборвал ее Вилли и повернулся ко мне. – Его было довольно трудно Использовать. Очень сильная личность. Я стер в его памяти информацию о том, что он включил газ. Надо было заблокировать ее на целых два часа, а потом заставить его войти в комнату. Он бешено сопротивлялся, не хотел зажигать спичку.

– Надо было заставить его чиркнуть зажигалкой.

– Он не курил, – проворчал Вилли. – Бросил в прошлом году.

– Да, – улыбнулась Нина. – Кажется, я помню; он говорил об этом Джонни Карсону.

Я не могла понять, шутит она или говорит серьезно.

Потом мы втроем подсчитали очки, как бы исполняя ритуал. Больше всех говорила Нина. Вилли сначала хмурился, потом разошелся, потом снова стал угрюмым. Был момент, когда он потянулся ко мне и со смехом похлопал меня по колену, прося помощи. Я никак не отреагировала. В конце концов он сдался, подошел к бару и налил себе бурбона из графина моего отца. Сквозь цветные стекла эркера пробивались последние, почти горизонтальные лучи вечернего солнца и падали красным пятном на Вилли, стоявшего рядом с буфетом мореного дуба. Глаза его казались крохотными красными угольками, вставленными в кровавую маску.

– Сорок одно очко, – подвела итог Нина. Она посмотрела на нас блестящими глазами и подняла калькулятор, как будто он мог подтвердить какой-то объективный факт. – Я насчитала сорок одно очко. А ты, Мелани?

– *Ja*, – перебил ее Вилли. – Прекрасно. Теперь глянем на твою заявку, милая Нина. – Он говорил тусклым, бесцветным голосом. Даже Вилли начинал терять интерес к Игре.

Не успела Нина начать, как вошел мистер Торн и объявил, что обед подан. Прежде чем мы перешли в столовую, Вилли налил себе еще из графина, а Нина взмахнула руками, изображая отчаяние из-за того, что пришлось прервать Игру. Когда мы сели за длинный стол красного дерева, я постаралась вести себя как подобает настоящей хозяйке дома. По традиции, в течение уже нескольких десятков лет, разговоры об Игре за обеденным столом были запрещены. За супом мы обсудили последний фильм Вилли и Нинину покупку очередного магазина для ее сети бутиков. Ежемесячную колонку Нины в «Вог», похоже, закроют, но ею заинтересовался газетный синдикат, готовый продолжить.

Запеченный окорок был встречен восторженными похвалами, но мне показалось, что мистер Торн пересластил соус. Когда мы перешли к шоколадному муссу, за окнами стало совсем темно. Отблески отраженного света люстры танцевали на локонах Нины, мои же волосы больше обычного отдавали синевой – во всяком случае, так мне казалось.

Внезапно со стороны кухни послышался какой-то шум. В дверях появился негр-гигант. На его плече лежали чьи-то белые руки, от которых он пытался освободиться, а на лице застыло выражение обиженного ребенка.

– ...Какого черта мы тут сидим, как... – Но руки тут же уволокли его.

– Прошу прощения, дорогие дамы. – Вилли прижал салфетку к губам и встал. Несмотря на возраст, он все еще сохранял грацию движений.

Нина ковыряла ложкой в шоколадном муссе. Мы услышали, как из кухни донеслась резкая, короткая команда, потом звук удара. Вероятно, бил мужчина: звук был жесткий и хлесткий, как выстрел из малокалиберной винтовки. Я подняла глаза. Мистер Торн убирал тарелки из-под десерта.

– Пожалуйста, кофе, мистер Торн. Всем кофе.

Он кивнул, мягко улыбаясь.

* * *

Франц Антон Месмер знал об *этом*, хотя и не понимал, что *это* такое. Я подозреваю, Месмер сам имел зачатки Способности. Современная псевдонаука изучала *это*, нашла для

этого новые названия, уничтожила большую часть *этой* мощи, перепутала ее источники и способы использования, но *это* остается лишь тенью того, что открыл Месмер. У них нет никакого представления о том, что значит ощущать Подпитку.

Я в отчаянии от разгула насилия в нынешние времена. Иногда я целиком отдаюсь этому чувству, падаю в глубокую пропасть без какого-либо будущего – пропасть отчаяния, названного Хопкинсом *утехой падали*. Я разглядываю эту всеамериканскую скотобойню, все эти покушения на президентов, римских пап и бесчисленное количество других людей и иногда задумываюсь: может быть, в мире есть много таких, как мы, обладающих нашей Способностью? Или такая вот бойня стала теперь просто образом жизни?

Все человеческие существа питаются насилием, они питаются властью над другими, но лишь немногие испытали то, что испытываем мы, – абсолютную власть. Без этой Способности очень немногим знакомо несравненное наслаждение в момент лишения человека жизни. Без этой Способности даже те, кто питается жизнью, не могут смаковать поток эмоций в охотнике и его жертве, абсолютный восторг нападающего, который ушел далеко за грань всех правил и наказаний, и то странное, почти сексуальное чувство покорности, охватывающее жертву в последний миг истины, когда уже нет никакого выбора, когда всякое будущее уничтожено, все возможности стерты в акте подчинения другому своей абсолютной власти.

Меня приводит в отчаяние нынешний разгул насилия, его безличность и случайность и то, что насилие стало доступным столь многим. У меня был телевизор, но потом я его продала, в самый разгар войны во Вьетнаме. Эти стерильные кусочки смерти, отнесенные вдаль объективом камеры, совершенно ничего мне не говорили. Но наверное, они что-то значили для того сброда, который нас окружает. Когда закончилась война, а вместе с ней ежевечерние подсчеты трупов по телевидению, этот сброд потребовал: «Еще! Еще!» И тогда с экранов на улицы городов этой милой умирающей нации была выброшена масса заурядных убийств на потребу толпе. Я-то хорошо знаю эту наркотическую тягу. Все они упускают главное. Насильственная смерть, если ее просто наблюдать, всего лишь грязная печальная картинка смятения и хаоса. Но для тех из нас, кто испытал Подпитку, смерть является таинством.

– Теперь моя очередь! Моя! – Голос Нины все еще напоминал интонации красавицы, приехавшей в гости и только что заполнившей танцевальную карточку именами кавалеров на июньском балу кузины Целии.

Мы вернулись в гостиную. Вилли допил свой кофе и попросил у мистера Торна коньяку. Мне стало стыдно за Вилли. Когда допускаешь даже намек на небрежность поведения в присутствии самых близких людей, это верный признак ослабевающей Способности. Нина, казалось, ничего не замечала.

– Тут у меня все разложено по порядку. – Она раскрыла свой альбом с вырезками на чайном столике, который был уже прибран.

Вилли аккуратно просмотрел все. Иногда он задавал вопросы, но чаще неразборчиво ворчал, выражая согласие. Время от времени я тоже давала понять, что согласна, хотя ни о чем из перечисленного не слышала. Разумеется, за исключением этого битла. Нина приберегла его под конец.

– Боже мой, Нина, так это ты?

Вилли был чуть ли не в ярости. Нина кормилась в основном самоубийствами на Парк-авеню и ссорами между мужем и женой, заканчивавшимися выстрелами из дорогих дамских пистолетов малого калибра. А случай с этим битлом был больше похож на топорный стиль Вилли. Возможно, он счел, что кто-то вторгается на его территорию.

– Я хочу сказать... ты же сильно рисковала, ведь так? – продолжал он. – Черт побери... Такая огласка!..

Нина засмеялась и положила калькулятор:

– Вилли, дорогой, но ведь в этом весь смысл Игры, не так ли?

Он подошел к буфету и снова налил себе коньяку. Ветер трепал голые сучья перед окнами синеватого стекла эркера. Я не люблю зиму. Даже на юге она угнетает дух.

– Разве этот... как его... разве он не купил пистолет на Гавайях или где-то там еще? – спросил Вилли, все еще стоя в противоположном углу. – По-моему, он сам проявил инициативу. Я хочу сказать, если он уже подбирался к этому...

– Вилли, дорогой. – Голос Нины стал таким же холодным, как ветер, что трепал голые сучья за окном. – Никто не говорит, что он был уравновешенным человеком. А разве кто-нибудь из твоих был уравновешенным? И все же именно я заставила его сделать это. Я выбрала место, выбрала время. Неужели не ясно, насколько удачен выбор места? После той милой шалости с режиссером фильма про ведьм несколько лет назад?¹¹ Все прямо по сценарию...

– Не знаю. – Вилли тяжело опустился на диван, пролив коньяк на свой дорогой пиджак. Он ничего не заметил. Его лысеющий череп бликовал в свете лампы. Возрастные пятна вечером проступали отчетливее, а шея – там, где ее не прикрывал ворот свитера, – казалось, вся состоит из жил и веревок. – Не знаю. – Он поднял на меня глаза и вдруг заговорщицки улыбнулся. – Тут все как с тем писателем, правда, Мелани? Возможно, именно так.

Нина опустила глаза и теперь смотрела на свои руки, сложенные на коленях. Кончики ее ухоженных пальцев побелели.

* * *

«Вампиры сознания». Так этот писатель собирался назвать свою книгу. Иногда я думаю: а мог ли он вообще что-нибудь написать? Как же его звали?.. Вроде бы русская фамилия.

Однажды мы оба, Вилли и я, получили телеграммы от Нины: «Приезжайте как можно скорее. Вы нужны мне». Этого было достаточно. На следующее утро я полетела в Нью-Йорк первым же рейсом. Самолет был очень шумный, винтовой – «Констеллейшн», – и я большую часть времени пыталась убедить сверхзаботливую стюардессу, что мне ничего не нужно и я вообще чувствую себя прекрасно. Она явно решила, что я чья-то бабушка, никогда прежде не летавшая.

Вилли ухитрился прибыть на двадцать минут раньше меня. Нина совершенно потеряла голову: я никогда не видела, чтобы она была так близка к истерическому припадку. Оказалось, что двумя днями раньше она гостила у кого-то в Нижнем Манхэттене (она, конечно, потеряла голову, но не настолько, чтобы отказать себе в удовольствии упомянуть, какие важные лица присутствовали) и там, в укромном уголке гостиной, обменялась заветными мыслями с молодым писателем. Точнее, это писатель поделился с нею кое-какими заветными мыслями. По словам Нины, это был довольно замызганный тип: жиденькая борода, очки с толстыми линзами, вельветовый пиджак, старая фланелевая рубашка в клетку – в общем, один из тех, кто непременно попадает на удавшихся вечеринках, как утверждает Нина. Слово «битник» уже вышло из моды, и Нина это знала, поэтому она его и не называла так, а слово «хиппи» еще никто не употреблял, да оно и не подходило к нему. Он был из тех писателей, что едва-едва зарабатывают себе на хлеб, по крайней мере в наше время: сочинял вздор с трупами и кровью и писал романы по телесериалам. Александр... фамилию не помню.

У него была идея – сюжет для новой книги, над которой он уже начал работать, и она заключалась в том, что многие из совершавшихся тогда убийств на самом деле задумывались небольшой группой душегубов-экстрасенсов (он называл их «вампирами сознания»), которые использовали других людей для реализации своих кошмарных планов. Он сказал, что одно издательство, специализирующееся на массовых карманных книжках, уже проявило интерес к

¹¹ Отсылка к убийству Шерон Тейт (см. с. 25) и к тому факту, что фильм Р. Поланского «Ребенок Розмари» (1968) снимался в нью-йоркском доме «Дакота», где впоследствии поселился Джон Леннон и около которого был убит.

его заявке и готово заключить с ним контракт хоть сейчас, если он заменит название и добавит немного секса.

– Ну и что? – спросил Вилли почти с отвращением. – И из-за этого ты заставила меня лететь через весь материк? Я бы и сам купил такую идею и сделал бы по ней фильм.

Мы воспользовались этим предложением, чтобы хорошенько допросить Александра, когда Нина на следующий день устроила экспромтом небольшую вечеринку. Меня там не было. Вечер прошел не очень удачно, по словам Нины, но он дал Вилли шанс как следует побеседовать с этим молодым многообещающим романистом. Писателишка выказал прямо-таки суетливую готовность угодить Биллу Бордену, продюсеру «Парижских воспоминаний», «Троих на качелях» и еще пары фильмов, которые память отказывалась удерживать, но которые тоже шли во всех открытых кинотеатрах тем летом. Оказалось, что «книга» представляет собой довольно потертую тетрадку с изложением идеи и десятком страниц заметок. Однако он был уверен, что за пять недель сможет сделать развернутый конспект сценария – может быть, даже за три недели, если отправить его в Голливуд, к источнику «истинного творческого вдохновения».

Поздно вечером мы обсудили и такую возможность. Но у Вилли как раз было туго с наличностью, а Нина настаивала на решительных мерах. В конце концов молодой писатель вскрыл лезвием «жилетт» бедренную артерию и выбежал с истошным воплем в узкий переулок Гринвич-Виллидж, где и умер. Я уверена, что никто не потрудился разобрать оставшиеся после него заметки и прочий хлам.

* * *

– Может быть, все будет как с тем писателем, *ja*, Мелани? – Вилли потрепал меня по колену. – Он был мой, а Нина пыталась приписать его себе. Помнишь?

Я кивнула. На самом же деле ни Нина, ни Вилли не имели к этому никакого отношения. Я не пошла тогда к Нине, чтобы позднее установить контакт с молодым человеком, который и не заметил, что за ним кто-то идет. Все оказалось проще простого. Помню, как я сидела в слишком жарко натопленной маленькой кондитерской напротив жилого дома. Все закончилось так быстро, что я почти не ощутила Подпитки. Потом я вновь услышала звук шипящих радиаторов и почувствовала запах ванили, а люди бросились к дверям посмотреть, кто кричит. Я помню, как медленно допила свой чай, чтобы не пришлось выходить раньше, чем уедет «скорая».

– Вздор, – сказала Нина, снова занявшись своим крохотным калькулятором. – Сколько очков? – Она посмотрела на меня, потом на Вилли.

– Шесть. – Он пожал плечами.

Нина сделала вид, что складывает все очки:

– Тридцать восемь. – Она артистично вздохнула. – Ты опять выиграл, Вилли. Точнее, обыграл меня. Мы еще слушаем Мелани. Ты сегодня что-то очень уж тихая, моя дорогая. У тебя, наверное, какой-то сюрприз для нас?

– Да, – кивнул Вилли. – Твоя очередь выигрывать, Мелани. Ты ждала этого несколько лет.

– У меня – ничего.

Я ожидала взрывного эффекта, потока вопросов, но тишину нарушало лишь тиканье часов на каминной полке. Нина смотрела в угол, словно пыталась увидеть что-то прячущееся в темноте.

– Ничего? – переспросил Вилли.

– Ну, был... один, – призналась я наконец. – Хотя это просто случай. Я увидела их, когда они грабили старика за... Просто случай.

Вилли разволновался. Он встал, подошел к окну, повернул старый стул спинкой к нам и сел на него верхом, сложив руки.

– Что это значит?

– Ты отказываешься играть в Игру? – Нина в упор посмотрела на меня.

Я промолчала – ответ был ясен.

– Но почему? – резко спросил Вилли. От волнения у него снова прорезался немецкий акцент.

Если бы я воспитывалась в эпоху, когда молодым леди было позволено пожимать плечами, я бы сейчас пожала плечами. А так – просто провела пальцами по воображаемому шву на юбке. Вопрос задал Вилли, но, когда я в конце концов ответила, мои глаза смотрели прямо на Нину.

– Я устала. Все это тянется так долго. Наверное, я старею.

– Если не будешь Охотиться, еще не так постареешь, – констатировал Вилли. Его поза, голос, красная маска лица – все говорило о том, как он зол, он еле сдерживался. – Боже мой, Мелани, ты уже выглядишь старухой. Ты ужасно выглядишь, ужасно! Мы ведь ради этого и охотимся, разве не ясно? Посмотри на себя в зеркало! Ты что, хочешь умереть старухой, и все только потому, что устала их Исползовать? – Вилли встал и повернулся к нам спиной.

– Вздор! – Голос Нины был твердым и уверенным. Она снова четко владела ситуацией. – Мелани устала, Вилли. Будь с ней поласковее. У всех бывают такие моменты. Я помню, как ты сам выглядел после войны. Как побитый щенок. Ты ведь даже не мог выйти из своей жалкой квартиры в Бадене. Даже когда мы помогли тебе перебраться в Нью-Джерси, ты просто сидел, хандрил и жалел себя. Мелани придумала Игру, лишь бы поднять твоё настроение. Так что не шуми. И никогда не говори леди, если она устала и немного подавлена, что она ужасно выглядит. Ну, правда, Вилли, ты иногда такой *Schwächsiniger*.¹² И к тому же страшный хам.

Я предвидела разные реакции на свое заявление, но вот этой боялась больше всего. Это означало, что Нине тоже наскучила Игра и она готова перейти на новый уровень поединка. Другого объяснения не было.

– Спасибо, Нина, милая, – сказала я. – Я знала, что ты поймешь меня.

Она коснулась моего колена, словно желая подбодрить. Даже сквозь шерсть юбки я почувствовала, как холодны ее пальцы.

* * *

Мои гости ни за что не хотели оставаться ночевать у меня. Я умоляла их, упрекала, сказала, что их комнаты готовы, что мистер Торн уже разобрал постели.

– В следующий раз, – сказал Вилли. – В следующий раз, Мелани, моя радость. Мы остаемся на весь уик-энд, как когда-то. Или на целую неделю!

Настроение Вилли заметно улучшилось после того, как он получил по тысяче долларов от меня и от Нины в качестве приза. Сначала он отказывался, но я настаивала. А когда мистер Торн принес чек, оформленный на Уильяма Д. Бордена, видно было, что ему это пришлось по душе.

Я снова попросила его остаться, но он сообщил, что у него уже заказан билет на самолет до Чикаго. Нужно было встретиться с автором, который только что получил какую-то премию, и договориться насчет сценария. И вот он уже обнимал меня на прощанье, мы стояли в тесном коридоре, его компаньоны – у меня за спиной, и я на мгновение ощутила ужас.

Но они ушли. Светловолосый молодой человек продемонстрировал свою белозубую улыбку, негр на мгновение втянул голову – это, наверное, была его манера прощаться. И вот мы остались одни. Мы с Ниной.

Но не совсем одни. Мисс Крамер стояла рядом с Ниной в конце коридора. Мистер Торн находился за дверью, ведущей в кухню. Его не было видно, и я оставила его там.

¹² Недоумок (нем.).

Мисс Крамер сделала три шага вперед. На мгновение я перестала дышать. Мистер Торн поднял руку и коснулся двери. Но эта крепкая брюнетка подошла к шкафу, сняла с вешалки пальто Нины и помогла ей одеться.

– Может, все же останешься?

– Нет, Мелани. Я обещала Баррет, что мы поедем в отель.

– Но уже поздно...

– Мы заранее заказали номер. Спасибо. Я непременно свяжусь с тобой.

– Да...

– Правда, правда, милая Мелани. Нам обязательно нужно поговорить. Я тебя понимаю, но ты должна помнить, что для Вилли Игра все еще очень важна. Нужно будет найти способ положить этому конец так, чтобы не обидеть его. Может, заглянем к нему весной в Каринхалле, или как там называется этот его старый мрачный замок в Баварии? Поездка на континент очень помогла бы тебе, дорогая Мелани. Очень.

– Да.

– Я обязательно свяжусь с тобой, как только закончу дела с покупкой магазина. Нам нужно побыть немного вместе, Мелани... Ты и я, никого больше... как в старые добрые времена. – Она поцеловала воздух рядом с моей щекой и на несколько секунд крепко сжала мои локти. – До свидания, дорогая.

– До свидания, Нина.

* * *

Я отнесла коньячный бокал на кухню. Мистер Торн молча взял его.

– Посмотрите, все ли в порядке, – велела я.

Он кивнул и пошел проверять замки и сигнализацию. Было всего лишь без четверти десять, но я чувствовала себя очень уставшей.

«Возраст», – подумала я, поднимаясь по широкой лестнице – пожалуй, самому замечательному месту в этом доме.

Я переоделась ко сну. За окном разразилась буря, в ударах ливневых струй по стеклу слышался нарастающий печальный ритм.

Я расчесывала волосы, жалея, что они такие короткие, когда в спальню заглянул мистер Торн. Я повернулась к нему. Он опустил руку в карман своего темного жилета. Когда он вытащил руку, сверкнуло тонкое лезвие. Я кивнула. Он сложил нож и закрыл за собой дверь. Было слышно, как его шаги удалялись вниз по лестнице, к стулу в передней, где ему предстояло провести ночь.

Кажется, в ту ночь мне снились вампиры. А может, я просто думала о них перед тем, как заснуть, и обрывок этих мыслей застрял в голове до утра. Из всех ужасов, которыми человечество пугает себя, из всех этих жалких крохотных чудовищ только в мифе о вампирах есть какой-то намек на внутреннее достоинство. Как и человеческими существами, которыми он питается, вампир движут его собственные темные влечения. Но, в отличие от своих жалких человеческих жертв, вампир ставит себе единственную цель, которая может оправдать грязные средства, – бессмертие, в буквальном смысле. Тут есть некое благородство. И некая печаль.

Вилли прав – я действительно постарела. Этот последний год отнял у меня больше, чем предыдущее десятилетие. И все же я не прибегала к Подпитке. Несмотря на голод, несмотря на свое стареющее отражение в зеркале, несмотря на темное влечение, правившее нашей жизнью вот уже столько лет, *я ни разу за год не прибегала к Подпитке.*

Я заснула, пытаясь вспомнить черты лица Чарльза.

Я заснула голодной.

Глава 2

Бeverли-Хиллз

Суббота, 13 декабря 1980 г.

На лужайке перед домом Тони Хэрода имелся большой круглый фонтан в виде сатира, который мочился в бассейн, глядя на Голливуд, что лежал внизу, в каньоне, с выражением то ли болезненного отвращения, то ли издевательского презрения. У знавших Тони Хэрода не возникало сомнений насчет того, какое именно выражение подходило больше.

Особняк когда-то принадлежал актеру немого кино. Находясь на пике своей карьеры, после нечеловеческих усилий актер преодолел этот барьер, перешел в звуковое кино, и все лишь затем, чтобы умереть от рака горла через три месяца после выхода на экраны своего первого звукового фильма. Его вдова отказалась покинуть огромный дом и прожила там еще тридцать пять лет, по сути как смотрительница мавзолея, частенько заимствуя (без отдачи) деньги у старых голливудских знакомых либо родственников, которых раньше не замечала, и все только для того, чтобы заплатить налоги. В 1959 году она умерла, и дом купил сценарист, написавший три из пяти романтических комедий с Дорис Дэй, вышедших к тому времени. Сценарист очень сетовал, что сад заброшен, а в кабинете на втором этаже держится дурной запах. В конце концов он влез в долги и пустил себе пулю в лоб в сарае. На следующий день его нашел садовник, но никому ничего не сказал, опасаясь, что его арестуют как незаконного иммигранта. Труп был обнаружен во второй раз юристом Гильдии сценаристов, который как раз явился обсудить с писателем план защиты на предстоящем судебном разбирательстве по поводу плагиата.

Далее домом поочередно владели: знаменитая актриса, жившая там месяца три в промежутке между своим пятым и шестым браком; мастер специальных эффектов, который погиб в 1976 году во время пожара на складе; нефтяной шейх, выкрасивший сатира в розовый цвет и давший ему еврейское имя. В 1979-м шейха пристрелил его собственный зять, когда шейх, отправившись на хадж в Мекку, проезжал через Риад. Тони Хэрод купил особняк четыре года спустя.

– Обалдеть, до чего красиво, – сказал Хэрод, стоя с агентом по недвижимости на мощеной плитам дорожке и глядя на сатира. – Покупаю. – Час спустя он передал задаток – чек на шестьсот тысяч долларов, даже не побывав внутри особняка.

Шейла Баррингтон слышала множество историй о разных импульсивных поступках Тони Хэрода. О том, как Хэрод оскорбил Трумена Капоте перед двумястами приглашенными гостями, и о скандале в 1978 году, когда Тони и одного из самых близких помощников президента Джимми Картера арестовали за хранение наркотиков. Никто не попал в тюрьму, ничего не было доказано, но ходили слухи, что Хэрод подставил несчастного парня из Джорджии ради хохмы. Шейла наклонилась, чтобы взглянуть на сатира, когда ее «мерседес» с шофером проскользнул по извилистой дорожке к главному зданию. С ней не было ее матери, и она это очень остро чувствовала. Не было с ней и Лорен – ее агента, и Ричарда – агента ее матери, и Каулза – шофера и телохранителя, и Эстабана – ее парикмахера. Шейле было семнадцать лет, и девять из них она подвизалась как весьма удачливая фотомоделль, а два последних – как киноактриса, но, когда «мерседес» остановился перед украшенной резьбой парадной дверью

особняка Хэрода, она ощущала себя скорее принцессой из сказки, вынужденной навестить злого людоеда.

«Нет, он не людоед, – подумала Шейла. – Как там Норман Мейлер назвал Тони после какого-то приема прошлой весной? Злой маленький тролль. Я должна пройти через пещеру злого маленького тролля, прежде чем найти сокровище».

Шейла нажала кнопку звонка и почувствовала, как напряглись мышцы ее спины. Она утешала себя тем, что там будет и мистер Борден. Ей нравился этот старый продюсер с его старосветской любезностью и легким приятным акцентом. Она вновь ощутила некое внутреннее напряжение, представив, что скажет ее мать, если обнаружит, что Шейла втайне решилась на такую встречу. Она уже собралась повернуться и уйти, когда дверь широко распахнулась.

– А-а, мисс Баррингтон, я полагаю. – На пороге стоял Тони Хэрод, в бархатном халате.

Испуганно глядя на него, Шейла гадала, есть ли на нем что-нибудь под этим халатом? В плотной растительности, покрывавшей грудь, виднелось несколько седых волосков.

– Здравствуйте, – сказала девушка и прошла за своим будущим продюсером в холл.

На первый взгляд ничего троллеподобного в Тони Хэроде не наблюдалось: мужчина ниже среднего роста – в Шейле было 178 сантиметров, многовато даже для модели, а рост Хэрода вряд ли превышал 162; длинные руки и несоразмерно большие кисти болтались по бокам шуплого, почти мальчишеского торса. Очень темные, коротко стриженные волосы свисали волнистой челкой на высокий белый лоб. Шейла подумала, что первым намеком на тролля, который, возможно, скрывался в этой фигуре, мог быть тусклый цвет кожи, более естественный для жителя какого-нибудь прокопченного северо-восточного города, а не для человека, прожившего двенадцать лет в Лос-Анджелесе. Скулы были резко очерчены, даже слишком, и это впечатление вовсе не смягчали сардонический разрез рта, множество мелких острых зубов во рту (казалось, их было больше положенного) и быстро мелькавший розовый язык, которым он постоянно облизывал нижнюю губу. Глубоко посаженные глаза окружала синева, словно от недавно сошедших синяков, но не это заставило Шейлу резко вдохнуть и остановиться у выложенного плиткой входа. Она была очень восприимчива к выражению глаз (ее собственные глаза в значительной мере сделали ее тем, кем она была), и ей еще никогда не доводилось видеть такого взгляда, как у Тони Хэрода. Ленивый томный взгляд маленьких карих глаз с тяжелыми веками, слегка рассеянный, насмешливо безразличный, казалось, излучал власть и вызов, резко контрастирующие со всем его видом.

– Проходи, детка. Черт, а где же твое сопровождение и толпы поклонников? Я думал, ты никогда не появляешься без своей армии.

– Простите?.. – недоуменно сказала Шейла и тут же умолкла. От этой встречи зависело слишком многое, чтобы вот так терять очки.

– Ладно, забудь. – Хэрод отступил на шаг и принялся ее разглядывать.

Прежде чем он засунул руки в карманы халата, Шейла успела заметить его необычайно длинные бледные пальцы. Как у Голлума в «Хоббите».

– Дьявол, ну ты прямо красотка, – выдал коротышка. – Я слыхал, что ты эдакая секс-бомба, но в жизни ты впечатляешь покруче, чем на экране. Пляжные мальчики, наверное, выпрыгивают из штанов, когда ты появляешься.

Шейла резко выпрямилась. Она готова была вынести немного хамства, но похабщина приводила ее в ужас – так ее воспитали.

– Мистер Борден уже пришел? – холодно спросила она.

Хэрод улыбнулся и покачал головой:

– Боюсь, что нет. Вилли поехал навестить старых друзей где-то на юге... то ли в Болотвилле, то ли еще где.

Шейла остановилась. Она приготовилась обсуждать важный для себя контракт с мистером Борденом и вторым продюсером, но мысль о том, что ей придется иметь дело только с

Тони Хэродом, заставила ее содрогнуться. Она уже собралась уйти под каким-нибудь предлогом, но в этот момент в дверях появилась женщина необыкновенной красоты.

– Мисс Баррингтон, позвольте представить вам мою помощницу Марию Чэнь, – сказал Хэрод. – Мария, это Шейла Баррингтон, очень талантливая молодая актриса и, возможно, звезда нашего нового фильма.

– Здравствуйте, мисс Чэнь.

Шейла окинула женщину оценивающим взглядом. Ей было лет тридцать с небольшим, восточное происхождение выдавали лишь высокие скулы, черные волосы и разрез глаз. Она сама могла бы стать моделью, стоит ей только захотеть.

Возникло некоторое напряжение, неизбежное, когда знакомятся две красивые женщины, но оно быстро рассеялось от теплой улыбки старшей из них.

– Мисс Баррингтон, очень рада с вами познакомиться. – Рукопожатие Чэнь оказалось крепким и приятным. – Я уже давно восхищаюсь вашей работой в рекламе. У вас есть довольно редкое качество. Мне кажется, разворот в «Вог», который сделал Аведон,¹³ просто великолепен.

– Спасибо, мисс Чэнь.

– Пожалуйста, зовите меня Мария. – Она улыбнулась и повернулась к Хэроду. – Вода в бассейне как раз нужной температуры. Я задержу все звонки на следующие сорок пять минут.

Хэрод кивнул:

– Прошлой весной я попал в аварию, и теперь мне каждый день приходится проводить некоторое время в джакузи. Это немного помогает. – Он слегка улыбнулся, заметив, что гостья стоит в нерешительности. – По правилам моего бассейна купальный костюм обязателен. – Хэрод развязал пояс халата; под ним оказались красные плавки с золотой монограммой – его инициалами. – Ну, так как? Мария может провести вас сейчас в раздевалку – или вы хотите обсудить фильм позже, когда вернется Вилли?

Шейла быстро прикинула. Она сомневалась, что сможет долго держать такую сделку в тайне от Лорен и своей матери. Вполне возможно, это единственный шанс заключить контракт на ее собственных условиях.

– У меня с собой нет купальника, – улыбнулась она.

– С этим никаких проблем, – тут же заверила Мария Чэнь. – У Тони есть купальные костюмы для гостей всех размеров и на любую фигуру. Даже имеется парочка для пожилой тетушки, на случай, если она приедет его навестить.

Шейла рассмеялась и пошла за Марией по длинному коридору, через гостиную, обставленную дорогой мебелью, среди которой заметно выделялся огромный телевизионный экран, мимо полок с электронной видеоаппаратурой, а потом еще вдоль одного коридора в отделанную кедром раздевалку. Здесь в широких выдвижных ящиках лежали мужские и женские купальные костюмы разных стилей и расцветок.

– Я оставляю вас. Переодевайтесь, – сказала Мария Чэнь.

– А вы составите нам компанию?

– Может быть, позже. Мне нужно закончить печатать кое-какие письма Тони. Вам понравится вода... И еще, мисс Баррингтон... Не обращайте внимания на манеры Тони. Он иногда грубоват, но всегда справедлив.

Шейла кивнула и, как только Мария Чэнь закрыла дверь, принялась рассматривать купальные костюмы. Здесь имелись крохотные французские бикини, купальники без лямок, строгие закрытые модели любых расцветок. Фирменные ярлыки впечатляли – «Готтекс», «Кристиан Диор», «Кеннет Коул». Шейла выбрала оранжевый купальник – не слишком вызывающего покроя, но с достаточно высоким вырезом, чтобы ее бедра и длинные ноги выглядели

¹³ Ричард Аведон (1923–2004) – знаменитый американский фотограф, мастер документальной и модной фотографии.

наилучшим образом. Она по опыту знала, что ее маленькая крепкая грудь будет смотреться чудесно, особенно там, где сосок слегка проступает сквозь тонкую материю. А оранжевый цвет оттенит зеленоватый отблеск ее карих глаз.

Через другую дверь Шейла вышла в помещение, похожее на оранжерею, закрытое с трех сторон закругленными стеклянными стенами, сквозь которые на буйную тропическую зелень падали потоки солнечного света. В четвертую стену рядом с дверью был вмонтирован еще один огромный телеэкран. Из невидимых динамиков лилась приглушенная классическая музыка. Воздух был необычайно влажен. За стеной Шейла увидела еще один бассейн, гораздо больше внутреннего; лучи утреннего солнца отражались от голубой поверхности.

Тони Хэрод возлежал в воде с мелкой стороны бассейна и прихлебывал из высокого бокала. Шейла почувствовала, как горячий влажный воздух давит на нее, словно одеяло.

– Где ты застряла, детка? Мне пришлось залезть в воду без тебя.

Шейла улыбнулась и села на край небольшого бассейна, метрах в полутора от Хэрода: не так далеко, чтобы это можно было принять за оскорбление, но и не в интимной близости. Она лениво болтала ногами в пенящейся воде, оттягивая носок, чтобы показать, какие у нее красивые икры и мышцы бедра.

– Ну что ж, поговорим? – Хэрод облизнул кончиком языка нижнюю губу.

– Вообще-то, мне не следовало быть здесь, – тихо сказала Шейла. – Такими делами занимается мой агент. И потом, я всегда советуюсь с мамой перед тем, как принять решение насчет нового контракта... даже если это работа моделью всего лишь на уик-энд. Сегодня я пришла только потому, что меня попросил об этом мистер Борден. Он к нам очень мило относится с того...

– Знаю, знаю, он от тебя тоже без ума, – перебил Хэрод и поставил бокал на край, облицованный плиткой. – Значит, дело обстоит так. Вилли купил права на бестселлер, который называется «Торговец рабынями». Это – кусок дерьма, написанный для неграмотных юнцов лет четырнадцати и безмозглых домохозяек, что каждый месяц давятся в очереди за последним любовным романом. Читиво, под которое дебилам хорошо заниматься онанизмом. Естественно, эта чушь разошлась в трех миллионах экземпляров. Мы заполучили права до публикации. У Вилли кто-то есть в издательстве «Баллантайн» – тот, кто предупреждает его, когда вот такое дерьмо имеет шанс прорваться в бестселлеры.

– Все это, конечно, заманчиво... – тихо сказала Шейла.

– Куда уж, к черту, заманчивее. В кино, естественно, от книги останутся только основная сюжетная линия да дешевый секс. Но у нас над этим поработают хорошие специалисты. Майкл Мей-Дрейнен уже приступил к сценарию, а Шуберт Уильямс согласился быть режиссером.

– Шу Уильямс? – Шейла несколько опешила. Уильямс только что закончил нашумевший фильм для Эм-джи-эм. Она опустила взгляд на пузырящуюся поверхность бассейна. – Боюсь, материал такого рода вряд ли нас заинтересует. – Затем продолжила: – Моя мама... я хочу сказать, мы очень осторожно подходим к материалу, с которого должна начаться моя карьера в кино.

– Ну да! – воскликнул Хэрод и допил то, что у него оставалось в бокале. – Два года назад ты снялась в «Надежде Шенерли». Умиравшая девушка встречается с умирающим аферистом в мексиканской клинике, они отказываются от погони за очередной панацеей и находят настоящее счастье в последние недели своей жизни. С ума сойти! Как писала критика: «От одних роликов этой сахарной клюквы у диабетиков начинается приступ...»

– Там была очень плохая реклама...

– Этому надо радоваться, крошка. Затем, в прошлом году, твоя мамочка засунула тебя к Уайзу в эту его лабуду «К востоку от счастья». Из тебя хотели сделать новую Джули Эндрюс

в этой дешевке, в дрянном плагиате «Звуков пузика».¹⁴ Хотели, да не сумели. И еще. Шестидесятые годы, хиппи, всякие там дети-цветы уже в прошлом, теперь пришли злые восьмидесятые, и, хотя я вам не агент и вообще никто, мисс Баррингтон, я вам вот что скажу: стараниями вашей мамочки и всей этой тусовки ваша карьера в кино сидит глубоко в жопе. Они пытаются сделать из вас нечто типа Мари Осмонд... Знаю, знаю, вы принадлежите к церкви Святых Последних Дней, ну и что? На обложке «Вог» и «Семнадцать» ты выглядела роскошно, а теперь готова спустить все это в унитаз. Они пытаются продать тебя как невинную двенадцатилетнюю девочку, но теперь такое уже не проходит.

Шейла сидела не шевелясь. Мысли ее метались, она никак не могла придумать, что сказать. Ей ужасно хотелось послать этого коротышку-тролля к черту, но она не знала, как это сделать потактичней. Все ее будущее зависело от следующих нескольких минут, а в голове была полная путаница.

Хэрод вылез из воды и пошлепал босыми ногами к бару, устроенному среди папоротников. Он налил себе высокий бокал грейпфрутового сока и оглянулся на Шейлу:

– Хочешь чего-нибудь, детка? Тут у меня есть все. Даже гавайский пунш, если ты сегодня настроена на особо мормонский лад.

Она покачала головой.

Продюсер снова опустился в бассейн и поставил бокал себе на грудь. Взглянув на зеркало в стене, он почти незаметно кивнул:

– Ладно. Поговорим про «Торговца рабынями», или как там он будет называться в конце концов.

– Я не думаю, что нас заинтересует...

– Ты получишь четыреста тысяч сразу, – сказал Хэрод, – плюс процент дохода от картины, но от него ты вряд ли что увидишь, если учесть привычки нашей бухгалтерии. Самое главное, что ты на этом заработаешь, – это имя. С этим именем тебя возьмет любая студия в Голливуде. Фильм будет потрясным, поверь мне, детка. Я нюхом чую кассовый фильм уже после первого черновика развернутого плана. Тут пахнет большими деньгами.

– Боюсь, мне это не подойдет, мистер Хэрод. Мистер Борден сказал, что, если меня не заинтересует первое предложение, мы могли бы...

– Съёмки начинаются в марте, – перебил Хэрод. Он сделал большой глоток и закрыл глаза. – Шуберт утверждает, что они займут недель двенадцать, так что рассчитывай на двадцать. Натурные съёмки будут в Алжире, Испании, несколько дней в Египте, потом еще недели три в студии «Пайнвуд» – дворцовые сцены и прочее.

Шейла встала. Капельки воды блестели на ее икрах. Она уперла руки в боки и сердито взглянула на безобразного коротышку в бассейне. Хэрод лежал, не открывая глаз.

– Вы меня не слушаете, мистер Хэрод, – резко бросила она. – Я сказала – нет. Я не стану играть в вашем фильме. Ведь я даже не видела сценария. Так что можете взять своего «Торговца рабынями», или как там его, и... и...

– Засунуть себе в жопу? – Хэрод открыл глаза. Это было похоже на то, как если бы проснулась ящерица. Вода бурлила на его покрытой шерстью груди.

– До свидания, мистер Хэрод.

Девушка резко повернулась и направилась к выходу. Она успела сделать три шага, когда он окликнул ее:

– Боишься постельных сцен, детка?

Она замедлила было шаг, потом пошла дальше.

– Боишься постельных сцен, – повторил Хэрод, на сей раз без вопросительной интонации.

Шейла дошла уже до двери, но остановилась и, крепко сжав кулаки, повернулась к нему:

¹⁴ Джули Эндрюс (р. 1935) исполнила главную роль в мюзикле Роберта Уайза «Звуки музыки» (1965).

– Я еще не видела сценария! – Голос ее прервался, и, к собственному изумлению, она чуть не расплакалась.

– Конечно, там есть постельные сцены, – продолжал Хэрод, как будто она не сказала ни слова. – Там есть эпизод, от которого все сопляки в зале кончат. Можно, конечно, использовать дублершу... Можно, но не нужно. Ты сама с этим справишься.

Шейла мотнула головой. В ней закипела ярость, которую невозможно было выразить словами. Она повернулась и, как слепая, потянулась к ручке двери.

– Стой! – Тони Хэрод сказал это тихим, еле слышным голосом, но он подействовал на нее сильнее, чем крик.

Она остановилась как вкопанная. Казалось, ее шею стискивают холодные пальцы.

– Подойди сюда.

Девушка молча повиновалась. Хэрод лежал в воде, скрестив на груди руки с длинными пальцами-щупальцами. Глаза его, влажные, с тяжелыми веками, были почти закрыты – ленивый взгляд крокодила. Какая-то часть сознания Шейлы в панике дико сопротивлялась, а другая просто наблюдала за всем происходящим с возрастающим интересом.

– Сядь.

Она села на край бассейна в метре от него, опустив свои длинные ноги в воду. Белая пена покрыла ее загорелые бедра. Казалось, ее собственное тело было очень далеко от нее и она смотрела на себя как бы со стороны.

– Так вот, я и говорю, ты сама справишься, детка. Все мы немного эксгибиционисты, а тут тебе еще заплатят целое состояние за то, что тебе и так хотелось бы делать.

Словно преодолевая некий жуткий ступор, Шейла подняла голову и взглянула в упор на Тони Хэрода. В пятнистом свете оранжереи зрачки его глаз открылись так широко, что казались черными дырками на бледном лице.

– Вот как сейчас, – очень тихо сказал он. Возможно, он вообще ничего не говорил. Слова будто сами проскользнули в мозг Шейлы, как холодные монеты, опускающиеся в темную воду. – Здесь ведь тепло. Зачем тебе этот купальник?

Шейла смотрела на него широко раскрытыми глазами. Где-то далеко-далеко, в конце тоннеля, она видела себя маленькой девочкой, готовой расплакаться. В изумлении она наблюдала, как рука ее поднялась и потянула материю книзу, край купальника врезался в выпуклость груди. На коже осталась тонкая красная полоска от резинки.

Хэрод почти незаметно улыбнулся и кивнул.

Словно получив разрешение, Шейла резко дернула купальник. Грудь ее мягко колыхнулась, когда с нее соскользнула оранжевая ткань. Нежная кожа была изумительно белой, только кое-где виднелись мелкие веснушки. Соски быстро набухли и выпрямились от прохладного воздуха. Их окружали большие ярко-коричневые ореолы с несколькими черными волосками по краям; Шейла считала, что это очень красиво, и никогда их не выдергивала. Об этом никто не знал. Она не разрешала фотографировать свою грудь даже Аведону.

Лицо Хэрода теперь виделось ей просто бледным пятном. Комната, казалось, накренилась и стала вращаться. Гул машины, вспенивающей воду бассейна, усилился и звоном отдавался в ее ушах. И тут Шейла почувствовала, как в ней что-то шевельнулось, ее стала наполнять какая-то приятная теплота. Появилось ощущение, будто чья-то рука нежно ласкает ее между ног. Девушка резко вздохнула, почти вскрикнула; спина ее невольно выгнулась.

– Здесь правда очень тепло, – сказал Тони Хэрод.

Шейла провела руками по лицу, коснулась век с чувством, похожим на изумление, потом погладила ладонями шею, ключицы и остановилась, когда пальцы прижались к груди, где началась белая полоска. Она чувствовала, как в артерии на шее бьется пульс, словно испуганная птица в клетке. Потом ее руки скользнули еще ниже, спина снова выгнулась, когда ладони коснулись сосков, ставших болезненно чувствительными. Она приподняла грудь, как учил ее док-

тор Кеммерер, когда ей было четырнадцать, но сейчас она не осматривала ее, а только сжала, еще сильнее, и ей захотелось взвизгнуть от наслаждения.

– Купальник вообще не нужен, – снова прошептал Хэрод.

Шептал он или нет? Шейла была как в тумане. Она смотрела прямо на него, но губы его не шевелились. Они были растянуты в полуулыбке, обнажая маленькие зубы, похожие на острые белые камешки.

Но это было не важно. Гораздо важнее было освободиться от липнущего к телу купальника. Шейла еще ниже опустила ткань, ниже легкой выпуклости живота, потом приподняла ягодицы и протасила под ними резинку. Теперь купальник был всего лишь куском материи, болтавшейся на одной ноге, и она рывком скинула его. Она глянула вниз на свое тело, на внутренний изгиб бедра, на лобок с узким треугольником волос. У нее снова закружилась голова, на этот раз от невероятности происходящего, но тут она почувствовала мягкое касание внутри и откинулась назад, опершись на локти.

Бурлящая вода покрывала ее бедра. Шейла подняла руку и медленно провела пальцами по голубой вене, пульсирующей на белой коже груди. Малейшее касание обжигало ее тело, как огонь. Вода в бассейне плескалась в такт резким ударам ее сердца. Она согнула правую ногу и погладила промежность, затем ладонь ее двинулась выше, стирая капельки воды, блестящие на тонких золотистых волосках. Теплота наполнила ее всю до краев. Налившаяся кровью вульва пульсировала сладостно, как в те интимные минуты перед сном, только сейчас не было стыда, а лишь горячее желание испытать *это* прямо здесь, и она со стоном раздвинула ноги.

– Мне тоже не нужен купальник. Слишком жарко. – Хэрод допил сок, выбрался из бассейна и поставил стакан подальше от края.

Шейла повернулась, чувствуя, как прохладные плиты касаются ее обнаженных бедер. Длинные волосы почти скрывали ее лицо, она поползла вперед на локтях, слегка приоткрыв рот. Хэрод откинулся назад, лениво болтая ногами в воде. Шейла остановилась и подняла на него глаза. Ласковое поглаживание там, в глубине мозга, усилилось, невидимые пальцы нашли самую чувствительную эрогенную точку и стали медленно, как бы дразня, скользить вокруг нее. Шейла со стоном выдохнула и невольно стиснула бедра – внутри горячими волнами, одна за другой, прошел первый оргазм. Шепот в голове усилился – это был дразнящий шелест, казавшийся частью наслаждения.

Грудь ее коснулась пола, она потянулась и стащила плавки Тони одним быстрым и в то же время грациозным движением. Скомканная ткань скользнула по коленям тролля и упала в воду. Низ его живота тоже был покрыт черной шерстью. Бледный вялый пенис медленно зашевелился в своем темном гнезде.

Шейла подняла глаза и увидела, что улыбка исчезла с лица продюсера. Глаза его были всего лишь отверстиями в бледной маске. Никакого возбуждения, только сосредоточенность хищника, пригвоздившего взглядом свою жертву. Но ей было уже все равно. Она не понимала, что происходит. Чувствовала только, как поглаживание где-то в глубине мозга усилилось и перешло за грань экстаза и боли. Чистое наслаждение, как от наркотика, потекло по всем ее жилам.

Шейла прильнула щекой к бедру Хэрода и потянулась правой рукой к его пенису. Он лениво отбросил ее руку. Она закусила губу и застонала. В ней бушевал смерч ощущений, ее подстегивали только страсть и боль. Ноги ее беспорядочно дергались, как при спазмах, она корчилась на краю бассейна, губы жадно скользили по солоноватой поверхности бедра Хэрода. Она почувствовала привкус собственной крови во рту, и рука ее невольно потянулась к мошонке Хэрода. Согнув правую ногу в колене, он мягко столкнул девушку в бассейн. Но тело ее продолжало прижиматься к его ногам; постанывая, она судорожно искала руками его плоть.

Вошла Мария Чэнь, подключила телефон к розетке в стене и поставила его на пол рядом с Хэродом.

– Вашингтон на проводе. – Она мимоходом взглянула на Шейлу и вышла.

Тепло и возбуждение покинули мозг и тело Шейлы с такой внезапностью, что она вскрикнула от боли. Она тупо смотрела перед собой несколько секунд, потом попятилась назад в глубину бассейна. Ее тут же начало сильно трясти, и она прикрыла грудь руками.

– Хэрод у телефона. – Продюсер встал, подошел к плетеному креслу и набросил на себя бархатный халат.

Не веря своим глазам, Шейла смотрела, как под тканью исчезли его бледные чресла. Ее затрясло еще сильнее, по телу побежали мурашки. Она впилась ногтями в свои волосы и опустила лицо к воде.

– Да? – сказал Хэрод. – А-а, проклятье! Когда? Ты уверен, что он был на борту? Вот черт! Оба? А эта, как ее?.. Сука... Нет-нет, я сам разберусь. Нет. Я сказал – сам разберусь! Да. Дня через два приеду. – Он с грохотом бросил трубку и рухнул в кресло.

Шейла схватила купальник, лежавший на краю бассейна. Все еще дрожа и плохо соображая, она присела на корточки в пенящейся воде и натянула купальник. Она плакала навзрыд, сама того не замечая. «Этого не могло быть!» – беспомощно крутилась у нее в голове единственная мысль.

Хэрод взял пульт от огромного телеэкрана, вмонтированного в стену, и нажал кнопку. Экран сразу ожил, и Шейла увидела себя сидящей на краю небольшого бассейна. Вот она посмотрела в сторону бессмысленным взглядом, улыбнулась, как будто ей привиделось что-то приятное, и потянула свой купальник вниз. Показалась белая грудь, торчащие соски, большие ареолы, отчетливо коричневые даже в плохом освещении...

– Нет! – вскрикнула она и стала молотить кулаками по воде.

Хэрод повернул голову и посмотрел на нее, – казалось, он увидел ее в первый раз. Тонкие губы сложились в подобие улыбки.

– Боюсь, наши планы немного изменились, – тихо сказал он. – Мистер Борден не сможет заняться этим фильмом. Я буду твоим единственным продюсером.

Шейла перестала молотить по воде как безумная. Ее мокрые волосы свисали на лицо, рот раскрылся, с подбородка капали слезы. Слышны были только ее безудержные рыдания да гудение джакузи.

– Будем придерживаться первоначального расписания съемок, – бросил Хэрод почти безучастно.

Он взглянул на экран, где Шейла Баррингтон, извиваясь, ползла по темным плиткам. Показалось обнаженное тело мужчины. Камера выхватила лицо девушки крупным планом: она терлась щекой о бледное волосатое бедро. Глаза ее горели от страсти, красный рот пульсировал, смыкаясь и размыкаясь, как у рыбы.

– Я думаю, мистер Борден больше не будет делать с нами фильмов, – продолжил Хэрод. Он повернул к ней голову, глаза его медленно мигнули, как черные маяки. – С этого момента в деле остаемся только мы с тобой, детка.

Губы Хэрода дрогнули, и Шейла снова увидела маленькие острые зубы.

– Боюсь, мистер Борден вообще ни с кем больше не будет делать никаких фильмов. – Он опять повернулся к экрану и тихо добавил: – Вилли погиб.

Глава 3

Чарлстон

Суббота, 13 декабря 1980 г.

Когда я проснулась, сквозь ветви пробивались яркие лучи солнца. Был один из тех хрустальных зимних дней, из-за которых стоит жить на юге: совсем не то, что на севере, где эти янки просто с тоской переживают зиму. Над крышами виднелись зеленые верхушки пальм. Когда мистер Торн принес мне завтрак на подносе, я велела ему слегка приоткрыть окно. Я пила кофе и слушала, как во дворе играют дети. Несколько лет назад мистер Торн принес бы вместе с подносом утреннюю газету, но я уже давно поняла, что читать о глупостях и мировых скандалах – лишь осквернять утро. По правде сказать, жизнь общества все меньше занимала меня. Уже двенадцать лет я обходилась без газет, телефона и телевизора и никак от этого не страдала, если только не назвать страданием растущее чувство самоудовлетворения. Я улыбнулась, вспомнив разочарование Вилли, когда он не смог показать нам свои видеокассеты. Вилли такой ребенок!

– Сегодня суббота, не так ли, мистер Торн? – Когда он кивнул, я приказала ему жестом убрать поднос. – Сегодня мы выйдем из дому. На прогулку. Возможно, сплаваем к форту. Потом пообедаем «У Генри» – и домой. Мне надо сделать кое-какие приготовления.

Мистер Торн слегка задержался и чуть не споткнулся, выходя из комнаты. Я как раз завязывала пояс халата, но тут остановилась – прежде мистер Торн не позволял себе неловких движений. До меня как-то сразу дошло, что он тоже стареет. Он поправил тарелки на подносе, кивнул и вышел.

В такое прекрасное утро я не собиралась огорчать себя мыслями о старости. Меня наполнили новая энергия и решимость. Вчерашняя встреча прошла не слишком удачно, но и не так плохо, как могло быть. Я честно сказала Вилли и Нине о том, что намерена выйти из Игры. В следующие несколько недель или месяцев они – или, по крайней мере, Нина – начнут задумываться над возможными последствиями этого решения, но к тому моменту, когда они соберутся действовать, вместе или поодиночке, я уже исчезну. Новые, да и старые документы уже ожидали меня во Флориде, в Мичигане, Лондоне, южной Франции и даже в Нью-Дели. Хотя Мичиган был пока исключен – я отвыкла от сурового климата. А Нью-Дели стал теперь не так гостеприимен к иностранцам, как перед войной, когда я недолго жила там.

В одном Нина была права: возвращение в Европу пойдет мне на пользу. Я чувствовала, что уже тоскую по яркому солнечному свету в моем загородном доме близ Тулона, по сердечности местных крестьян и их умению жить.

Воздух был потрясающе свежим. На мне было простое ситцевое платье и легкое пальто. Когда я спускалась по лестнице, артрит в правой ноге немного мешал мне, но я опиралась на старую трость, принадлежавшую когда-то моему отцу. Молодой слуга-негр вырезал ее для отца в то лето, когда мы переехали из Гринвилла в Чарлстон.

Во дворе нас обдало теплым ветром, и я невольно улыбнулась.

Из своего подъезда вышла миссис Ходжес. Это ее внучки играли с подружками вокруг высохшего фонтана. Уже два столетия двор этот был общим для трех кирпичных зданий. Из них только мой дом не разделен на дорогие городские квартиры.

– Доброе утро, миз Фуллер.

– Доброе утро, миссис Ходжес. Прекрасный день сегодня.

– Замечательный. Собираетесь пройтись по магазинам?

– Нет, всего лишь на прогулку, миссис Ходжес. Странно, что мистера Ходжеса не видно.

Мне казалось, по субботам он всегда работает во дворе.

Миссис Ходжес нахмурилась. Мимо пробежала одна из ее маленьких внучек, а за ней с визгом промчалась ее подружка.

– Джордж сегодня на причале.

– Днем?

Мне всегда было забавно лицезреть мистера Ходжеса, отправляющегося по вечерам на работу: форма охранника аккуратно выглажена, из-под фуражки торчат седые волосы, сверток с едой крепко зажат под мышкой. Мистер Ходжес был похож на пожилого ковбоя, с его дубленой кожей и кривыми ногами. Он был из тех людей, которые вечно собираются уйти на пенсию, но понимают, что образ жизни пенсионера – это нечто вроде смертного приговора.

– Да. Один из этих цветных из дневной смены бросил работу в хранилище, и они попросили Джорджа заменить его. Я сказала ему, что он уже не мальчик – выходить четыре ночи в неделю, а потом еще и в субботу, но вы же знаете, что это за человек...

– Ну что ж, передайте ему привет от меня. – Мне уже становилось не по себе от этой детской беготни вокруг фонтана.

Миссис Ходжес проводила меня до наших железных кованых ворот.

– Вы куда-нибудь едете отдыхать, миз Фуллер?

– Вероятно, миссис Ходжес. Вполне вероятно.

И вот уже мы с мистером Торном идем не торопясь по тротуару к Батарее. По узкой улочке медленно проехали несколько автомобилей с туристами, которые глазели на дома в нашем старом квартале, но в общем день обещал быть спокойным и безмятежным. Мы свернули на Брод-стрит, откуда уже виднелись мачты яхт и парусных лодок, хотя до воды было еще далеко.

– Пожалуйста, купите билеты, мистер Торн, – попросила я. – Мне бы хотелось посмотреть форт.

Как и большинство людей, живущих по соседству с известной достопримечательностью, я уже много лет просто не замечала ее. Сегодняшнее посещение форта для меня сентиментальный поступок. Я все больше примирялась с мыслью, что мне придется навсегда покинуть эти места. Одно дело планировать какой-то шаг, и совсем другое – столкнуться с его неизбежной реальностью.

Туристов было мало. Паром отошел от причала и двинулся в путь по спокойной воде гавани. Солнечное тепло и мерный стук дизеля навевали сон, и я слегка задремала. Проснулась я, когда паром уже причаливал к острову у темной громадины форта.

Некоторое время я двигалась вместе с группой туристов, наслаждаясь катакомбной тишиной нижних уровней и даже получая удовольствие от бессмысленно-певучего голоса девушки-экскурсовода. Но когда мы вернулись в музей с его пыльными диорамами и мишурными наборами слайдов, я снова поднялась по лестнице на внешние стены. Жестом велел мистеру Торну оставаться у лестницы, я вышла на бастион. У стены стояла только одна пара – молодые люди с ребенком в ужасно неудобном на вид рюкзаке и с дешевым фотоаппаратом.

Момент был очень приятный. С запада надвигался полуденный шторм, он служил темным фоном для все еще освещенных солнцем шпилей церквей, кирпичных башен и голых ветвей города. Даже на расстоянии двух миль можно было видеть, как по тротуару Батареи прогуливаются люди. Опережая темные тучи, налетел ветер и стал швырять белые комья пены в борта покачивающегося парома и на деревянную пристань. В воздухе пахло рекой и предзакатной сыростью.

Нетрудно было представить себе, как все происходило в тот давний день. Снаряды падали на форт, пока не превратили его верхние этажи в кучи щебня, которые все же давали какую-то защиту. С крыш за Батареей люди вопили «ура» при каждом выстреле. Яркие цвета разодетой толпы и солнцезащитных зонтиков, наверное, приводили в ярость артиллеристов-северян, и в конце концов один из них выстрелил из орудия поверх крыш, усеянных людьми. Отсюда, должно быть, забавно было наблюдать за последовавшей затем паникой.

Мое внимание привлекло какое-то движение в воде. Что-то темное скользило по серой поверхности, темное и молчаливое, как акула. Мысли о прошлом улетучились: я узнала силуэт подлодки «Поларис», старой, но все еще действующей. Она беззвучно разрезала темные волны, которые пенились о корпус, зализанный, как тело дельфина. На крыше рубки стояли несколько человек, закутанных в тяжелую одежду и в низко надвинутых фуражках. На шее одного из них висел огромных размеров бинокль, – наверное, это был капитан. Он указывал пальцем куда-то за остров Салливана. Я пристально смотрела на него. Периферийное зрение понемногу исчезло, когда я вошла в контакт с ним через все это водное пространство. Звуки и ощущения доносились до меня, словно с большого расстояния.

Напряжение. Удовольствие от соленых брызг, брызг с норд-норд-веста. Беспокойство по поводу запечатанного конверта с инструкциями внизу в каюте. Песчаные отмели по левому борту.

Внезапно я вздрогнула: кто-то подошел ко мне сзади. Я повернулась, и контакт с лодкой тут же пропал. Рядом стоял мистер Торн, хотя я его не звала. Я уже открыла было рот, чтобы отослать его назад к лестнице, когда поняла, отчего он приблизился. Молодой человек, до того фотографировавший свою бледную жену, шел ко мне. Мистер Торн сделал движение, чтобы остановить его.

– Извините, мисс, можно вас попросить об одолжении? Вы не могли бы снять нас? Вы или ваш муж.

Я кивнула, и мистер Торн взял протянутый фотоаппарат, который выглядел очень маленьким в его длинных пальцах. Два щелчка, и эта пара могла чувствовать себя удовлетворенной: их присутствие здесь останется увековеченным для потомства. Молодой человек заулыбался как идиот, кивая. Младенец заплакал: подул холодный ветер. Я оглянулась на подводную лодку, но та ушла уже далеко; ее серая рубка виднелась как тонкая полоска, соединяющая море и небо.

* * *

Так получилось, что, когда мы плыли обратно и паром уже поворачивал к причалу, совершенно незнакомый человек рассказал мне о смерти Вилли.

– Ужасно, правда?

Какая-то болтливая старуха увязалась за мной, когда я пошла на палубу. Хотя ветер был довольно холодный и я дважды меняла место, чтобы оградить себя от ее глупой болтовни, эта дура явно выбрала меня в качестве мишени своего словоизвержения на все оставшееся время поездки. Ее не останавливали ни моя сдержанность, ни хмурый вид мистера Торна.

– Просто ужасно, – продолжала она. – И все ведь случилось в темноте, ночью.

– О чем вы? – спросила я, движимая нехорошим предчувствием.

– Ну как же, я про авиакатастрофу. Вы что, не слышали? Это, наверное, было так страшно, когда они упали в болото, и все остальное. Я сказала своей дочери утром...

– Какая катастрофа? Где?

Старуха немного опешила от резкости моего тона, но дурацкая улыбка так и осталась у нее на лице, как приклеенная.

– Прошлой ночью. Или сегодня рано утром. Я сказала дочери...

– Где? Что за самолет? – Уловив тон моего голоса, мистер Торн придвинулся ближе.

– Самолет из Чарлстона, – продребезжала она. – Там в кают-компании есть газета, в ней все сказано. Ужасно, правда? Восемьдесят пять человек. Я сказала дочери...

Я повернулась и пошла вниз, оставив ее у поручня. Около стойки буфета лежала скомканная газета, и в ней под огромным заголовком из четырех слов были напечатаны немногочисленные подробности смерти Вилли. Рейс сто семнадцать до Чикаго вылетел из международного аэропорта Чарлстона в 12:18. Через двадцать минут самолет взорвался в воздухе недалеко от города Колумбия. Обломки фюзеляжа и тела пассажиров упали в болото Конгари, где и были обнаружены рыбаками. Спасти никого не удалось. ФБР и другие ведомства начали расследование.

В ушах у меня громко зашумело, и мне пришлось сесть, чтобы не упасть в обморок. Влажными руками я ухватила за виниловую обивку. Мимо меня к выходу потянулись люди.

Вилли мертв. Убит. Нина уничтожила его. Голова моя шла кругом. В первые несколько секунд я подумала, что, возможно, это заговор, хитрая ловушка, в которую Вилли и Нина хотят заманить меня, внушив, будто опасность угрожает мне теперь только с одной стороны. Хотя нет, не похоже. Если Нина вовлекла Вилли в свои планы, для таких нелепых махинаций просто не было резона.

Вилли мертв. Его останки разбросаны по вонючему захолустному болоту. Очень легко вообразить себе его последние минуты. Он наверняка сидел в роскошном кресле салона первого класса, со стаканом в руке, возможно, переговаривался с кем-нибудь из своих спутников. Потом – взрыв, крики, внезапная тьма, жуткий крен и падение в небытие. Я вздрогнула и стиснула металлическую ручку кресла.

Как Нине удалось это сделать? Вряд ли она прибегла к помощи кого-то из свиты Вилли. Нине было вполне по силам Использовать одного из его подручных, особенно если учесть ослабевшую Способность Вилли, но у нее не было причины делать это. Она могла Использовать любого человека, летевшего тем рейсом. Конечно, это непросто. Требуются сложные приготовления: заставить человека изготовить бомбу, потом стереть всякую память об этом, что совсем непросто; наконец, она должна была совершить невозможное: Использовать кого-то как раз тогда, когда мы сидели у меня и пили кофе с коньяком. Но Нина сделала это. Да, сделала. И потом, ведь выбор именно этого времени мог означать только одно.

Последний турист поднялся на палубу. Я почувствовала легкий толчок и поняла, что мы причалили. Мистер Торн стоял у двери.

Выбор момента означал, что Нина пыталась справиться с нами обоими сразу. Очевидно, она спланировала все это задолго до нашей встречи и моего робкого заявления о выходе из Игры. Как оно, должно быть, позабавило Нину! Неудивительно, что она отреагировала так великодушно. Но она все же сделала одну большую ошибку. Нина сначала принялась за Вилли, полагая, что я ничего не узнаю об этом, а она тем временем займется мною. Она знала, что я не слежу за ежедневными новостями и даже не имею такой возможности, к тому же теперь редко выхожу из дому. И все же это было не похоже на Нину – оставлять хоть что-то на волю случая. А может, она решила, что я совершенно потеряла Способность и Вилли представляет большую угрозу?

Из пассажирского салона мы вышли на серый послеполуденный свет. Я тряхнула волосами. Ветер продувал мое тонкое пальто насквозь. Трап я видела сквозь пелену и только тут поняла, что глаза мои застилают слезы. По кому я плакала? По Вилли? Вилли был напыщенный, слабый, старый дурак. Или из-за предательства Нины? Не знаю, может быть, просто от резкого ветра.

На улицах Старого города почти не было пешеходов. Под окнами роскошных домов голые ветви постукивали друг о друга. Мистер Торн держался рядом со мной. От холодного

воздуха правую ногу до самого бедра пронизывала артритная боль. Я все тяжелее опиралась на трость.

Каким будет следующий ход Нины? Я остановилась. Кусок газеты, подброшенный ветром, обернулся вокруг моей щиколотки, потом полетел дальше.

Как она попытается добраться до меня? Вряд ли с большого расстояния. Она где-то здесь, в городе. Я была в этом уверена. Вообще-то, можно Использовать человека и на большом расстоянии, но это требует тесного контакта, почти интимного знакомства с этим человеком, и если потерять этот контакт, то восстановить его на расстоянии очень трудно, почти невозможно. Никто из нас не знал, почему так происходит, но теперь это было не важно. При мысли о том, что Нина все еще где-то поблизости, сердце мое учащенно заколотилось.

Нет, большое расстояние исключено. Человек, которого она будет Использовать, нападет на меня, и я увижу нападающего. Я была в этом уверена, иначе и быть не могло, иначе это была бы не Нина. Конечно, гибель Вилли – это вовсе не Подпитка, а лишь простая техническая операция. Нина решила свести со мной старые счеты, и Вилли являл для нее препятствие, небольшую, но вполне отчетливую угрозу, которую следовало устранить, прежде чем приступить к выполнению главного плана. Мне было нетрудно представить, что сама Нина считала свой способ убрать Вилли чуть ли не актом сострадания. Со мной – другое дело. Я знала, Нина постарается дать мне понять, хотя бы на мгновение, что именно она стоит за нападающим. В каком-то смысле ее тщеславие само подаст мне сигнал тревоги. Во всяком случае, я на это надеялась.

Огромным соблазном было уехать сейчас же, немедленно. Мистер Торн мог завести «ауди», и через час мы были бы уже вне пределов ее досягаемости, а еще через несколько часов я могла бы начать новую жизнь. В доме, конечно, останутся ценные вещи, но при тех средствах, что я запасла в разных местах, их легко можно будет заменить, по крайней мере большую их часть. Возможно, стоило оставить все здесь вместе с отброшенной личиной, с которой эти вещи были связаны.

Нет, я не могу уехать. Не сейчас.

Стоя на противоположной стороне улицы, я смотрела на свой дом: он казался темным и зловещим. Я не могла вспомнить, сама ли я задернула шторы на втором этаже. Во дворе мелькнула тень – это внучка миссис Ходжес и ее подружка перебегали от двери к двери. Я в нерешительности стояла на краю тротуара и постукивала отцовской тростью по темной коре дерева. Конечно, медлить было глупо, но мне уже давно не приходилось принимать решения в напряженной обстановке.

– Мистер Торн, идите и проверьте дом. Осмотрите все комнаты. Возвращайтесь быстрее.

Я наблюдала, как темное пальто мистера Торна сливается с мраком двора. Вновь подул холодный ветер. Оставшись в одиночестве, я чувствовала себя весьма уязвимой и поймала себя на том, что посматриваю по сторонам: не мелькнут ли где-нибудь в конце улицы темные волосы мисс Крамер? Но никаких признаков движения не наблюдалось, только молодая женщина далеко от меня катила по тротуару детскую коляску.

Штора на втором этаже взлетела вверх, и с минуту там маячило бледное лицо мистера Торна, выглядывавшего наружу. Потом он отвернулся, а я продолжала напряженно смотреть на темный прямоугольник окна. Крик во дворе заставил меня вздрогнуть, но то была всего лишь маленькая девочка – забыла ее имя, – она звала свою подружку. Кэтлин, вот как ее зовут. Дети уселись на край фонтана и занялись пакетиком с печеньем. Я наблюдала за ними некоторое время, потом расслабилась и даже слегка улыбнулась: все-таки у меня определенно мания преследования. На секунду я подумала: не Использовать ли мистера Торна напрямую? Но мне вовсе не хотелось стоять здесь на улице совершенно беспомощной, и я отказалась от этой идеи. Когда находишься в полном контакте, органы чувств работают, но как бы на большом расстоянии.

«Быстрее». Я послала эту мысль почти без волевого усилия. Двое бородатых мужчин шли по тротуару с моей стороны улицы. Я перешла проезжую часть и остановилась перед калиткой своего дома. Мужчины смеялись и, разговаривая, жестикулировали. «Быстрее».

Мистер Торн вышел из дома, запер за собой дверь и пересек двор, направляясь ко мне. Одна из девочек что-то сказала ему и протянула печенье, но он не обратил на нее внимания. Затем он отдал мне большой ключ от парадной двери, я опустила его в карман пальто и испытующе глянула на мистера Торна. Он кивнул. Его безмятежная улыбка была невольной насмешкой над овладевшим мною ужасом.

– Вы уверены? – спросила я; он снова кивнул. – Вы проверили все комнаты? Всю сигнализацию? – (Кивок.) – Вы посмотрели подвал? Есть какие-нибудь признаки посторонних?

Мистер Торн помотал головой.

Прикоснувшись рукой к металлической ограде, я остановилась. Беспокойство наполняло меня, как разлившаяся желчь. «Глупая уставшая старуха, дрожащая от холода!» Но я не могла заставить себя открыть ворота.

– Пойдемте. – Я пересекла улицу и быстро зашагала прочь от дома. – Мы пообедаем «У Генри», потом вернемся.

Однако я шла вовсе не к старому ресторану, а уходила подальше от дома, охваченная слепой, безрассудной паникой. Я стала понемногу успокаиваться, только когда мы добрались до гавани и пошли вдоль стены Батареи. По улице ехало несколько автомобилей, но тому, кто захочет приблизиться к нам, придется сначала пересечь широкое открытое пространство. Серые тучи опустились совсем низко, сливаясь с серыми вздымающимися волнами бухты.

Свежий воздух и сгущающиеся сумерки придали мне бодрости, теперь я могла отчетливее соображать. Каковы бы ни были планы Нины, мое отсутствие в течение всего дня почти наверняка расстроило их. Вряд ли Нина осталась бы здесь, если бы ей угрожала хоть малейшая опасность. Нет, она, скорее всего, уже возвращается самолетом в Нью-Йорк – именно сейчас, когда я стою здесь у Батареи, дрожа от холода. Утром я получу телеграмму. Я могла даже в точности представить себе, что она там напишет: «Мелани. Как ужасно то, что случилось с Вилли. Скорблю. Могла бы ты полететь со мной на похороны? Целую. Нина».

Я начала понимать, что, кроме всего прочего, причиной моей нерешительности было желание вернуться в тепло и комфорт собственного дома. Я просто боялась сбросить с себя этот старый кокон. Но теперь я могла это сделать. Подожду в каком-нибудь безопасном месте, а мистер Торн вернется в дом и возьмет там единственную вещь, которую я не вправе оставить. Потом он пригонит машину, и к тому времени, когда придет телеграмма Нины, я буду уже далеко. Тогда уже Нина должна будет шарахаться при виде каждой тени в последующие месяцы и годы. Я улыбнулась и стала продумывать необходимые команды.

– Мелани.

Я резко повернула голову. Мистер Торн молчал двадцать восемь лет. И вот он заговорил.

– Мелани.

Лицо его было искажено улыбкой, похожей на гримасу трупа, видны были даже коренные зубы. В правой руке он держал нож. Как раз в тот момент, когда я повернулась, из рукоятки выскочило лезвие. Я глянула в его глаза и поняла все.

– Мелани.

Длинное лезвие описало мощную дугу, и я ничего не могла сделать, чтобы остановить его. Оно прорезало тонкую ткань рукава пальто и ткнулось мне в бок, но, когда я поворачивалась, моя сумочка качнулась вместе со мной. Нож прорвал кожу, прошел сквозь содержимое сумочки, распорол ткань пальто и царапнул слева вдоль нижнего ребра. В общем, сумочка спасла мне жизнь.

Я подняла тяжелую отцовскую трость и ударила мистера Торна прямо в левый глаз. Он пошатнулся, но не издал ни звука. Затем снова взмахнул ножом, рассекая перед собой воздух

по широкой дуге, но я сделала два шага назад, а он теперь плохо видел. Ухватив трость обеими руками, я опять подняла ее, потом опустила неловким рубящим движением. Это было невероятно, но палка снова попала ему в глаз. Я сделала еще три шага назад.

Кровь заливала левую сторону лица мистера Торна, его поврежденный глаз свисал на щеку. Он по-прежнему улыбался этой улыбкой мертвеца. Подняв голову, потянулся левой рукой к щеке, вырвал глаз – при этом какая-то серая жилка лопнула со щелчком – и выбросил его в бухту. Потом он двинулся ко мне. Я развернулась и побежала.

Точнее сказать, я попыталась бежать. Через двадцать шагов боль в правой ноге заставила меня перейти на шаг. Еще через пятнадцать торопливых шагов легкие мои задохнулись без воздуха, а сердце готово было выскочить из груди. Я чувствовала, как что-то мокрое течет по моему левому бедру; там, где лезвие ножа коснулось тела, было немного щекотно, словно к коже прижали кубик льда. Один взгляд назад, и я увидела, что мистер Торн шагает за мной быстрее, чем я уйду от него. При обычных обстоятельствах он нагнал бы меня в два счета. Когда Используешь кого-то, трудно заставить его бежать, особенно если тело человека в это время реагирует на шок и травму. Я снова оглянулась, едва не поскользнувшись на гладком тротуаре. Мистер Торн криво ухмыльнулся. Кровь хлестала из его пустой глазницы, окрашивая зубы. Вокруг никого не было видно.

Я побежала вниз по лестнице, цепляясь за поручни, чтобы не упасть, и вышла на улицу. Фонари на столбах мерцали и вспыхивали, когда я проходила мимо. За моей спиной мистер Торн перескочил через ступени в два прыжка. Торопливо поднимаясь по дорожке, я благодарила Бога, что надела туфли на низком каблуке, когда собиралась на прогулку в форт. Интересно, что бы мог подумать случайный свидетель этой нелепой гонки двух старых людей, словно в замедленной съемке? Но свидетелей не было.

Я свернула на боковую улицу. Закрытые магазины, пустые склады. Если пойти налево, я попаду на Брод-стрит. Но тут справа, где-то посередине квартала, из темного подъезда магазина появилась одинокая фигура, и я направилась в ту сторону, совсем уже медленно, почти теряя сознание. Артритные судороги в ноге причиняли мне страшную боль, я чувствовала, что вот-вот просто рухну на тротуар. Мистер Торн шел сзади, шагах в двадцати, и расстояние между нами быстро сокращалось.

Человек, к которому я приближалась, оказался высоким худым негром в коричневой нейлоновой куртке. В руках у него была коробка с фотографиями в рамках. Когда я подошла ближе, он взглянул на меня, потом посмотрел через мое плечо на привидение шагах в десяти от нас.

– Эй! – успел только выкрикнуть негр, и тут я стремительно установила с ним контакт и резко толкнула его.

Он дернулся, как марионетка в неловких руках. Челюсть его отвисла, глаза подернулись пеленой, и, пошатываясь, он шагнул навстречу мистеру Торну, как раз когда тот уже протянул руку, чтобы схватить меня за воротник пальто.

Коробка взлетела в воздух, стеклянные рамки разбились на мелкие осколки от удара о кирпичный тротуар. Длинные коричневые пальцы негра потянулись к белому горлу мистера Торна, вцепились в него, и оба закрутились, как неловкие партнеры в танце. У поворота в переулок я прижалась щекой к холодному кирпичу, чтобы прийти в себя. Я не могла позволить себе отдохнуть хотя бы секунду: нужно было огромное усилие, чтобы сосредоточиться на управлении этим незнакомцем. Глядя, как двое высоких мужчин неуклюже топчутся на тротуаре, я попыталась сдержать совершенно нелепое желание рассмеяться.

Мистер Торн взмахнул ножом и дважды вонзил его в живот негра. Своими длинными пальцами негр старался выцарапать единственный глаз мистера Торна, а его крепкие зубы щелкали вблизи сонной артерии соперника. Я четко ощутила, как холодная сталь вонзилась в плоть в третий раз, но сердце незнакомца все еще билось, и его все еще можно было использовать.

Негр подскочил, зажав тело мистера Торна между ног, а его зубы вонзились в мускулистое горло. Ногти рвали белую кожу, оставляя кровавые полосы. Оба рухнули на асфальт беспорядочной массой.

Убей его. Пальцы негра почти нащупали здоровый глаз мистера Торна, но тот вытянул левую руку и переломил худое запястье. Безжизненные пальцы продолжали дергаться. Огромным усилием мистер Торн уперся локтем в грудь негра и поднял его тело над собой – так отец мог бы подбросить своего ребенка. Зубы вырвали кусок плоти, но серьезных повреждений не было. Мистер Торн поднял нож вверх, влево, потом резко вправо. Вторым движением он почти надвое перерезал горло негра, и их обоих залило кровью. Ноги незнакомца дважды дернулись, мистер Торн отбросил его тело в сторону, а я повернулась и быстро пошла по переулку.

Я снова вышла на свет и поняла, что загнала себя в ловушку. Здесь вплотную к воде подступали задние стены складов и металлический корпус причала без единого окна. Налево уходила извилистая улица, но она была слишком темной, слишком пустынной и длинной, чтобы пытаться уйти по ней. Я оглянулась и увидела, что в конце переулочка уже появился темный силуэт.

Я попыталась установить контакт, но там ничего не было. Ничего. Мистер Торн был просто дырой в пространстве. Позже мне долго будет не давать покоя мысль: как Нина добилась этого?

Боковая дверь эллинга была заперта. До главного входа было метров сто, но я не сомневалась, что и она заперта. Мистер Торн стоял, поворачивая голову то влево, то вправо, разыскивая меня. В тусклом свете его лицо, залитое кровью, казалось почти черным. Шатаясь, он заковылял ко мне.

Я подняла отцовскую трость, ударила по нижней части застекленной двери и просунула руку внутрь, стараясь не пораниться об острые торчащие осколки. Если там задвижки сверху и снизу, я погибла. Оказалось, на двери всего лишь простой засов рядом с дверной ручкой. Мои пальцы сначала только скользили по холодному металлу, но потом засов поддался, и дверь открылась, как раз когда мистер Торн шагнул на тротуар за моей спиной. В следующее мгновение я влетела в помещение и задвинула засов.

Внутри было очень темно, от бетонного пола тянуло холодом. Было слышно, как множество небольших суденышек у причала потихоньку колышутся на волнах. Метрах в пятидесяти из окон конторы лился свет. Я надеялась, что здесь есть охранная сигнализация, но здание, видно, было слишком старым, а суда – слишком дешевыми, чтобы устанавливать ее.

Рука мистера Торна вышибла оставшееся в двери стекло, и я зашаркала к свету. Рука исчезла. От страшного удара ногой филленка около засова проломила, дверь сорвалась с верхней петли. Я глянула в направлении конторы, но оттуда доносился только слабый звук радио. Последовал еще один удар в дверь.

Я повернула направо, прыжком преодолела расстояние около метра и оказалась на носу небольшого катера. Еще пять шагов, и я спряталась в маленьком закутке, который хозяева, наверное, называли носовой кабиной. Закрыв за собой хлипкую дверцу, я глядела наружу сквозь мутный пластик.

Третьим ударом мистер Торн вышиб дверь, которая повисла на длинных полосах расщепленного дерева. Его темная фигура заполнила собой весь проем. В свете далекого фонаря поблескивало лезвие.

Если в конторе кто-то есть, они должны были услышать шум, но оттуда по-прежнему доносился лишь звук радио. Мистер Торн сделал несколько шагов, остановился, потом прыгнул на первую из стоявших в ряд лодок. Это была открытая моторка, и через несколько секунд он снова стоял на бетонном полу. На второй лодке имелась небольшая кабина. Послышался треск дерева – это мистер Торн ударом ноги проломил крохотный люк и тут же вернулся назад.

Мой катер стоял в ряду восьмым. Я не понимала, почему он сразу не может найти меня по бешеному стуку сердца.

Переместившись к левому борту, я снова выглянула. Свет просачивался сквозь пластик какими-то полосами и узорами. В освещенном окне конторы мелькнули седые волосы, слышно было, как радио переключили на другую станцию, и громкая музыка разнеслась гулким эхом по длинному помещению. Я метнулась назад, к правому иллюминатору. Мистер Торн выходил из четвертой лодки.

Закрыв глаза и задержав дыхание, я попыталась припомнить те бессчетные вечера, когда я наблюдала, как фигура этого кривоногого старика удаляется по улице. Мистер Торн закончил осмотр пятой лодки – это был длинный катер с кабиной и множеством укромных мест – и вернулся на причал.

Шестая лодка оказалась небольшой. Он глянул на нее, но спускаться не стал. Седьмым стоял парусник с опущенной мачтой, накрытой парусиной. Нож мистера Торна рассек толстую ткань. Перепачканные кровью руки отбросили парусину, словно саван, срываемый с тела. Мистер Торн прыжком выскочил назад.

Когда он ступил на нос моего катера, я почувствовала, как тот качнулся под его весом. Спрятаться было решительно негде, тут стоял только крохотный сундучок под сиденьем для хранения всякого добра, но он был чересчур мал. Я развязала парусиновые тесемки, крепившие подушку к скамье. Мое свистящее дыхание, казалось, отдавалось эхом в этом малом пространстве. Я свернулась в углу, загородившись подушкой, и в этот момент ноги мистера Торна мелькнули в иллюминаторе правого борта. Через секунду его лицо, отделенное тонкой перегородкой, оказалось не далее чем в тридцати сантиметрах от моего лица. Улыбка мертвеца, и так неправдоподобно широкая, стала еще шире.

Мистер Торн пригнулся над дверью кабины. Я попыталась упереться в крошечную створку ногами, но правая нога не слушалась. Кулак мистера Торна пробил тонкую перегородку, рука его схватила меня за щиколотку.

– Эй! – Это был дрожащий голос мистера Ходжеса. Он направил луч своего фонарика на наш катер.

Мистер Торн налег на дверь. Я согнула ногу и ощутила резкую боль. Лево́й рукой, просунутой сквозь сломанную перегородку, он крепко держал мою лодыжку, а его правая рука с ножом появилась в открывшемся люке.

– Эй! – снова крикнул мистер Ходжес, и в это мгновение я направила на него всю силу своей Способности. Старик остановился, бросил фонарь и расстегнул кобуру револьвера.

Мистер Торн размеренно взмахивал ножом. Он чуть было не выбил подушку из моих рук; обрывки поролона разлетелись по всей кабине. Лезвие слегка задело кончик моего мизинца.

Стреляй! Сейчас же!

Мистер Ходжес вскинул револьвер обеими руками и выстрелил. В темноте он промахнулся; звук выстрела эхом разнесся по всему помещению.

Ближе, болван. Подойди ближе!

Мистер Торн снова налег на дверь и попытался протиснуться в образовавшееся отверстие. Когда он на секунду отпустил мою щиколотку, я потянулась к выключателю на потолке и зажгла свет. Изувеченное лицо с пустой глазницей смотрело на меня сквозь сломанную перегородку. Я метнулась в сторону, но он ухватил меня за пальто. Он опустился на колени, намереваясь нанести удар.

Вторым выстрелом мистер Ходжес попал мистеру Торну в бедро. Тот немного осел, издав нечто среднее между стоном и рычанием. Пальто мое порвалось, на палубу со стуком посыпались пуговицы. Нож вонзился в переборку рядом с моим ухом, и рука тут же поднялась для нового замаха.

Мистер Ходжес нетвердо ступил на нос катера, чуть было не потерял равновесие, но потом начал медленно продвигаться вдоль правого борта. Я ударила по руке мистера Торна крышкой люка, однако он не отпустил пальто и продолжал тянуть меня к себе. Я упала на колени. Последовал очередной удар ножом. Лезвие прошло сквозь поролон и рассекло ткань пальто. То, что осталось от подушки, вывалилось у меня из рук. Я остановила мистера Ходжеса в полутора метрах от нас и заставила опереть руки с револьвером о крышу кабины.

Мистер Торн приготовился к удару, держа нож, как матадор держит шпагу. Всем своим существом я ощущала немые вопли триумфа, доносившиеся до меня, словно зловонный дух из этого рта с испачканными кровью зубами. В единственном выпученном глазу горел огонь безумства Нины.

Мистер Ходжес выстрелил. Пуля пробила позвоночник мистера Торна и ударилась в правый борт. Тело его выгнулось, и, раскинув руки, он рухнул на палубу, как огромная рыба, только что выброшенная на берег. Нож упал на пол кабины; белые заостреневшие пальцы судорожно шарили по палубе. Я заставила мистера Ходжеса шагнуть вперед, приставить ствол к виску Торна над оставшимся глазом и нажать на курок. Выстрел прозвучал приглушенно, как в пустоту.

* * *

В туалете конторы нашлась аптечка. Я приказала старику сторожить у двери, пока переязывала мизинец. Еще я выпила три таблетки аспирина.

Пальто мое было изодрано, ситцевое платье перепачкано кровью. Я сполоснула лицо и, как могла, привела в порядок волосы. Невероятно, но моя сумочка все еще была при мне, хотя половина ее содержимого высыпалась. Переложив ключи, бумажник и очки в большой карман пальто, я бросила сумочку за унитаз. Отцовской трости со мной уже не было, и я не могла вспомнить, где потеряла ее.

Когда я осторожно высвободила тяжелый револьвер из руки мистера Ходжеса, его пальцы так и остались согнутыми. Провозившись несколько минут, я ухитрилась открыть барабан. В нем оставались два патрона. Этот старый дурак ходил с полностью заряженным барабаном! «Всегда оставляй патронник под бойком незаряженным». Так учил меня Чарльз в то далекое беззаботное лето, когда оружие было всего лишь предлогом поехать на остров, чтобы пострелять по мишени. Мы с Ниной много и нервно смеялись, а наши кавалеры направляли и поддерживали нам руки при мощной отдаче от выстрелов, когда мы чуть не падали в крепкие объятия своим чрезвычайно серьезным учителям. «Всегда надо считать патроны», – поучал меня Чарльз, а я в полубоморочном состоянии прислонялась к нему, вдыхая сладкий мужской запах крема для бритья и табака, исходивший от него в тот теплый яркий день.

Мистер Ходжес слегка пошевелился, как только мое внимание ослабло. Рот его широко раскрылся, вставная челюсть нелепо отвисла. Я взглянула на поношенный кожаный поясник, но запасных патронов там не увидела и понятия не имела, где он их хранит. В мозгу у старика мало что осталось, кроме путаницы мыслей, в которой бесконечной лентой прокручивалась одна и та же картинка: ствол, приставленный к виску мистера Торна, вспышка выстрела и...

– Пошли. – Я поправила очки на его безучастном лице, вложила револьвер в кобуру и вышла вслед за ним из здания.

Снаружи было очень темно. Мы двигались от фонаря к фонарю и прошли уже шесть кварталов, когда я заметила, как он дрожит, и вспомнила, что забыла приказать ему надеть пальто. Я крепче сжала мысленные тиски, и он перестал дрожать.

Дом выглядел точно так же, как сорок пять минут назад, света в окнах не было. Я открыла ворота и прошла через двор, пытаясь отыскать в набитом всякой всячиной кармане ключ. Пальто мое было распахнуто, холод ночи пробирал тело до костей. Из освещенных окон с дру-

гой стороны двора слышался детский смех, и я поспешила, чтобы Кэтлин, не дай бог, не увидела, как ее бабушка заходит в мой дом. Мистер Ходжес вошел первым, с револьвером в вытянутой руке. Прежде чем переступить порог, я заставила его включить свет.

Гостиная была пуста, все стояло на своих местах. Свет люстры отражался на полированных поверхностях. Я присела на минутку в старинное кресло в холле, чтобы сердце немного успокоилось. Мистер Ходжес по-прежнему держал револьвер в вытянутой руке, и я даже не позволила ему отпустить взведенный курок. Рука его начала дрожать от напряжения. Наконец я встала, и мы пошли по коридору к оранжерее.

Мисс Крамер вихрем вылетела из двери кухни, тяжелая железная кочерга в ее руке уже описывала дугу. Револьвер выстрелил, пуля застряла в деревянном полу, не причинив никому вреда, а кисть старика повисла, перебитая страшным ударом. Револьвер выпал из безжизненных пальцев, мисс Крамер замахнулась для нового удара.

Я развернулась и побежала назад по коридору. За спиной я услышала звук, словно раскололся арбуз, – это кочерга опустилась на череп мистера Ходжеса. Вместо того чтобы выбежать во двор, я стала подниматься по лестнице. Это было ошибкой. Мисс Крамер нагнала меня у двери спальни уже через несколько секунд. Мельком увидев ее широко распахнутые сумасшедшие глаза и вскинутую кочергу, я захлопнула тяжелую дверь прямо перед ее носом и заперлась. Брюнетка обрушилась на дверь с другой стороны, но она даже не дрогнула. Удары сыпались один за другим.

Проклинаю свою глупость, я оглядела знакомую комнату, но здесь не было ничего, что могло бы мне помочь: ни телефона, ни какой-нибудь укромной кладовки. Имелся только старинный гардероб. Я быстро подошла к окну и подняла верхнюю створку. Если я закричу, кто-нибудь может услышать, но это чудовище доберется до меня прежде, чем подоспеет помощь. Она уже пыталась поддеть край двери кочергой. Я выглянула наружу, увидела тени в окне через двор и сделала то, что должна была сделать.

Две минуты спустя дерево вокруг замка начало просить о пощаде, но я едва отдавала себе в этом отчет. Будто во сне, я слышала скрежет кочерги, которой эта женщина пыталась выломать металлическую пластину. Затем дверь в спальню распахнулась.

Искаженное лицо мисс Крамер было покрыто потом, нижняя челюсть отвисла, с подбородка капала слюна. В глазах ее не было ничего человеческого. Ни она, ни я не слышали, как за ее спиной раздались тихие шаги.

Иди, иди. Подними его. Оттяни курок назад. До конца. Обеими руками. Целься.

Но что-то предупредило мисс Крамер об опасности. Не мисс Крамер, конечно, – такого человека больше не существовало, – что-то предупредило Нину. Брюнетка повернулась. Перед ней на верхней ступеньке лестницы стояла маленькая Кэтлин, с тяжелым бабушкиным револьвером в руках. Курок его был взведен, а ствол направлен прямо в грудь мисс Крамер. Вторая девушка осталась во дворе, она что-то кричала своей подруге.

На этот раз Нина знала, что ей надо убрать эту угрозу. Мисс Крамер замахнулась кочергой, и в это мгновение револьвер выстрелил. Отдача отбросила Кэтлин назад, и она покатилась по лестнице, а над левой грудью мисс Крамер расплылось красное пятно. Хватаясь за перила, чтобы не упасть, она кинулась вниз по лестнице за ребенком. Я оставила девочку в тот момент, когда кочерга опустилась на ее голову, затем поднялась и вновь опустилась. Я подошла к верхней ступеньке лестницы. Мне надо было *видеть*.

Мисс Крамер оторвалась от своего жуткого занятия и подняла на меня глаза. На ее забрызганном кровью лице виднелись только белки глаз. Мужская рубашка была залита ее собственной кровью, но брюнетка все еще двигалась, все еще могла действовать. Левой рукой она подняла револьвер. Рот ее широко раскрылся, оттуда раздался звук, похожий на шипение пара, вырывающегося из старого радиатора.

– Мелани... Мелани...

Это существо принялось карабкаться по лестнице. Я закрыла глаза.

Подружка Кэтлин влетела в открытую дверь, ее маленькие ноги так и мелькали. В несколько прыжков она одолела лестницу и плотно стиснула шею мисс Крамер своими тонкими белыми ручками. Они обе покатались по ступенькам, через тело Кэтлин, к самому основанию широкой лестницы.

Девочка, похоже, отделалась синяками. Я спустилась к ним и оттащила ее в сторону. На скуле у нее расплывалось синее пятно, на руках и лбу краснели царапины и порезы. Она бессмысленно моргала голубыми глазами.

У мисс Крамер была сломана шея, голова ее запрокинулась под совершенно неестественным углом, но она еще была жива. Тело явно парализовано, по полу растеклась лужа мочи, хотя глаза все еще мигали, а зубы омерзительно пощелкивали. Я подняла револьвер и ногой отбросила кочергу в сторону. Надо было торопиться. Из дома Ходжесов слышались голоса взрослых. Я повернулась к девочке:

– Вставай.

Она еще раз моргнула и, преодолевая боль, поднялась на ноги.

Я закрыла дверь и сняла с вешалки коричневый плащ. Мне понадобилось не больше минуты, чтобы переложить содержимое карманов и сбросить безнадежно испорченное весеннее пальто. Голоса раздавались уже во дворе.

Встав на колени рядом с мисс Крамер, я схватила ее голову и крепко стиснула руками, чтобы прекратить этот жуткий звук щелкающих зубов. Глаза ее снова закатились, но я резко встряхнула ее, пока не появились зрачки. Потом наклонилась так низко, что наши лица почти соприкоснулись, и прошептала:

– Я доберусь до тебя, Нина. – И этот шепот был громче вопля.

Отпустив голову мисс Крамер так, что та стукнулась об пол, я быстро прошла в оранжевую – мою комнату для шитья. Времени на то, чтобы сходить наверх и взять ключ, не оставалось, поэтому я разбила стулом стеклянную дверцу шкафчика. То, что я оттуда взяла, еле поместилось в кармане плаща.

Девочка осталась стоять в холле. Я отдала ей пистолет мистера Ходжеса. Ее левая рука висела плетью, – скорее всего, она была сломана. В дверь постучали, кто-то пробовал повернуть ручку.

– Сюда, – прошептала я и провела девочку в столовую.

По дороге мы переступили через тело мисс Крамер, прошли через темную кухню; стук стал громче, но мы уже выходили из дома в переулок, в ночь.

* * *

В этой части Старого города было три отеля. Один из них – дорогой, современный, кварталах в десяти, который я сразу же отвергла. Второй – маленький, уютный, всего в квартале от моего дома, приятное, но слишком общедоступное местечко, в точности такое, какое я сама выбрала бы, если бы приехала в другой город. Его я тоже отвергла. Третий находился в двух с половиной кварталах – старый особняк на Брод-стрит, небольшой, с дорогой антикварной мебелью в номерах и несусветными ценами. Туда я и поспешила.

Девочка быстро шагала рядом. Револьвер она по-прежнему держала в руке, но я заставила ее снять свитер и накрыть им оружие. Нога у меня болела, и я часто опиралась на ее плечо, пока мы вот так торопливо шли вдоль улицы.

Администратор «Мансарды» узнал меня. Брови его поползли вверх, когда он заметил мой непрезентабельный вид. Девочка осталась в фойе, метрах в трех-четырех, почти неразличимая в тени.

– Я ищу свою подругу, – оживленно сказала я. – Мисс Дрейтон.

Администратор открыл было рот, затем невольно нахмурился:

– Извините. У нас нет никого с такой фамилией.

– Возможно, она зарегистрировалась под девичьей фамилией, – сказала я. – Нина Хокинс. Это пожилая женщина, но очень привлекательная. На несколько лет моложе меня, с длинными седыми волосами. Возможно, ее зарегистрировала подруга... Симпатичная молодая темноволосая леди по имени Баррет Крамер...

– Извините, – снова проговорил администратор каким-то вялым, сонным голосом. – Никто под такой фамилией здесь не значится. Что передать, если ваша знакомая появится позже?

– Ничего. Ничего не надо передавать.

Я провела девочку через холл, и мы свернули в коридор, ведущий к туалетам и боковым лестницам.

– Простите, – обратилась я к проходившему мимо коридорному. – Возможно, вы сможете мне помочь.

– Да, мэм. – Он остановился, явно недовольный, и откинул назад свои длинные волосы.

Задача у меня была непростая. Если я хотела удержать девочку, действовать надо было быстро.

– Я ищу знакомую, – пояснила я. – Пожилая дама, но очень привлекательная. Голубые глаза, длинные седые волосы. С ней должна быть молодая женщина с темными вьющимися волосами.

– Нет, мэм. Я такой не видел.

Я вытянула руку и взяла его повыше локтя. Затем отпустила девочку и сосредоточилась на коридорном:

– Ты уверен?

– Мисс Харрисон, – сказал он. Глаза его смотрели мимо меня. – Номер двести семь. Северная сторона с фасада.

Я улыбнулась. *Мисс Харрисон*. Бог мой, до чего же она глупа, эта Нина! Девочка вдруг заскулила и привалилась к стене. Я быстро приняла решение. Мне нравится думать, что тут сыграло роль сострадание, но иногда я вспоминаю, что ее левая рука никуда не годилась.

– Как тебя зовут? – спросила я, нежно поглаживая ребенка по волосам; глаза ее скользнули влево, потом вправо; она явно была в замешательстве. – Как твое имя? – снова задала я вопрос.

– Алисия, – прошептала она наконец еле слышно.

– Хорошо, Алисия. Теперь ты пойдешь домой. Иди быстро, но бежать не нужно.

– У меня болит рука. – Она всхлипнула, губы задрожали.

Я снова коснулась ее волос и толкнула:

– Ты идешь домой. Рука у тебя не болит. Ты ничего не будешь помнить. Все это сон, который ты забудешь. Иди домой. Торопись, но не беги. – Я взяла у нее револьвер, завернутый в свитер. – До свидания, Алисия.

Она моргнула и пошла через холл по направлению к двери. Оглянувшись по сторонам, я отдала револьвер мальчишке-коридорному.

– Засунь его под жилет, – велела я.

* * *

– Кто там? – послышался из номера беззаботный голос Нины.

– Альберт, мэм. Коридорный. Ваш автомобиль у подъезда. Я мог бы сейчас отнести ваши чемоданы.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, но цепочка осталась на месте. Альберт прищурился от хлынувшего света и застенчиво улыбнулся, откидывая волосы назад. Я вжалась в стену.

– Хорошо. – Нина сняла цепочку и отступила в сторону. Она уже отвернулась и закрывала замок чемодана, когда я вошла в комнату.

– Привет, Нина, – тихо сказала я.

Спина ее выпрямилась, но даже это движение было грациозным. На покрывале осталась вмятина – там, где она только что лежала. Она медленно повернулась. На ней было розовое платье, которого я никогда прежде не видела.

– Привет, Мелани. – Она улыбнулась, глядя на меня своими небесно-голубыми глазами.

Я мысленно отдала приказ мальчишке-коридорному вытащить револьвер и прицелиться. Рука его была тверда, он со щелчком взвел курок. Нина неотрывно следила за мной.

– Почему? – спросила я.

Она слегка пожала плечами. В какой-то момент я решила, что Нина рассмеется. Я бы не вынесла этого ее чуть хрипловатого детского смеха, который так часто трогал меня в прошлом. Вместо этого она закрыла глаза, по-прежнему улыбаясь.

– Почему «мисс Харрисон»?

– Ну, как же, дорогая. У меня такое чувство, что я ему чем-то обязана. Я имею в виду бедного Роджера. Разве ты не знаешь, как он умер? Конечно нет. Но ведь ты никогда и не спрашивала. – Глаза ее открылись.

Я посмотрела на коридорного, но он все так же, не шелохнувшись, целился в нее. Осталось только спустить курок.

– Он утонул, моя дорогая, – продолжала Нина. – Бедный Роджер бросился в океан с того самого парохода, на котором плыл назад в Англию. Так странно. А ведь перед этим он написал мне письмо с предложением выйти за него замуж. Ужасно печальная история, правда, Мелани? И почему он так поступил, как ты думаешь? Наверное, мы никогда не узнаем правды.

– Наверное. – Я кивнула и мысленно отдала приказ коридорному нажать на спусковой крючок.

Но... ничего не произошло.

Я быстро глянула вправо. Молодой человек поворачивал голову ко мне. *Я ему этого не велела!* Его вытянутая рука с револьвером двигалась в мою сторону равномерно, как кончик флюгера, подгоняемый ветром.

Нет! Я напряглась так, что у меня на шее вздулись жилы. Движение замедлилось, но не остановилось, пока ствол не оказался направленным мне в лицо. Нина рассмеялась. Этот звук показался очень громким в маленькой комнате.

– Прощай, Мелани, дорогая моя. – Она снова рассмеялась и кивнула молодому человеку.

Я не отрываясь смотрела в черное отверстие. Курок щелкнул по пустому патроннику. Еще раз. И еще.

– Прощай, Нина. – Я улыбнулась и вытащила из кармана плаща длинноствольный пистолет Чарльза.

Отдача от выстрела ударила меня в грудь, комната заполнилась синим дымом. Точно посередине лба Нины появилась маленькая дырка, меньше десятицентовой монеты, но такая же аккуратная, круглая. Какую-то долю секунды Нина продолжала стоять, словно ничего не произошло, затем покачнулась, рухнула на высокую кровать и, подброшенная матрасом, упала ничком на пол.

Я повернулась к коридорному и заменила его бесполезное оружие своим древним, но ухоженным револьвером. Я только сейчас заметила, что мальчишка немного моложе, чем был когда-то Чарльз. И волосы у него были почти такого же цвета. Я наклонилась и слегка коснулась губами его губ.

– Альберт, – прошептала я, – в револьвере еще четыре патрона. Патроны всегда надо считать, понял? Иди в холл. Убей администратора. Потом застрели еще кого-нибудь – ближайшего, кто к тебе окажется. А после этого вложи ствол себе в рот и нажми на спуск. Если будет осечка, нажми еще раз. Револьвер спрячь, никому не показывай, пока не окажешься в холле.

Мы вышли в коридор. Там царила паника.

– Вызовите «скорую»! – крикнула я. – Произошел несчастный случай. Вызовите «скорую», кто-нибудь!

Несколько человек кинулись выполнять мою просьбу. Я покачнулась и прислонилась к какому-то седовласому джентльмену. Люди толпились вокруг, некоторые заглядывали в номер и что-то кричали. Вдруг в холле раздался выстрел, потом другой, третий. Паника и суматоха усилились, а я тем временем проскользнула к черной лестнице и через пожарный выход выбежала на улицу.

Глава 4

Чарлстон

Вторник, 16 декабря 1980 г.

Шериф Бобби Джо Джентри откинулся на спинку кресла и сделал еще глоток кока-колы. Ноги он водрузил на заваленный бумагами стол; кожаный пояс с кобурой закрипел, когда он шевельнулся, устраивая поудобнее свое грузное тело. Кабинет был маленьким, стены – тонкими, ибо это были вовсе не стены, а деревянные перегородки, отделяющие его от шума и суеты в других частях здания, что вмещало официальные учреждения округа. Краска этих деревянных перегородок давно облупилась и уже не имела того оттенка официального зеленого цвета. Кабинет был забит под завязку: массивный письменный стол, три высоких шкафа с бумагами, еще один длинный стол, уставленный стопками книг и папок. Были тут и классная доска, и беспорядочно заваленные полки на кронштейнах. На двух черных деревянных стульях лежали папки и бумаги, как и на рабочих столах.

– Пожалуй, мне тут больше нечего делать, – сказал агент Ричард Хейнс. Он расчистил себе небольшое пространство и уселся на краешек стола. Стрелки на его брюках были острыми как бритва.

– Да, – согласился шериф. Он негромко икнул и поставил банку на колено. – Пожалуй, у вас действительно нет причин болтаться здесь. Вполне можете отправляться домой.

У этих двух служителей правопорядка, казалось, не было ничего общего. Шерифу Джентри едва перевалило за тридцать пять, но его высокая фигура уже начала заплывать жиром. Серая форменная рубашка туго обтягивала живот, который карикатурно переваливался через ремень. Румяный, веснушчатый, с залысинами и двойным подбородком, он производил впечатление человека открытого, дружелюбного и слегка лукавого: сквозь черты взрослого мужчины все еще проглядывало лицо озорного мальчишки.

Говорил он тихо, слегка растягивая слова в манере «старого южанина», которая сделалась недавно популярной в Америке благодаря появлению тысяч коммерческих радиостанций, бесчисленных кантри-песен и бесконечному числу фильмов с Бертом Рейнольдсом. Расстегнутый ворот, выпирающий живот и ленивая манера говорить как нельзя лучше гармонировали с общей атмосферой добродушной неряшливости, царившей в кабинете шерифа, но с этим образом как-то не вязались быстрота, легкость и почти грациозность движений его крупного тела.

И внешний вид, и темперамент специального агента Ричарда Хейнса из Федерального бюро расследований больше подходили друг другу. Хейнс был на целых десять лет старше Джентри, но выглядел моложе. На нем был светло-серый летний костюм-тройка и бежевая рубашка из «Джос А. Банк». Его шелковый галстук цвета бургундского числился за номером 280 235 из каталога того же магазина. Пострижен он был умеренно коротко, хорошо причесан, и только на висках слегка серебрилась седина. Почти квадратное, с правильными чертами лицо как-то не очень гармонировало с поджарым телом. Четыре раза в неделю он ходил в тренажерный зал. Голос у него был низкий, но слабо модулированный; складывалось такое впечатление, будто покойный Эдгар Гувер сконструировал Хейнса как модель для всех своих агентов.

Разница между этими двумя людьми не сводилась только к внешним различиям. До того как попасть в ФБР, Ричард Хейнс довольно посредственно проучился три года в Джорджтаунском университете. В ФБР он прошел спецподготовку, тем и завершив свое образование.

Шериф Джентри окончил университет Дьюка по двум специальностям – искусству и истории, а затем получил степень магистра в Северо-Западном университете. Полицейской работой он занялся благодаря своему дяде Ли, шерифу Спартансберга, который устроил его помощником на полставки летом шестьдесят седьмого. Год спустя Бобби Джо защитил диссертацию. Однажды он сидел в чикагском парке и наблюдал, как полицейские, потеряв контроль, принялись дубинками и кулаками избивать демонстрантов, которые мирно расходились после митинга, устроенного в знак протеста против войны во Вьетнаме.

Джентри вернулся домой на юг, два года преподавал в Морхаус-колледже в Атланте, а потом пошел работать охранником. В свободное время он трудился над книгой о Бюро Фризмана и его роли в период Реконструкции. Книгу он так и не закончил; ему все больше нравилась рутинная работа охранника, хотя из-за нее у него возникала вечная проблема с весом. В семьдесят шестом он переехал в Чарлстон и поступил на службу простым патрульным полицейским. Год спустя Джентри отказался от предложения поработать доцентом на кафедре истории в Дьюке. Ему нравилась обычная полицейская работа, ежедневные стычки с пьяницами и чокнутыми и еще то, что ни один рабочий день не похож на другой. Еще через год он, к собственному удивлению, выдвинул свою кандидатуру на пост шерифа Чарлстона. После этого Джентри удивил довольно многих, добившись избрания. Местный журналист по этому поводу написал, что Чарлстон вообще странный город – город, влюбленный в свою историю, и что публике понравилась идея иметь историка в должности шерифа. Джентри не считал себя историком. Он считал себя полицейским.

– Если я тут не нужен... – говорил Хейнс.

– Что? – переспросил Джентри. Мысли его несколько отвлеклись.

Он скомкал пустую банку и кинул ее в переполненную мусорную корзину, где она стукнулась о кучу других таких же банок, отскочила и упала на пол.

– Я говорю, что доложу Галлахеру, а потом вылечу назад в Вашингтон, если я вам больше не нужен. Мы будем держать связь через Терри.

– Конечно, конечно, – согласился Джентри. – Ну что ж, спасибо за помощь, Дик. Вы с Терри об этих делах знаете больше, чем все мы тут, вместе взятые.

Хейнс встал и собрался было уходить, когда секретарша шерифа просунула голову в дверь. У нее была прическа, вышедшая из моды лет двадцать назад, на шее сверкали бусы из искусственного изумруда.

– Сэр, тут пришел этот психиатр из Нью-Йорка.

– Черт, совсем забыл. – Джентри с усилием поднялся. – Спасибо, Линда Мэй. Попроси его, пожалуйста.

Хейнс направился к двери:

– Ну что ж, шериф, у вас есть мой номер на случай, если...

– Дик, вы не могли бы сделать мне одолжение и поприсутствовать при нашей беседе? Я забыл, что этот парень обещал прийти, он может нам кое-что сообщить по делу Фуллер. Вчера по телефону он сказал, что был психиатром мисс Дрейтон, а в город приехал по делам. Вы можете задержаться еще на несколько минут? Тони отвезет вас в отель на патрульной машине, если будете опаздывать на самолет.

Хейнс улыбнулся и развел руками:

– Да нет никакой спешки, шериф. С удовольствием послушаю, что там у этого психиатра. – Агент сбросил с одного из стульев пакет из «Макдональдса» и сел.

– Спасибо, Дик. – Джентри вытер лицо и подошел к двери, как раз когда в нее постучали.

В кабинет вошел невысокий бородатый мужчина в вельветовом, спортивного покроя пиджаке.

– Шериф Гентри? – Психиатр произнес его фамилию на немецкий лад.

– Да, я – Бобби Джо Джентри. – Рука, протянутая психиатром, исчезла в огромных ладонях шерифа. – А вы – доктор Ласки, не так ли?

– Соломон Ласки.

Обычного роста психиатр выглядел карликом рядом с грузной фигурой Джентри. Это был худой мужчина с высоким бледным лбом, спутанной бородой цвета «перец с солью» и печальными карими глазами, казавшимися старше, чем все остальное. Одна дужка очков еле держалась на полоске скотча.

Джентри махнул рукой в сторону Хейнса:

– Это специальный агент Ричард Хейнс из ФБР. Надеюсь, вы не будете возражать – я попросил Дика присутствовать при нашем разговоре. Раз уж он здесь, то я подумал, что он сможет задать более внятные вопросы.

Психиатр кивнул Хейнсу и иронично заметил:

– А я и не знал, что ФБР занимается местными убийствами.

Голос у него был тихий, с легким акцентом. За грамматикой и произношением Ласки явно следил очень тщательно.

– Обычно мы и не занимаемся, – сказал Хейнс. – Но в этой... э-э-э... ситуации есть кое-какие факторы, подпадающие под юрисдикцию ФБР.

– Да? И какие же? – удивился Ласки.

Хейнс скрестил на груди руки и слегка откашлялся.

– Во-первых, похищение некоего лица, доктор Ласки. Во-вторых, нарушение кое-каких гражданских прав жертв. К тому же местным органам правопорядка мы предлагаем помощь наших криминальных экспертов.

– Вообще-то, Дик здесь из-за того самолета, который разнесло на куски, – пояснил шериф. – Садитесь, доктор, садитесь. Дайте-ка я уберу этот хлам. – Он переложил кипу журналов, папок и несколько пластиковых кофейных чашек на стол, затем с трудом пробрался в свое кресло. – Значит, вы вчера сказали по телефону, что можете помочь с этим делом об убийстве нескольких человек?

– Нью-йоркские газеты называют его делом об убийствах в «Мансарде», – сообщил Ласки и рассеянно поправил очки.

– Вот как? – удивился Джентри. – Ну что ж, это получше, чем «бойня в Чарлстоне», хотя и не совсем точно. Большинство жертв даже не приближались к «Мансарде». И все же я думаю, что из убийства девяти человек делают слишком много шума. В особо «тихие» ночи в Нью-Йорке убивают гораздо больше.

– Возможно, – согласился Ласки, – но круг жертв и подозреваемых там не так... мм... поражает воображение, как в данном случае.

– Тут вы правы, – кивнул Джентри. – Мы были бы вам признательны, доктор, если бы вы могли пролить хоть какой-то свет на все это.

– Я бы рад, но, к сожалению, могу предложить очень немного.

– Вы были психиатром мисс Дрейтон? – спросил Хейнс.

– Да, в некотором роде. – Сол Ласки помолчал и подергал себя за бороду. Глаза у него были очень большие, а веки тяжелые, как будто он давно как следует не высыпался. – Я видел мисс Дрейтон всего трижды, последний раз это было в сентябре. Впервые она подошла ко мне после лекции в Колумбийском университете. Это случилось в августе. Затем у нас были еще две... мм... встречи.

– Но она была-таки вашей пациенткой? – Голос Хейнса теперь звучал монотонно-настойчиво, как у прокурора, ведущего допрос.

– В принципе, да, – сказал Ласки. – Но вообще-то, я не практикую. Видите ли, я преподаю в Колумбийском университете и иногда консультирую в клинике при университете... В основном студентов, которым, по мнению Эллен Хайтауэр, университетского врача, стоит обратиться к психиатру... Иногда случается, что и преподавателей...

– Так что, мисс Дрейтон была студенткой?

– Нет, не думаю. Она иногда посещала курсы для аспирантов и вечерние семинары вроде моего. Она... проявляла интерес к одной книге, которую я написал...

– «Патология насилия», – подсказал шериф Джентри.

Ласки моргнул и поправил очки:

– По-моему, я не упоминал названия своей книги во время нашего вчерашнего разговора, шериф.

Джентри сложил руки на животе и ухмыльнулся:

– Нет, не упоминали, профессор. Я прочел ее прошлой весной. По правде говоря, дважды. Я только сейчас вспомнил ваше имя и считаю, что это великолепная книга. Вам бы тоже стоило почитать ее, Дик, – обратился он к Хейнсу.

– Просто удивительно, как вам удалось найти экземпляр. – Ласки пожал плечами и повернулся к агенту, поясняя: – Там довольно подробно рассмотрено несколько случаев из психиатрической практики. Всего-то и были отпечатаны две тысячи экземпляров в академической типографии. Большая часть тиража продана студентам в Нью-Йорке и в Калифорнии.

– Доктор Ласки полагает, что некоторые люди восприимчивы к... как вы это назвали, сэр? К климату насилия... Так? – спросил Джентри.

– Да.

– И что другие индивиды, или место проживания, или время – все это может как бы программировать таких восприимчивых людей и заставлять их вести себя иначе, чем они бы вели себя в других условиях. Конечно, это всего лишь мое примитивное изложение концепции вашего труда, доктор.

Ласки снова моргнул, глядя на шерифа:

– Должен признаться, это весьма внятное изложение.

Хейнс встал, подошел к шкафу с картотекой и облокотился на него. Скрестив руки, он слегка нахмурился:

– Погодите, я все же кое-чего не понимаю. Значит, мисс Дрейтон пришла именно к вам? Она заинтересовалась вашей книгой, а потом стала вашей пациенткой. Так?

– Да. Я согласился проконсультировать ее как профессионал.

– А не было у вас с ней личных отношений?

– Нет, – ответил Ласки. – Мы встречались всего три раза. Один раз это была короткая беседа на несколько минут после моей лекции о насилии в Третьем рейхе и еще дважды – по часу, во время приема в клинике.

– Понятно, – кивнул Хейнс, хотя, судя по всему, ему мало что было понятно. – И вы полагаете, во время этих приемов выяснилось нечто такое, что поможет нам разобраться в нынешней ситуации?

– Боюсь, что нет. Не нарушая врачебной тайны, могу сказать, что мисс Дрейтон не давали покоя ее отношения с отцом, который умер много лет назад. Признаться, я не нахожу в наших беседах ничего такого, что могло бы пролить свет на обстоятельства ее убийства.

– Ну да. – Раздосадованный, Хейнс вернулся на свое место и взглянул на часы.

Джентри улыбнулся и открыл дверь:

– Линда, дорогая, ты не могла бы принести нам кофе?

– Доктор Ласки, возможно, вы знаете, у нас есть данные о том, кто убил вашу пациентку, – сказал Хейнс. – Чего у нас нет, так это мотива убийства.

– Да-да. – Сол погладил бороду. – Это молодой человек из местных, не так ли?

– Альберт Лафоллет, – подсказал Джентри. – Девятнадцатилетний коридорный, работающий в том отеле.

– И у вас нет никаких сомнений в его виновности?

– Какие, к черту, сомнения! – воскликнул Джентри. – У нас пять свидетелей, которые показывают, что Альберт вышел из лифта, подошел к конторке и пальнул в сердце своему боссу, Кайлу Андерсону, администратору «Мансарды». Просто приставил ствол к груди и выстрелил. Мы обнаружили остатки сгоревшего пороха у него на форме. У парня был кольт сорок пятого калибра, не автоматический. И не дешевая подделка, уважаемый доктор, а самый настоящий кольт с завода мистера Кольта с серийным номером. Антикварная вещь. Так вот, этот парень, не говоря ни слова, если верить свидетелям, сует пушку мистеру Кайлу в грудь и нажимает на спуск, потом поворачивается и стреляет в лицо Леонарду Уитни.

– А кто этот мистер Уитни? – спросил Ласки.

Хейнс снова откашлялся и сам ответил на вопрос:

– Леонард Уитни был бизнесменом из Атланты, приехавшим сюда по делам. Он только что вышел из ресторана отеля и тут же получил пулю в голову. Насколько мы можем судить, он никак не был связан ни с одной из жертв.

– Точно, – подтвердил Джентри. – Потом этот юный Альберт засовывает револьвер себе в рот и спускает курок. Ни один из пяти свидетелей ни черта не сделал, чтобы помешать ему. Конечно, все произошло в течение нескольких секунд.

– И этим же оружием была убита мисс Дрейтон?

– Да.

– А при ее убийстве свидетели были?

– Нет, – сказал Джентри. – Но двое из тех, кто там находился, видели, как Альберт входил в лифт. Они запомнили его, потому что он шел от номера, где случился весь этот шум. Странно, но никто из свидетелей не помнит, был ли у парня в руках револьвер. Хотя что тут странного? Наверное, в толпе можно появиться и со свиной ногой, и никто ничего не заметит.

– Кто первым увидел тело мисс Дрейтон?

– Нельзя сказать с уверенностью, – проговорил Джентри. – Там наверху была страшная суматоха, а потом в холле началось это представление...

– Доктор Ласки, – перебил шерифа Хейнс, – если у вас нет информации насчет мисс Дрейтон, я не уверен, что вы сможете нам помочь.

Агент явно намеревался прекратить разговор, но ему помешала секретарша, принеся кофе. Хейнс поставил свою пластиковую чашку на шкаф с папками. Доктор благодарно улыбнулся и сделал глоток. Для Джентри кофе был подан в большой белой кружке с надписью по бокам: «Босс».

– Спасибо, Линда.

Ласки слегка пожал плечами:

– Я просто хотел поделиться тем, что мне известно. Понимаю, у вас много дел, джентльмены. Не буду больше отнимать у вас время. – Он поставил чашку на стол и встал.

– Погодите! – воскликнул Джентри. – Раз уж вы здесь, я хотел бы узнать, что вы думаете по поводу некоторых вещей. – Он повернулся к Хейнсу. – Уважаемый профессор был консультантом нью-йоркской полиции пару лет назад, когда случился весь этот шум с «сыном Сэма».

– Ну, я был всего лишь одним из многих консультантов, – уточнил Ласки. – Мы помогли составить словесный портрет убийцы. Правда, это им не пригодилось. Убийцу поймали в результате обычной полицейской операции.

– Верно, – кивнул Джентри. – Но вы написали книгу о таких вот множественных убийствах. Мы, Дик и я, хотели бы знать ваше мнение обо всем этом безобразии. – Он встал и подошел к длинной классной доске, прикрытой оберточной бумагой, склеенной скотчем. Джентри

откинул бумагу; на доске мелом были начерчены диаграммы с именами действующих лиц и временем событий. – Вы, наверное, читали об остальных героях нашей милой пьесы?

– О некоторых, – ответил Ласки. – В нью-йоркских газетах особое внимание уделялось Нине Дрейтон, погибшей маленькой девочке и ее дедушке.

– Да, Кэтлин. – Джентри ткнул пальцем в доску рядом с именем девочки. – Возраст – десять лет. Вчера я видел ее фотографию, она закончила четвертый класс. Очень милая девочка. Там она гораздо приятнее, чем на снимках с места преступления. – Джентри потер ладонями щеки и помолчал.

Сол глотнул еще кофе, ожидая продолжения.

– В общем, у нас тут четыре главных места преступления. – Шериф принялся водить пальцем по доске, где был начерчен план района. – Одного гражданина убили вот здесь, среди бела дня, на Кольхаун-стрит. Еще один труп в квартале от того места, на эллинге у Батарей. Три трупа в особняке Фуллер, вот здесь... – Он указал на аккуратный небольшой квадратик, возле которого значились три крестика. – А после – финальная сцена в «Мансарде», тут четыре убийства.

– Между ними есть какая-нибудь связь? – спросил Ласки.

– В том-то и вся беда, – вздохнул Джентри. – И есть, и нет, если вы меня понимаете. – Он махнул рукой в сторону списка имен. – Скажем, мистер Престон, темнокожий джентльмен, которого нашли зарезанным на Кольхаун-стрит, двадцать шесть лет работал местным фотографом и продавцом в Старом городе. Мы склоняемся к предположению, что он – случайный прохожий, убитый следующим трупом, которого мы нашли вот здесь...

– Карл Торн, – прочел Ласки следующее имя в списке.

– Слуга исчезнувшей женщины, – пояснил Хейнс.

– Да, – кивнул Джентри, – только фамилия его вовсе не Торн, хотя она значится в его водительских правах. И зовут его не Карл. Мы сегодня получили данные из Интерпола: судя по отпечаткам пальцев, он был известен в Швейцарии как Оскар Феликс Хаупт, мелкий гостиничный вор. Он исчез из Берна в пятьдесят третьем году.

– Боже мой, – пробормотал психиатр, – неужели они столько лет хранят отпечатки пальцев бывших гостиничных воров?

– Хаупт был не только воришкой, – вставил Хейнс. – Он фигурировал в качестве главного подозреваемого в довольно громком деле об убийстве в том же пятьдесят третьем году. Тогда погиб французский барон, приехавший на курорт. Хаупт вскоре после этого исчез. В швейцарской полиции полагали, что Хаупта убили люди из европейского синдиката.

– Как видим, они ошиблись, – усмехнулся шериф Джентри.

– Почему вы решили запросить Интерпол? – спросил Ласки.

– Да так, внутренний голос подсказал. – Джентри снова глянул на доску. – Ладно. Что мы имеем? Мы имеем труп Карла Оскара Феликса Торна-Хаупта вот здесь, на эллинге, и, если бы сумасшествие на этом и закончилось, мы могли бы сочинить что-то похожее на мотив преступления... Ну, скажем, попытка украсть лодку... Хаупт получил пулю от ночного сторожа из револьвера тридцать восьмого калибра. Проблема, однако, в том, что в Хаупта не только дважды стреляли, он еще порядком изуродован. На его одежде оказались пятна крови двух видов – не считая, разумеется, его собственной; под ногтями у него нашли фрагменты кожи и материи, откуда следует, что именно он убил мистера Престона.

– Все это очень запутанно, – сказал Сол Ласки.

– Ах, профессор, это только цветочки. – Джентри постучал костяшками пальцев по доске рядом еще с тремя именами: Джордж Ходжес, Кэтлин Мари Элиот и Баррет Крамер. – Знаете эту леди?

– Баррет Крамер? – спросил Ласки. – Нет. Я видел ее имя в газете, а так не припоминаю.

– Она состояла при мисс Дрейтон. Компаньонка или «помощница по делам» – так, кажется, ее называли эти люди из Нью-Йорка, которые забрали тело мисс Дрейтон. Женщина лет тридцати пяти, брюнетка, сложена немного по-мужски. Не припоминаете?

– Нет, – ответил Ласки. – Она не сопровождала мисс Дрейтон, когда та приходила на прием. Возможно, она была у меня на лекции в тот вечер, когда я познакомился с мисс Дрейтон, но я ее не заметил.

– Ладно. Значит, теперь мы имеем мисс Крамер, в которую выстрелили из «смит-вессона» мистера Ходжеса тридцать восьмого калибра. Только вот криминалист практически уверен, что она погибла не от пули. По-видимому, она сломала шею, когда упала с лестницы в доме Фуллер. По приезде «скорой» она еще дышала, но в больнице констатировали смерть. Мозг практически был лишен активности, или что-то в этом роде. Так вот, тут обнаруживается такая чертовщина: по мнению криминалистов, бедняга мистер Ходжес вовсе не стрелял в эту даму. Его нашли вот здесь, – Джентри ткнул пальцем еще в одну диаграмму, – в коридоре дома Фуллер, а его револьвер подобрали на полу номера мисс Дрейтон в «Мансарде». И что же мы имеем? Восемь жертв, даже девять, если считать Альберта Лафоллета, и пять орудий убийства...

– Пять?.. – переспросил Ласки. – Простите, шериф, я вовсе не хотел перебивать вас.

– Все в порядке, профессор. Пока пять, по крайней мере, насколько нам известно. Тот старинный кольт сорок пятого калибра, которым орудовал Альберт, тридцать восьмой калибр мистера Ходжеса, нож, найденный рядом с телом Хаупта, и эта проклятая кочерга, которой мисс Крамер убила девочку.

– Так это сделала Крамер?

– Да. Во всяком случае, на кочерге ее отпечатки пальцев, а одежда испачкана кровью ребенка.

– И все равно я насчитал лишь четыре орудия убийства.

– Ах да, у задней двери эллинга мы нашли деревянную палку. Или трость. На ней тоже кровь.

Сол Ласки покачал головой и глянул на Ричарда Хейнса. Сложив руки на груди, агент неподвижно уставился на классную доску. Он выглядел уставшим, на лице было отчетливо написано отвращение.

– Просто ведро с помоями, правда, профессор? – закончил Джентри. Он прошел к своему креслу и рухнул в него с тяжелым вздохом. Потом откинулся назад и глотнул холодного кофе из большой кружки. – Есть у вас какие-нибудь версии?

Ласки печально улыбнулся и пожал плечами. Некоторое время он смотрел на доску, как бы стараясь запомнить всю изложенную там информацию, потом потербил бороду и тихо сказал:

– Нет, шериф, боюсь, никаких версий у меня нет. Но мне хотелось бы задать вопрос, который напрашивается сам собой.

– Какой именно?

– Где сейчас мисс Фуллер? Дама, в чьем доме произошло все это побоище?

– Миз Фуллер, – поправил его Джентри. – Судя по тому, что нам рассказали соседи, она была одной из самых именитых старых дев в Чарлстоне. Здесь, на юге, им положен титул «миз»; так уж тут лет двести повелось, профессор. А в ответ на ваш вопрос скажу: миз Мелани Фуллер исчезла бесследно. В одном из донесений говорится, что некая дама весьма пожилого возраста была замечена в коридоре отеля наверху сразу после убийства мисс Дрейтон, но никто не подтвердил, что это была именно она. Мы объявили розыск в трех штатах, однако пока никаких данных нет.

– Похоже, она-то и является ключом ко всей этой истории, – предположил Ласки почти застенчиво.

– Очень может быть. Тут есть еще такой факт: ее изрезанная сумочка обнаружена за унитазом на эллинге. На ней пятна крови, и они совпадают с пятнами на ноже Карла – Оскара Хаупта. Нож сделан в Париже.

– Бог мой! – вздохнул психиатр. – Сплошная бессмыслица.

Наступило минутное молчание, потом Хейнс встал, поправляя манжеты:

– Возможно, все проще, чем кажется. Нина Дрейтон навешала мисс Фуллер... прошу прощения, миз Фуллер, как раз за день до убийств. Отпечатки пальцев подтверждают, что она была там, да и соседка видела, как она входила в дом в пятницу вечером. Вероятно, мисс Дрейтон плохо разбиралась в людях, если наняла эту Баррет Крамер в качестве компаньонки. Крамер разыскивают в Филадельфии и Балтиморе в связи с обвинениями, часть которых тянется за ней еще с шестьдесят восьмого года.

– Какого сорта эти обвинения? – спросил Ласки.

– Проституция и наркотики, – ответил агент. – Значит, мисс Крамер и помощник миз Фуллер, этот самый Торн, каким-то образом сговорились ограбить своих престарелых хозяек. В конце концов, после мисс Дрейтон осталось почти два миллиона долларов, а у миз Фуллер весьма солидный счет в банке здесь, в Чарлстоне.

– Но как они могли... – начал было психиатр.

– Одну минуту. Итак, Крамер и Торн, или Хаупт, убивают миз Фуллер и избавляются от ее тела... Полиция гавани как раз сейчас тралит бухту. Но ее сосед, старик-охранник, расстраивает их планы. Он приканчивает Хаупта, возвращается в дом Фуллер и там сталкивается с Крамер. Внучка старика замечает, как он идет к дому, бросается к нему и становится еще одной жертвой. Тем временем Альберт Лафоллет, тоже один из заговорщиков, впадает в панику, когда Крамер и Хаупт не появляются вовремя, убивает мисс Дрейтон и сходит с ума.

Джентри слегка улыбнулся, покачиваясь в кресле:

– А как насчет Джозефа Престона, фотографа?

– Случайный прохожий, как вы сами сказали, – ответил Хейнс. – Возможно, он видел, как Хаупт бросил в бухту тело старой дамы. Нет сомнения в том, что этот фриц убил его. Фрагменты кожи из-под ногтей Престона идеально совпадают с царапинами на лице Хаупта. Или с тем, что оставалось от лица Хаупта.

– Хорошо, а как насчет глаза? – спросил Джентри.

– Глаза? Чьего глаза? – Ласки переводил взгляд с шерифа на агента.

– Хаупта, – ответил Джентри. – Его нет. Кто-то обработал левую сторону лица дубинкой. Хейнс пожал плечами:

– Все равно это единственная версия, в которой есть хоть какой-то смысл. Итак, что мы имеем? Двое «помощников», оба бывшие преступники, и оба работают на старых богатых дам. Они задумывают похищение, или убийство, или еще что-то, но дело срывается и заканчивается цепью убийств.

– Да, – кивнул Джентри. – Возможно.

В наступившей паузе Сол Ласки услышал чей-то смех в другой части здания. Где-то снаружи взвыла сирена, потом смолкла.

– А вы что думаете, профессор? Есть у вас какие-нибудь другие идеи? – спросил Джентри.

Сол потряс головой:

– Все это ставит меня в тупик.

– У вас в книге описывается «резонанс насилия». Здесь есть что-то похожее?

– Видите ли, это не совсем та ситуация, которую я имел в виду, – сказал Ласки. – Конечно, тут имеется цепь насилия, но я не вижу катализатора.

– Катализатора? – переспросил Хейнс. – Это еще что за чертовщина? О чем мы тут говорим?

Джентри пристроил ноги на своем рабочем столе и вытер шею большим красным платком.

– В книге доктора Ласки говорится о ситуациях, которые программируют людей на убийство.

– Мне непонятно, – заявил Хейнс. – Что значит «программируют»? Опять эта старая либеральная песня насчет того, что бедность и социальные условия – главная причина преступности? – По тону его голоса было ясно, что он думает обо всем этом.

– Не совсем, – сказал Ласки. – Согласно моей гипотезе, существуют ситуации, условия и отдельные индивиды, вызывающие стрессовую реакцию у других людей. Реакция может вылиться в насилие, даже в убийство, при отсутствии видимых непосредственных причинных связей.

Агент нахмурился:

– И все же я не понимаю.

– Ну как же! – не выдержал шериф Джентри. – Вы видели нашу КПЗ, Дик? Нет? Обязательно взгляните перед отъездом. В прошлом году в августе мы выкрасили стены камеры в розовый цвет. Мы зовем ее «Хилтон для бедных людей», но эта чертова штука работает. Случаи насилия снизились на шестьдесят процентов после того, как мы намазали стены этой краской, хотя клиентура у нас все та же, ничуть не лучше. Понятное дело, это нечто обратное тому, о чем вы говорите, ведь так, профессор?

Ласки поправил очки. Когда он поднял руку, Джентри успел заметить выцветшую голубую татуировку на запястье, чуть повыше кисти, – несколько цифр.

– Да, но некоторые аспекты этой теории приемлемы и в данном случае, – сказал Ласки. – Исследование цветового окружения показало, что испытуемые проявляют некоторые сдвиги в жизненной позиции и поведении, которые можно объективно измерить. Причины уменьшения случаев насилия в таком окружении при самых благоприятных условиях весьма туманны, хотя эмпирические данные неопровержимы... Как вы сами могли убедиться, шериф, они, по-видимому, указывают на перемену психофизиологической реакции в связи с изменением цветовой гаммы. В своей работе я показываю, каким образом некоторые малопонятные случаи насильственных преступлений становятся результатом более сложных цепочек стимулирующих факторов.

– Ну-ну, – поморщился Хейнс. Он глянул на часы, потом на Джентри, который удобно устроился в кресле, водрузив ноги на стол. Агент с раздражением смахнул невидимую пылинку со своих безукоризненно отглаженных брюк. – Боюсь, я не совсем понимаю, как это все может нам помочь, доктор Ласки. Шериф Джентри имеет дело с серией нелепых убийств, а не с подопытными крысами, которых надо заставлять бегать по лабиринту.

Сол кивнул и слегка пожал плечами:

– Я тут проездом... Просто решил сказать шерифу о своем знакомстве с мисс Дрейтон и предложить помощь, если смогу. Извините, что отнимаю у вас драгоценное время. Спасибо за кофе, шериф. – Он встал и направился к двери.

– Вам спасибо, профессор. – Джентри снова вытащил платок и потер им лицо, как будто оно чесалось. – Да, у меня к вам еще один вопрос, доктор Ласки. Как вы полагаете, могли ли эти убийства стать результатом ссоры между двумя старыми леди – Ниной Дрейтон и Мелани Фуллер?

Печальное лицо Ласки ничего не выражало, он несколько раз моргнул.

– Да, возможно. Но это никак не объясняет убийств в «Мансарде», не так ли?

– Вы правы, – согласился Джентри и в последний раз потер платком нос. – Спасибо, профессор. Очень признателен за то, что вы с нами связались. Если вспомните что-нибудь о мисс Дрейтон... если у вас появится хоть какой-то намек на причины и следствия всего этого свинства, пожалуйста, позвоните нам. Мы оплатим звонок. Договорились?

– Разумеется, – кивнул Сол. – Всего хорошего, джентльмены.

Хейнс подождал, пока не закроется дверь.

– Этого Ласки неплохо бы проверить, – тут же заявил он.

– Конечно, – согласился Джентри, медленно вертя в руке пустую чашку. – Уже проверил.

С ним все в порядке, он именно тот, за кого себя выдает.

Хейнс моргнул:

– Вы проверили его до того, как он пришел к вам?

Джентри ухмыльнулся и поставил чашку:

– Сразу после его вчерашнего звонка. У нас не так уж много подозреваемых, чтобы экономить на телефонном звонке в Нью-Йорк.

– Я попрошу ФБР выяснить, где он был начиная с...

– Читал лекцию в Колумбийском университете, – опередил его Джентри. – В субботу вечером. Потом участвовал в дебатах по поводу насилия на улицах. После этого был на приеме, закончившемся где-то после одиннадцати. Я беседовал с деканом.

– И все же я проверю его досье, – упрямо повторил Хейнс. – В том, что он тут наговорил о знакомстве с Ниной Дрейтон, есть нечто странное.

– Да, – кивнул Джентри. – Буду очень обязан, если вы это сделаете, Дик.

Агент Хейнс взял свой плащ и кейс, потом остановился и посмотрел на шерифа. Тот так крепко стиснул руки, что побелели костяшки пальцев. В его обычно добродушно-веселых глазах застыл гнев, почти ярость.

– Дик, я очень рассчитываю на вашу помощь в этом деле. По всем пунктам.

– Разумеется.

– Я серьезно. – Джентри взял в руки карандаш. – Какая-то сволочь убила девять человек в моем округе. Это им даром не пройдет. Я собираюсь выяснить все до конца.

– Конечно, – согласился Хейнс.

– И обязательно выясню это, – продолжил Джентри. Взгляд его стал холодным и безжалостным, карандаш хрустнул в пальцах, но он этого не заметил. – А потом я до них доберусь, Дик. Клянусь.

Хейнс кивнул, попрощался и вышел. Шериф долго смотрел на закрытую дверь, затем перевел взгляд на треснувший карандаш в руках. Медленно и аккуратно он принялся ломать его на куски.

* * *

Хейнс взял такси, уложил вещи, заплатил по счету и на том же такси поехал в международный аэропорт Чарлстона. До рейса еще оставалось время. Сдав вещи, он походил по залу, купил «Ньюсуик» и, миновав несколько телефонных будок, остановился у ряда таксофонов в боковом коридоре. Здесь он набрал номер с вашингтонским кодом.

– Номер, который вы набрали, временно не обслуживается, – четко произнес автоматический женский голос. – Пожалуйста, попробуйте еще раз или свяжитесь с представителем компании «Белл» в данном районе.

– Хейнс, Ричард, – сказал агент. Он оглянулся через плечо: женщина с ребенком прошли к туалетам. – Ковентри. Кабель. Я пытаюсь связаться с номером семьдесят семь девяносто четыре девяносто один.

Послышался щелчок, тихое гудение, затем шорох еще одного записывающего устройства и механический голос:

– Абонент временно недоступен. Если вы хотите оставить сообщение, дождитесь сигнала. Время записи не ограничено. – Полминуты молчания, затем мягкий аккорд.

– Говорит агент Хейнс, – тихо сообщил он. – Через несколько минут вылетаю из Чарлстона. Сегодня появился психиатр по имени Соломон Ласки. Беседовал с Джентри. Ласки говорит, что работает в Колумбийском университете. Написал книгу под названием «Психология насилия», издательство «Академия-пресс». Утверждает, будто трижды встречался с Ниной Дрейтон в Нью-Йорке. Отрицает свое знакомство с Баррет Крамер, что, возможно, ложь. На руке у него татуировка концентрационного лагеря. Серийный номер сорок четыре девяносто сто восемьдесят два. Далее: Джентри сделал запрос насчет Карла Торна; ему известно, что тот в действительности был швейцарским вором по имени Оскар Феликс Хаупт. Шериф неряха, но не глуп. Похоже, у него в заднице сера горит из-за этого дела. И наконец, письменный рапорт я сдам завтра. Тем временем рекомендую начать слежку за Ласки и Джентри. В качестве меры предосторожности можно временно отменить страховку обоих. Буду дома около восьми вечера, жду дальнейших инструкций. Хейнс. Кабель. Ковентри.

Он повесил трубку, взял в руку кейс и быстрым шагом направился к толпе пассажиров, ожидающих вылета.

* * *

Сол Ласки вышел из здания муниципалитета и свернул на боковую улицу, где стояла взятая напрокат «тойота». Накрапывал мелкий дождь; несмотря на туман, было на удивление тепло – Сол к такому не привык. Температура около двадцати, не меньше. Позавчера, когда он уезжал из Нью-Йорка, шел снег, а температура уже несколько дней не поднималась выше нуля.

Психиатр сидел в машине и смотрел, как капли дождя стекают по ветровому стеклу. В машине пахло новой кожаной обивкой и дымом чьей-то сигары. Несмотря на теплый воздух, его колотила дрожь, все сильнее и сильнее. Он крепко сжал руками руль и сидел так до тех пор, пока дрожь не унялась, осталось лишь неприятное покалывание в мышцах. Сол заставил себя думать о чем-нибудь постороннем: о предстоящей весне, о тихом озере, которое он нашел в Адирондакских горах прошлым летом, о покинутой Синайской долине, где иссеченные песком римские колонны высились на фоне сланцевых утесов.

Через несколько минут он завел машину и двинулся без цели по вымытым дождем улицам. Транспорта было мало. Он подумал, не поехать ли ему по пятьдесят второй дороге к своему мотелю, но вместо этого развернулся на юг и направился по Ист-Бей к Старому городу.

Длинный навес перед отелем «Мансарда» доходил до самого края тротуара. Сол быстро оглядел неосвещенный вход и поехал дальше. Через три квартала он свернул направо, на узкую улицу, вдоль которой теснились жилые дома. Внутренние дворики были огорожены витыми металлическими решетками. Сол сбавил скорость и стал считать про себя дома, стараясь рассмотреть их номера.

Дом Мелани Фуллер был погружен в темноту. Еще один дом, граничащий с особняком Фуллер с севера, похоже, был заперт и тоже пуст: окна закрыты тяжелыми жалюзи, на воротах, ведущих во двор, – цепь и большой замок, по виду недавно купленный.

На следующем перекрестке Сол повернул налево, затем еще раз налево; он почти вернулся на Брод-стрит, прежде чем нашел место впритык к грузовику, где мог бы припарковаться. Дождь пошел сильнее. Сол взял с заднего сиденья белую кепку, натянул ее на глаза и поднял воротник куртки.

Переулок обозначал середину квартала, по бокам его стояли крохотные гаражи, деревья с густой листвой и бесчисленные ящики для мусора. Он снова начал считать дома, как тогда, когда ехал, но ему все равно пришлось разыскать две низкие высохшие пальмы у южного углового окна, дабы убедиться, что не ошибся. Он двигался медленно, засунув руки в карманы, зная, что очень бросается в глаза в этом узком переулке, но сделать ничего не мог. Дождь все

не прекращался, серый день потихоньку переходил во тьму зимних сумерек. Дневному свету оставалось не более получаса.

Сол судорожно вздохнул и прошел три-четыре метра дорожки, отделяющей тротуар от небольшого строения – в прошлом, очевидно, каретного сарая. Окна его были закрашены черной краской, но помещение явно никогда не использовалось как гараж. Сарай был огорожен стальной сеткой, увитой виноградной лозой; сквозь сетку торчали острые шипы живой изгороди. Низкая калитка, когда-то являвшаяся частью железной ограды, тоже была заперта на цепь и висячий замок. На желтой полицейской ленте, протянутой вдоль сетки, виднелась надпись: «Вход воспрещен. Распоряжение шерифа Чарлстона».

Сол медлил. Было тихо. Слышались лишь барабанная дробь дождя по крыше сарая да шум капель, падающих с кустарника на землю. Он ухватился руками за высокую ограду, поставил левую ногу на перекладину, с секунду неуверенно балансировал над ржавыми острыми штырями и спрыгнул во двор.

На секунду Сол замер, опершись руками о мокрые плиты, чувствуя, как судорогой сводит правую ногу. Сердце его лихорадочно билось в груди; во дворе неподалеку вдруг залаяла собака, потом лай прекратился. Он осторожно прокрался мимо цветочной клумбы и перевернутой ванночки для птиц к деревянному крыльцу, которое явно было пристроено к дому гораздо позднее. Дождь, сумерки и мерный стук капель, падающих с живой изгороди, казалось, приглушали отдаленные звуки и усиливали шум шагов и шорох, производимые Солом. Слева за большими стеклами он различил растения: там с садом сливалось помещение оранжереи. Ласки толкнул затянутую сеткой дверь, ведущую к веранде, дверь открылась с ржавым скрипом, и Сол ступил в темноту.

Веранда оказалась длинной и узкой, пахло плесенью и землей. Он различил темные силуэты пустых глиняных горшков вдоль стеллажей у кирпичной стены дома. Внутренняя дверь, массивная, с окном из тонированного стекла и красивыми резными панелями, была надежно заперта. Сол не сомневался, что у старухи в доме установлена сигнализация, но наверняка чисто внутренняя, не связанная с полицейским участком.

А что, если полиция все-таки подсоединила эту систему к участку? Сол тряхнул головой и подошел к узким окнам между стеллажами. Ему удалось разглядеть белую громадину холодильника. Вдруг послышался отдаленный раскат грома; дождь с удвоенной силой застучал по крышам и живым изгородям. Сол принялся переставлять горшки, выстраивая их в пустых промежутках на полках, потом отряхнул с рук чернозем и снял с подставки опустевший метро-вый стеллаж. Окна над грубо сделанной подставкой были закрыты на задвижку изнутри. Он на секунду замер и, выбрав самый большой и тяжелый из глиняных горшков, ударил им по стеклу.

Звон разбитого стекла показался Солу ужасно громким, громче, чем раскаты грома, последовавшие сразу за мелькающими отражениями молний, которые превратили остатки стекла в зеркала. Он замахнулся вновь и разнес бородатый силуэт собственного отражения, а заодно и вертикальную перегородку окна, затем осторожно вытащил торчащие осколки и попытался в темноте нащупать задвижку. От внезапной детской мысли, что его могут схватить за руку, у него похолодела спина. Он нащупал цепочку и потянул. Окно раскрылось наружу. Протиснувшись в него, Сол ступил на подоконник и тяжело спрыгнул на пол кухни.

В старом доме все время раздавались какие-то звуки. Снаружи по водостоку струилась дождевая вода. В холодильнике тоже что-то гудело, причем так громко, что Сол чуть не повернул обратно. Он отметил про себя, что электричество не отключено. Откуда-то донесся слабый скрежещущий звук, словно по стеклу провели ногтем.

Из кухни в другие помещения вели три двери. Сол выбрал ту, что оказалась прямо перед ним, и вышел в длинный коридор. Даже в тусклом свете он различил в нескольких шагах от двери место, где темный, натертый до блеска паркет был разбит в щепки. У основания широкой лестницы он остановился, почти уверенный, что найдет там обведенные мелом силуэты тел на

полу, как в американских детективах, которые он так любил смотреть. Но ничего подобного не было – только большое пятно на паркете возле нижней ступеньки. Сол заглянул в другой, более короткий коридор, ведущий в прихожую, затем перешел в большую, заставленную старинной мебелью комнату. Похоже, это была гостиная. Свет пробивался сюда сквозь панели цветного стекла в верхней части широкого эркера. Стрелки часов на каминной полке застыли на цифрах 3:26. Тяжелая мебель в чехлах и высокие шкафы, забитые хрусталем и фарфором, казалось, вобрали в себя весь кислород. Дышать было совершенно нечем. Сол расстегнул ворот рубашки и быстро осмотрел гостиную. В помещении стоял затхлый запах мастики, талька, и еще тут попросту воняло гнилью. Он содрогнулся, вспомнив свою древнюю тетюшку Дануту и ее маленькую квартирку в Кракове. Дануте стукнуло сто три, когда она умерла.

Рядом с гостиной находилась пустая столовая. Замысловатой формы подвески на люстре слегка позвякивали в такт шагам. Сол вышел в прихожую, оглядел пустую вешалку для шляп и две трости, прислоненные к стене. Мимо медленно проехал грузовик, и дом задрожал.

Оранжерея, расположенная сразу за столовой, была светлее, чем все другие помещения. Здесь Сол почувствовал себя совершенно незащищенным. Дождь на улице прекратился, и среди мокрой зелени сада он мог различить кусты роз. Через несколько минут будет совсем темно.

Его внимание привлек антикварный застекленный шкаф. Полированные створки из красного дерева были разломаны, на полу валялись осколки битого стекла. Сол осторожно подошел к шкафу и присел на корточки. На средней полке лежали перевернутые статуэтки и оловянные тарелки.

Он выпрямился и оглянулся. Без какой-либо видимой причины им вдруг овладел страх, даже паника. Запах мертвечины, казалось, преследовал его. Сол заметил, что его левая рука судорожно сжимается и разжимается. Он может сейчас же уйти: стоит выйти в кухню, и через две минуты он будет уже за воротами...

Медленно повернувшись, Сол направился по темному коридору к лестнице. Перила были гладкие и прохладные на ощупь. Хотя в стене напротив имелось маленькое круглое окошко, темнота, казалось, поднималась, словно холодный воздух, и оседала на лестничной площадке. Наверху он остановился. Дверь справа была почти сорвана с петель, сверху свисали белые щепки, словно порванные жилы. Сол заставил себя войти в спальню. Вонь тут стояла такая, как бывает в холодильнике, забитом мясом, через несколько дней после отключения электричества. В одном углу высился шкаф, похожий на гроб, поставленный на попа. Окна, выходящие во двор, были занавешены тяжелыми шторами. На старом трюмо в самом центре лежали дорогая антикварная щетка для волос и гребень слоновой кости. Зеркало, потускневшее от времени, было покрыто пятнами. Высокая кровать аккуратно застелена.

Сол уже повернулся, собираясь уходить, когда услышал шаги. Он замер, руки непроизвольно сжались в кулаки. Прошло несколько минут, но все было спокойно, только запах гнилого мяса по-прежнему мешал дышать. Сол уже хотел было идти дальше, решив, что звук шел из забитого водостока снаружи, когда вновь услышал шаги. Тихо, осторожно, но целенаправленно кто-то поднимался по лестнице.

Он резко развернулся и кинулся к шкафу. Дверцы бесшумно открылись, и он скользнул внутрь, зарывшись в ворох старушечьей одежды. В ушах у него со страшной силой отдавались удары сердца. Дверцы от древности несколько перекошились и закрывались неплотно, поэтому сквозь щель он мог видеть тонкую вертикальную полоску серого цвета, пересеченную темной горизонталью кровати.

Шаги раздалились на верхней площадке лестницы, затем последовала длинная пауза, и кто-то тихо вошел в спальню.

Сол затаил дыхание. Запахи шерсти и нафталина смешались с вонью гнилого мяса и грозили удушить его. Тяжелые платья и шарфы липли к телу, тянулись к плечам и горлу.

Он никак не мог понять, удаляются шаги или приближаются, – так у него шумело в ушах. Охватившая его паника мешала сосредоточиться на тонкой полоске света. Сол вспомнил, как земля падала на еще живые лица людей, как шевелилась белая рука в черной грязи, вспомнил серое сукно, казавшееся темным в зимнем свете, и белый пластырь на заросшей щетиной щеке; руки и ноги копошились в земле, как медлительные черви...

Он резко выдохнул и, раздвинув липкую одежду, потянулся к дверцам.

Но он так и не успел дотронуться до них – они рывком распахнулись снаружи.

Глава 5

Вашингтон, округ Колумбия

Вторник, 16 декабря 1980 г.

Тони Хэрод и Мария Чэнь прилетели в Вашингтонский национальный аэропорт, взяли напрокат машину и сразу поехали в Джорджтаун. Уже миновал полдень, когда они пересекли мемориальный мост Мейсона. Река Потомак показалась им серой и медлительной, обнаженные деревья отбрасывали тонкие тени на набережную. Висконсин-авеню сегодня была свободнее обычного.

– Сюда, – показал Хэрод.

Мария свернула на Эм-стрит. Дорогие дома здесь, казалось, жались друг к другу в слабом зимнем свете. Тот, который они искали, ничем не отличался от многих других домов на этой улице. Перед бледно-желтой дверью гаража висел знак «стоянка запрещена». Мимо прошла пара, одетая в тяжелые меха; дрожащий пудель тянул их за поводок.

– Я подожду, – сказала Мария Чэнь.

– Нет. Покатайся пока. Каждые десять минут возвращайся сюда.

Когда Хэрод вылез из машины, она немного помедлила, затем не спеша двинулась вниз по улице.

Хэрод пошел не к парадной двери дома, а направился сразу к гаражу. В стене открылась небольшая металлическая панель, за которой обнаружили тонкая щель и четыре пластиковые кнопки без каких-либо надписей. Вытащив из бумажника кредитную карточку, он вставил ее в щель. Раздался щелчок. Он придвинулся ближе к стене и нажал третью кнопку, потом три другие. Дверь гаража с лязгом поднялась, Хэрод вытащил свою карточку из щели и вошел.

Дверь за ним закрылась. В пустынном помещении было очень темно, не чувствовалось даже намек на запах масла или бензина, пахло лишь холодным цементом и смолистым ароматом сосновых брусков. Хэрод сделал несколько шагов к середине гаража и замер, не делая попыток найти дверь или выключатель. Послышался тихий гул, и он понял, что установленная в стене видеокамера уже передала его изображение, а теперь прощупывает помещение – не вошел ли кто за ним. Вероятно, камера была снабжена инфракрасными или светочувствительными линзами. А вообще-то, ему наплевать, чем она там снабжена.

Раздался щелчок, дверь открылась, и Хэрод пошел на свет. Он ступил в пустую комнату; судя по электрическим панелям и трубам, первоначально ее планировали использовать как прачечную. Другая камера, установленная над следующей дверью, повернулась и взяла его на прицел, едва он вошел. Хэрод расстегнул молнию своей кожаной куртки.

– Пожалуйста, снимите темные очки, мистер Хэрод. – Голос доносился из стандартного переговорного устройства на стене.

– Да пошел ты в задницу, – приятным голосом сказал Хэрод и снял солнцезащитные очки, похожие на авиационные.

Он уже успел надеть их, когда дверь отворилась и вошли двое в темных костюмах. Один из них был лысым и весьма массивным – типичный вышибала или телохранитель. Второй, повыше, – сухощавый, темноволосый и гораздо более опасный, хотя трудно было сказать почему.

– Вы не могли бы поднять руки, сэр? – буркнул тот, что потяжелее.

– А вы не могли бы дать в задницу за четвертак? – Хэрод терпеть не мог, когда до него дотрагивались мужчины. Ему так же ненавистна была мысль, чтобы дотронуться до них.

Те двое терпеливо ждали. Он поднял руки. Вышибала ощупал его с профессиональным безразличием и кивнул темноволосому.

– Сюда, мистер Хэрод. – Сухощавый повел его через дверь, потом через пустую кухню, которой не пользовались, по ярко освещенному коридору мимо голых комнат без мебели и остановился у лестницы. – Первая дверь налево, мистер Хэрод. – Он махнул рукой вверх. – Вас ждут.

Ничего не сказав, Хэрод направился к ступенькам. Паркет из светлого дуба был отполирован до блеска. Его шаги на лестнице эхом отдавались по всему дому. Здание пахло свежей краской и пустотой.

– Мистер Хэрод, мы очень рады, что вам удалось приехать.

На складных стульях сидели пять человек, образуя почти замкнутый круг. Комната предназначалась, очевидно, под главную спальню либо большой кабинет. Полы были голыми, жалюзи – белыми, а камин – без признаков огня. Хэрод знал этих людей или, по крайней мере, их имена. Слева направо расположились Траск, Колбен, Саттер, Барент и Кеплер. Все были в дорогих, солидного покроя костюмах и сидели почти в одинаковых позах – спина прямая, нога на ногу, руки скрещены на груди. У троих рядом со стульями стояли кейсы. Трое были в очках. Все пятеро – белые. Возраст – от пятидесяти и выше; самый старший из них Барент. У Колбена почти не осталось волос, но у остальных, похоже, был один и тот же парикмахер.

– Вы опоздали, мистер Хэрод, – продолжил Траск.

– Ага.

Тони подошел поближе. Стул ему не поставили. Он снял свою кожаную куртку и теперь держал ее через плечо на одном пальце. На нем была ярко-красная шелковая рубашка, расстегнутая так, чтобы был виден медальон из акульего зуба на золотой цепочке. С брюками из темного вельвета контрастировала большая золотая пряжка на ремне, подаренном Джорджем Лукасом, и тяжелые сапоги для игры в поло, с массивными каблуками.

– Самолет опоздал, – сказал Тони.

Траск кивнул. Колбен откашлялся, словно собирался заговорить, но довольствовался тем, что поправил очки в роговой оправе.

– Известно что-нибудь новое? – спросил Хэрод. Не дожидаясь ответа, он подошел к окну, взял металлический складной стул и поставил его задом наперед в том месте, где сходились два полукруга. Затем сел верхом и повесил куртку на спинку. – Или я проделал этот путь за хрен собачий?

– Тот же самый вопрос мы хотели задать вам, – спокойно сказал Барент.

У него были манеры образованного человека. Во всяком случае, почти британские гласные напоминали о Новой Англии. Баренту, как и сейчас, никогда не приходилось повышать голос, чтобы его расслышали.

Хэрод пожал плечами.

– Я произнес хвалебную речь, одну из нескольких во время поминальной службы, – сообщил он. – Все это было очень печально. Сотни две голливудских знаменитостей явились выразить свою скорбь. Из них человек десять-пятнадцать были даже знакомы с ним.

– Расскажите о доме, – терпеливо попросил Барент. – Вы обыскали его, как мы вас просили?

– Да.

– И?

– И ничего. – Губы Хэрода вытянулись в тонкую линию, углы рта, который так часто кривился в саркастической ухмылке и жесткой иронии, напряглись. – В моем распоряжении была всего пара часов, из них час я потратил на то, чтобы выставить старых любовников Вилли;

у них есть ключи от дома, и они слетелись, как стервятники на падаль, ухватить свой кусок наследства...

– Их Использовали? – спросил Колбен обеспокоенным голосом.

– Нет, не думаю. Вы должны помнить, что Вилли терял силу. Возможно, он слегка их программировал, немного поглаживал центры удовольствия. Но я даже в этом сомневаюсь. С его деньгами и влиянием в киностудиях ему не требовалось ничего этого делать.

– Так что насчет обыска? – напомнил Барент.

– Да-да. Значит, у меня было около часа. Том Макгайр, поверенный Вилли и мой старый друг, позволил мне покопаться в сейфе Вилли и на его рабочем столе. Ничего особенного. Права на некоторые фильмы, сценарии, немного акций, но не скажешь, что это контрольные пакеты. Вилли, в основном, вкладывал деньги в кино. Масса деловых писем, однако почти ничего личного. Вы знаете, завешание было прочитано вчера. Мне достался дом – если я смогу заплатить эти долбаные налоги. Остаток со своего банковского счета он завещал Обществу защиты животных.

– Защиты животных? – переспросил Траск.

– Клянусь задницей. Старина Вилли помешался на правах животных. Вечно жаловался, что с ними плохо обращаются во время съемок, добивался принятия новых законов и прочая херня.

– Продолжайте, – сказал Барент. – Там не было бумаг, которые пролили бы свет на прошлое Вилли?

– Нет.

– И ничего не указывало на его Способность?

– Ничего.

– Ни одного упоминания о ком-нибудь из нас? – спросил Саттер.

Хэрод выпрямился:

– Разумеется, нет. Вы же знаете, Вилли ничего не было известно о Клубе.

Барент кивнул и сложил пальцы домиком:

– Тут не может быть случайной ошибки?

– Исключено.

– А между тем он знал о вашей Способности?

– Конечно. Но вы же сами много лет назад решили, что можно позволить ему. Вы мне это сказали, когда велели познакомиться с ним.

– Да.

– Кроме того, Вилли всегда считал, что моя Способность слабее и не так надежна, как у него. Из-за того, что у меня не было необходимости Использовать кого бы то ни было на полную мощь, и из-за... моих склонностей.

– Не использовать мужчин, – подсказал Траск.

– Из-за моих склонностей, – повторил Хэрод. – Да какого хрена Вилли вообще знал? Он смотрел на меня сверху вниз, даже когда он потерял все, кроме способности держать в узде Рейнольдса и Лугара, а они оба страх как любили, когда их возбуждают. Хотя и тут у него по большей части ни черта не получалось.

Барент снова кивнул:

– Значит, вы считаете, что он больше не мог Использовать кого-то для ликвидации других людей?

Хэрод усмехнулся:

– Куда ему. Он мог бы Использовать этих своих недоумков или одного из любовников, но он был не такой дурак, чтобы делать это.

– И вы позволили ему лететь в Чарлстон на встречу с теми двумя женщинами? – спросил Кеплер.

Хэрод стиснул спинку стула:

– Что вы хотите этим сказать? Черт, конечно, я позволил ему! В мою задачу входило наблюдать за Вилли, а не держать его на привязи. Он летал по всему свету.

– И что, по-вашему, он делал на этих встречах? – спросил Барент.

Хэрод пожал плечами:

– Тосковал по старым временам, трепался с этими двумя призраками из прошлого. Откуда я знаю, может, он продолжал трахать этих старых ведьм? Да и потом, он и отсутствовал-то всего дня два-три, как правило. Никаких проблем никогда не возникало.

Барент повернулся к Колбену и кивнул. Тот открыл кейс, вытащил коричневую книжку, похожую на небольшой фотоальбом, и протянул ее Хэроду.

– Это что за чертовщина?

– Посмотрите, – велел Барент.

Хэрод перелистал альбом, сначала быстро, потом помедленнее. Некоторые из газетных вырезок он прочитал от начала до конца. Закончив читать, он снял свои темные очки. Никто не произнес ни слова. Где-то на Эм-стрит прогудела машина.

– Эта штука не принадлежала Вилли, – заговорил наконец Хэрод.

– Верно, – подтвердил Барент. – Она принадлежала Нине Дрейтон.

– Невероятно, – пробормотал Хэрод. – Этого не может быть. Старая кляча просто выжила из ума, у нее какая-то мания величия. Она мечтала, чтобы все было как в старые добрые времена.

– Нет, – отрезал Барент. – По нашим данным, она присутствовала при всех событиях. Весьма вероятно, что это – ее рук дело.

– Ну и дерьмо! – воскликнул Хэрод. Он снова надел очки и потер щеки. – Как это к вам попало? Нашли в ее нью-йоркской квартире?

– Нет, – ответил Колбен. – Наш человек был в Чарлстоне в связи с авиакатастрофой, в которой погиб Вилли. Ему удалось взять эту книжку во время осмотра вещей Нины Дрейтон до того, как ее обнаружили местные власти.

– Вы уверены? – спросил Хэрод.

– Да.

– Вопрос заключается в том, – сказал Барент, – продолжали ли эти трое играть в какой-то вариант своей старой венской Игры? И если так, были ли у вашего друга Вилли какие-либо записи, похожие на эти?

Хэрод молча покачал головой.

Колбен вытащил из кейса досье:

– Среди обломков самолета ничего определенного найти не удалось. Конечно, надо принять во внимание, что там вообще мало что осталось. Еще не найдены тела половины пассажиров, а те, что извлечены из болота, изуродованы до неузнаваемости. Взрыв был сильным, местность болотистая, и это затрудняет поиски. Весьма сложная ситуация для расследования.

– Которая же из этих старых сук сделала это? – спросил Хэрод.

– Мы пока не уверены, – сказал Колбен, – однако похоже, что подруга Вилли мисс Фуллер дожила до понедельника. Так что она возможный кандидат в диверсанты.

– Какая дурацкая смерть выпала Вилли, – пробормотал Хэрод, ни к кому не обращаясь.

– Если только он действительно погиб, – заметил Барент.

– Что? – Хэрод откинулся назад, ноги его выпрямились, каблуки прочертили черные полосы на дубовом паркете. – Вы думаете, он не погиб? Его не было на борту?

– Сотрудник авиакомпании помнит, что Вилли и его друзья поднимались по трапу, – сказал Колбен. – Они о чем-то спорили – Вилли и его черный коллега.

– Дженсен Лугар, – кивнул Хэрод. – Эта безмозглая черножопая скотина.

– Но нет никаких гарантий, что они вошли в самолет, – продолжил Барент. – Сотрудника кто-то окликнул, и он на несколько минут отвлекся, прежде чем отъехал трап.

– Но ведь нет данных и о том, что Вилли не было на борту самолета, – настаивал Хэрод. Колбен убрал досье:

– Верно. Однако до тех пор, пока его тело не будет обнаружено, мы не можем с уверенностью полагать, что он... э-э-э... нейтрализован.

– Нейтрализован... – эхом откликнулся Хэрод.

Барент встал, подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы. В дневном свете кожа его казалась фарфорово-гладкой.

– Мистер Хэрод, существует ли вероятность, что Вилли фон Борхерт знал о Клубе Островитян?

Голова Тони резко запрокинулась, словно кто-то дал ему пощечину.

– Нет. Абсолютно исключено.

– Вы уверены?

– Конечно.

– Вы никогда не упоминали о нем, хотя бы косвенно?

– Да зачем мне это нужно? Нет, нет, черт возьми! Вилли ничего не знал об этом.

– Вы уверены? – Барент уперся взглядом в бледное лицо Хэрода.

– Вилли был стариком, древним стариком. Он уже помешался оттого, что не мог больше использовать людей, в особенности для убийства. Я говорю «убивать», Колбен, а вовсе не «нейтрализовать», или «аннулировать страховку», или «прикончить с крайним предубеждением», или еще какой-нибудь дурацкий эвфемизм вашей конторы. Вилли убивал, чтобы оставаться молодым, а потом он уже не мог этого делать, и бедный старый пердун просто высох, как слива на солнце. Если бы он что-то знал про ваш чертов Клуб Островитян, он бы давно ползал тут на коленях, умоляя впустить его.

– Но это ведь и ваш клуб, Тони, – холодно бросил Барент.

– Слышал, слышал. Только я еще не был на острове, откуда же мне знать, мой он или нет?

– Этим летом вас пригласят на вторую неделю, – сообщил Барент. – Первая неделя не совсем... необходима, не так ли?

– Может, и нет. Но мне, в общем, хотелось бы поболтать среди богатых и могущественных людей. Не говоря уже о том, что я не прочь и приласкать кого-нибудь.

Барент рассмеялся, его смех поддержал еще кое-кто.

– Бог ты мой, Тони, – сказал Саттер, – вам что, не хватает этого добра в Голливуде?

– Да и потом, – вмешался Траск, – не думаете ли вы, что вам придется тяжело? Имея в виду список гостей, приглашенных на первую неделю... Я хочу сказать, в свете ваших склонностей...

Хэрод повернулся и смерил говорившего убийственным взглядом. Глаза его превратились в узкие щелочки на бледной маске. Медленно, словно досылая с каждым словом патрон в патронник, он процедил:

– Вы знаете, что я имел в виду. Не надо пудрить мне мозги.

– Да. – Голос Барента прозвучал успокаивающе, британский акцент слышался явственнее. – Мы знаем, что вы имели в виду, мистер Хэрод. И в этом году вы, возможно, получите желаемое. Вы в курсе, кто будет на острове в июне?

Хэрод пожал плечами и отвернулся:

– Обычная толпа мальчишек, дорвавшихся до летних лагерей, я так думаю. Наверняка опять Генри Кисс. Возможно, еще какой-нибудь экс-президент.

– Два экс-президента, – улыбнулся Барент. – Плюс канцлер Западной Германии. Но все это не важно. Там будет и наш следующий президент.

– Следующий?.. Черт возьми, вы же только что засунули в это кресло своего человека!

– Да, но он ведь такой старый, – протянул Траск, и все расхохотались, как будто это была любимая шутка, понятная только им.

– Серьезно, – продолжил Барент, – этот год – ваш год, мистер Хэрод. Как только вы поможете нам разобраться с безобразием в Чарлстоне, со всеми его деталями, не останется никаких препятствий на вашем пути к полноправному членству в Клубе.

– Какие детали вы имеете в виду?

– Во-первых, помогите нам убедиться, что Уильям Д. Борден, он же герр Вильгельм фон Борхерт, мертв. Мы же тем временем продолжим свое собственное расследование. Возможно, скоро будет найдено его тело. Ваша информация позволит хотя бы исключить другие варианты, если они возникнут.

– О'кей. Что еще?

– Во-вторых, проведите тщательное обследование всего, что осталось от имущества мистера Бордена, пока до него не добрались другие... мм... стервятники. Удостоверьтесь, что он не оставил ничего, что могло бы поставить кого-нибудь в неловкое положение.

– Я вылетаю в Голливуд сегодня вечером, – сообщил Хэрод. – Утром буду в особняке Вилли.

– Отлично. В-третьих, мы ожидаем, что вы поможете нам относительно самой последней детали в Чарлстоне.

– Какой детали?

– Особа, убившая Нину Дрейтон и почти наверняка ответственная за смерть вашего друга Вилли, – Мелани Фуллер.

– Вы думаете, она все еще жива?

– Да.

– И вы хотите, чтобы я помог вам найти ее?

– Нет, – сказал Колбен. – Мы сами найдем ее.

– А что, если она покинула страну? Я бы на ее месте так и поступил.

– Мы найдем ее, – повторил Колбен.

– Тогда что должен делать я?

– Мы хотим, чтобы вы аннулировали ее страховку, – пояснил Колбен.

– Нейтрализовали ее, – вставил Траск с сухой улыбкой.

– Прикончили ее с крайним предубеждением, – добавил Кеплер.

Хэрод моргнул и посмотрел на Барента, все еще стоявшего у окна. Тот повернулся к нему и улыбнулся:

– Пора платить вступительный взнос, мистер Хэрод. Мы найдем эту даму. А вы должны будете убить эту настырную суку.

* * *

Хэроду и Марии Чэнь пришлось вылететь из международного аэропорта Далласа, чтобы попасть на прямой самолет до Лос-Анджелеса. По техническим причинам рейс задержали на двадцать минут. Хэроду страшно хотелось выпить. Он теперь не мог летать. Прежде всего, он не любил оказываться в чьей-то власти, а летать самолетом означало для него именно это. Он знал все статистические данные о безопасности полетов, но как раз это для него ничего не значило. В его воображении постоянно возникала картина останков самолета, разбросанных на несколько десятков километров, искореженные куски металла, все еще раскаленные добела, розовые и красные части тел, валявшиеся в траве, словно ломти семги, сохнувшие на солнце.

«Бедный Вилли», – подумал он про себя.

– И почему они не разносят эти чертовы напитки перед взлетом, как раз когда надо выпить? – возмутился он вслух.

Мария Чэнь улыбнулась.

Самолет наконец вырулил на старт, уже горели огни взлетной полосы, и едва они поднялись над толстым слоем облаков, как попали в последние лучи заходящего солнца – правда, всего на несколько минут. Хэрод открыл портфель и вытащил тяжелую стопку сценариев, из которых можно было что-то сделать. Два из них оказались слишком длинными, больше ста пятидесяти страниц, и он, не читая, бросил их назад в портфель. Первую страницу следующего творения было невозможно читать, и он тоже отложил его. Он уже пробежал восемь страниц четвертой рукописи, когда к ним подошла стюардесса узнать, что они будут пить.

– Виски со льдом, – сказал Хэрод.

Мария Чэнь от напитков отказалась.

Хэрод поднял глаза на молоденькую стюардессу, которая принесла заказ. Он считал, что, когда авиакомпания отступила перед обвинениями в дискриминации по половому признаку и стали разбавлять стюардесс стюардами, произошло одно из самых идиотских событий в корпоративной истории. Даже стюардессы в нынешние времена казались Хэроду старше и неказистее, чем раньше. Но эта девушка явно была исключением: молоденькая, чистенькая, а вовсе не типичный сегодняшний манекен, и на вид приятно сексуальная – эдакая девочка-крестьянка. Похоже, скандинавка. Блондинка с голубыми глазами и слегка покрасневшими щеками, усыпанными веснушками. Полные груди, возможно, слишком полные для ее роста; приятно было смотреть, как они выпирают из синего с золотом жакета.

– Спасибо, дорогая, – сказал Хэрод, когда она поставила стакан на небольшой столик перед ним. Она выпрямилась, и в этот момент он коснулся ее руки. – Как тебя зовут?

– Кристен. – Девушка улыбнулась, но впечатление от улыбки было испорчено торопливостью, с какой она отдернула руку. – Друзья зовут меня Крис.

– Ну что ж, Крис, присядь на минутку. – Хэрод похлопал по широкому подлокотнику. – Поболтаем немного.

Она снова улыбнулась, но улыбка вышла беглой, почти механической.

– Прошу прощения, сэр. Мы уже опаздываем, а мне еще надо приготовить к раздаче обед.

– Я вот читаю киносценарий, – сказал он. – Скорее всего, я и буду его продюсером. Тут есть одна роль, она словно специально написана для красотки вроде тебя.

– Благодарю, сэр, но мне действительно нужно помочь Лори и Курту приготовить все к обеду.

Стюардесса собралась идти, но Хэрод схватил ее за руку:

– Тебя не затруднит принести мне еще виски со льдом? А после можешь заняться своими играми с Лори и Куртом.

Девушка медленно отняла руку, явно подавляя желание потереть то место, где он ее стиснул. Она уже не улыбалась.

Обед – бифштекс и омара – ему принесла Лори, но второй порции виски Хэрод так и не дождался. К обеду он не притронулся. За окном было темно, на конце крыла помигивали красные бортовые огни. Хэрод включил лампочку для чтения у себя над головой, но затем отложил сценарий. Он наблюдал за Кристен, деловито расхаживающей по салону. Нетронутый обед Хэрода убрал Курт.

– Хотите еще кофе, сэр?

Он не ответил, глядя, как стюардесса-блондинка зубоскалит с бизнесменом. Потом она принесла подушку сонному ребенку лет пяти, что сидел с матерью на два ряда впереди него.

– Тони... – начала было Мария Чэнь.

– Заткнись, – бросил Хэрод.

Он дождался момента, когда Курт и Лори занялись чем-то в другой части салона, а Кристен осталась одна возле переднего туалета, и встал. Девушка повернулась боком, чтобы про-

пустить Хэрода, но в остальном, казалось, не замечала его. Туалет был свободен. Он вошел, потом снова открыл дверь и выглянул:

– Прошу прощения, мисс...

– Да?

– Похоже, тут не работает кран.

– Нет напора?

– Вообще вода не идет. – Хэрод шагнул в сторону, пропуская стюардессу, потом оглянулся: пассажиры первого класса слушали музыку через наушники, читали либо дремали; только Мария Чэнь смотрела в их сторону.

– Да нет, вроде все нормально, – сказала Кристен.

Хэрод вошел следом и запер за собой дверь. Девушка выпрямилась и удивленно повернулась. Прежде чем она успела что-то сказать, он схватил ее за руку, чуть повыше локтя.

Тихо. Он почти вплотную приблизился к ней. Помещение было крохотным, вибрация двигателей отдавалась в переборках и металлической стойке.

Глаза девушки широко раскрылись, она пошевелила губами, пытаясь что-то сказать, но Хэрод мысленно дал команду, и она так ничего и не успела вымолвить. Он сверлил ее взглядом, и сила этого взгляда была мощнее, чем рука, стиснувшая ее плоть. Хэрод почувствовал сопротивление и еще одним толчком подавил его. Он поймал поток ее мыслей и толкал все сильнее, преодолевая сопротивление, как человек, идущий по реке против течения. Он чувствовал, как она мечется, сначала физически, а потом уже только мысленно, и придавил ее мечущееся сознание так же крепко, как давным-давно, в детстве, придавил к земле свою кузину Элизабет, когда они боролись. Хэрод тогда случайно оказался сверху и держал Элизабет за кисти рук, прижимая их к земле, а нижняя часть его тела попала между ее бедер. Он помнил свое смятение и возбуждение, вызванные внезапной эрекцией и тщетными, отчаянными попытками беспомощной пленницы высвободиться.

Прекрати. Сопротивление Кристен ослабло. Хэрод почувствовал при этом что-то вроде резкого, пронизывающего все тело тепла, охватывающего его всякий раз, когда он физически проникал в женщину. Наступила внезапная тишина, его воля заполнила ее сознание, оно слабело, как гаснущий свет. Хэрод не препятствовал. Он не пытался проскользнуть в извилины ее мозга, к теплому центру удовольствия там, внутри ее существа. Он вовсе не хотел тратить время на то, чтобы приласкать, погладить этот центр. Ему не было дела до ее наслаждения, он хотел от нее лишь одного – повиновения.

Не двигаться. Хэрод приблизил свое лицо к лицу девушки. На покрасневших щеках Кристен золотился едва заметный пушок. Глаза ее раскрылись широко-широко, голубизна их стала ярче, зрачки неестественно расширились. Влажные губы тоже раскрылись. Хэрод коснулся ее щеки, слегка укусил полную нижнюю губу и просунул язык ей в рот.

Кристен не шелохнулась, лишь слабо выдохнула. Во рту у нее сохранился вкус мятной конфеты. Хэрод еще раз укусил ее губу, на этот раз сильнее, потом отодвинулся и улыбнулся. С губы скатилась крохотная капелька крови и повисла на подбородке. Взгляд девушки был устремлен куда-то сквозь Хэрода – неподвижный и бесстрастный, но где-то в глубине зрачков притаился огонек страха, как у животного, запертого в клетке.

Хэрод отпустил ее руку и провел ладонью по щеке. Он наслаждался беспомощными метаниями ее воли и своей уверенной, твердой властью над ней. Ее паническое состояние действовало на него как сильный аромат духов. Не обращая внимания на потоки мольбы в ее корчащемся сознании, он прошел хорошо отработанным путем к двигательному центру. Он лепил ее сознание так же уверенно, как сильные руки месят тесто. Кристен снова вздохнула.

Стой тихо. Хэрод стянул с нее жакет и, скомкав, бросил на стойку умывальника. Крошечная кабинка, резонирующая от рокота двигателей, наполнилась шумом его дыхания. Само-

лет слегка накренился, и Хэрода качнуло к девушке; их бедра соприкоснулись. Возбуждение только усиливало его власть над ней.

Молчи. На стюардессе был шелковый шарф цветов авиалинии – красный с синим, концы его были спрятаны в бежевую блузку. Хэрод оставил шарф на месте и уверенными движениями расстегнул блузку. Девушка задрожала, но он крепче сжал тиски ее сознания, и дрожь прекратилась.

Она носила простой белый бюстгальтер. Грудь ее, тяжелые и бледные, округло выпирали там, где кончалась ткань. Хэрод почувствовал, как в нем поднялась неизбежная волна нежности, любви и ощущения потери – всего того, что он всегда чувствовал в таких случаях. Но это никак не уменьшало его власти над женщиной.

Ее рот слегка скривился, пальцы задержались.

Не двигаться. Он расстегнул лифчик и сдвинул его вверх, потом распахнул полы своей куртки и расстегнул рубашку. Грудь у нее оказалась еще больше, чем он думал, он ощущал ее тяжесть при прикосновении. Кожа была такой гладкой и белой, соски такими нежными и розовыми, что Хэрод почувствовал, как его горло сжимается от невыносимой любви к ней.

Заткнись, заткнись. Стой смирно, сука. Самолет еще круче накренился влево. Хэрод налег на девушку всем весом, потерялся о мягкую округлость ее живота.

В коридоре послышался шум, кто-то подергал ручку туалета. Хэрод задрал юбку стюардессы, потом грубо рванул вниз колготки и коленом раздвинул ее ноги. Колготки порвались, под ними оказались белые трусики бикини. Широкие бедра и невероятно гладкие упругие ноги тоже покрывал нежный золотистый пушок. Хэрод благодарно закрыл глаза.

– Кристен? Ты там? – Ручку снова подергали. – Кристен! Это я, Курт.

Хэрод стянул белые трусики и расстегнул свои брюки. Эрекция была почти болезненной. Он коснулся членом ее живота, чуть выше линии лобковых волос, и задрожал от наслаждения. Самолет попал в какие-то воздушные потоки, его бросало то вверх, то вниз. Где-то раздался мягкий, но тревожный звон. Хэрод сжал ее ягодицы, раздвинул ноги шире и вошел в нее как раз в тот момент, когда самолет сильно затрясло. Его пальцы прижались к краю раковины, когда она перенесла вес тела назад, на его руки. Он почувствовал на секунду слабое сопротивление, но сразу вслед за этим невыносимо острое ощущение отдающегося ему тепла.

– Кристен? Что за чертовщина? Что происходит? У нас началась болтанка. Кристен!

Самолет качнуло вправо. Раковина и крышка унитаза завибрировали.

– Вы ищете стюардессу? – Сквозь тонкую дверь послышался голос Марии Чэнь. – Она только что помогала старой леди, той было очень плохо. – Разговор перешел в невнятное бормотание.

На груди Кристен поблескивали капельки пота. Хэрод еще плотнее прижал девушку к себе, с нарастающей силой стискивая ее там, внутри, клещами своей воли, чувствуя самого себя сквозь грубое отражение ее мыслей – как он скользит в ней, потом уходит, ощущая соленость ее плоти и такой же острый, соленый запах ее страха и паники. Двигая ее в своем ритме, словно большую мягкую куклу, он чувствовал, как в ней нарастает оргазм... Нет, это было в нем, два потока каскадом слились в одну темную, бурлящую воронку страсти.

– Конечно, я скажу ей, – проговорила Мария Чэнь.

В нескольких сантиметрах от лица Хэрода раздался тихий стук. Он судорожно вздохнул и зарылся подбородком в ямочку у шеи девушки. Голова ее была запрокинута, рот застыл в немом крике, невидящие глаза устремлены в низкий потолок.

Самолет тряхнуло, повело в сторону. Хэрод слизнул капельки пота на горле Кристен, наклонился и поднял белые трусики. Трясущимися руками он застегнул ее блузку, сунул порванные колготки в карман своей куртки и расправил складки на юбке девушки. Ноги у нее хорошо загорели, и отсутствие колготок будет не так заметно.

Хэрод постепенно ослабил давление. Мысли Кристен путались, воспоминания мешались со сновидениями. Он позволил ей прислониться к раковине, а сам отодвинул защелку.

– Сигнал «пристегнуть ремни» уже горит, Тони. – Тоненькая фигурка Марии Чэнь заговаривала дверь в туалет.

– Иду.

– Что? – спросила стюардесса, бессмысленно глядя перед собой невидящим взглядом. Потом она наклонилась над раковиной, и ее стошнило.

Мария вошла в туалет и придержала девушку за плечи. Когда рвота кончилась, она вытерла ей лицо мокрым полотенцем. Хэрод стоял в коридоре, прислонившись к стене; самолет бросало, как маленький кораблик в бурном море.

– Что? – снова спросила Кристен и уставилась пустым взором на Марию Чэнь. – Я не... помню... почему...

Поглаживая лоб девушки, Мария глянула на Хэрода:

– Тебе лучше сесть, Тони. Могут быть неприятности, если ты не пристегнешься.

Он кивнул, вернулся на свое место и вытащил рукопись, которую читал. Через минуту пришла Мария Чэнь. Самолет немного выровнялся. Сквозь гул моторов было слышно, как впереди Курт о чем-то с тревогой спрашивает стюардессу.

– Не знаю, – бесцветным голосом отвечала Кристен. – Я не знаю.

Хэрод, уже не обращая на них внимания, принялся делать пометки на полях рукописи. Через некоторое время он поднял глаза и увидел, что Мария Чэнь смотрит на него. Он улыбнулся:

– Терпеть не могу, когда заказываешь выпивку, а ее не приносят.

Мария Чэнь отвернулась и стала глядеть в темноту, на мигающие красные огни на крыле самолета.

* * *

На следующий день рано утром Хэрод поехал к особняку Вилли. Охранник у ворот издали узнал его машину, и, когда красный «феррари» остановился, он уже открыл ворота.

– Привет, Чак.

– Доброе утро, мистер Хэрод. Не привык видеть вас здесь так рано.

– Да я сам к такому не привык. Но надо просмотреть кое-какие деловые бумаги. Приходится разбираться с финансовыми проблемами нескольких новых проектов, в которые нас втянул Вилли. Особенно с этим чертовым «Торговцем рабынями».

– Да, сэр, я читал. В газетах про это пишут.

– Охрана пока на месте?

– Да. По крайней мере до аукциона в следующем месяце.

– Макгайр вам платит?

– Да, сэр. Из того, что оставлено по завещанию.

– Ну ладно, увидимся, Чак. Держи ухо востро.

– Вы тоже, мистер Хэрод.

Мотор приятно взревел, «феррари» тронулся с места и помчался по длинной дорожке, ведущей к дому. Аллея была обсажена тополями, и при движении лучи утреннего солнца, казалось, вращались, пробиваясь сквозь ветви. Хэрод объехал высохший фонтан перед главным входом и остановился возле западного крыла, где находился кабинет Вилли.

Особняк в Бел-Эйр походил на дворец, перенесенный сюда, на север, из какой-нибудь банановой республики. Солнечный свет падал на бесчисленную лепнину, красную плитку и окна со множеством переплетов. Несколько дверей выходили во внутренний двор, через который по мощенным плиткой коридорам можно было попасть в другие дворы. Казалось, поколе-

ние за поколением понемногу строили этот дом, тогда как на самом деле его воздвигли жарким летом 1938 года для не слишком известного киномагната, умершего три года спустя во время просмотра отснятого за день материала.

Своим ключом Хэрод открыл дверь в западном крыле. Сквозь жалюзи на ковер комнаты, где обычно сновали секретарши, падали желтые полосы. Помещение было аккуратно прибрано, пишущие машинки закрыты чехлами, на столах – ничего лишнего. Хэрода неожиданно больно кольнуло воспоминание о том, какой здесь обычно царил хаос с непрерывными телефонными звонками и постоянным канцелярским шумом. Кабинет Вилли был через две двери, за конференц-залом.

Хэрод вошел в кабинет, вытащил из кармана листок бумаги и открыл сейф. Потом разложил на большом белом столе разноцветные папки с документами – для каждого типа бумаг свой цвет, окинул их взглядом и вздохнул. День предстоял длинный и тоскливый.

Три часа спустя он потянулся, зевнул и отодвинул кресло от заваленного бумагами стола. Их содержание вряд ли смутило бы кого-либо, кроме нескольких любителей халявы в Голливуде да поклонников качественного кино. Хэрод встал и немного побоксировал с тенью, наслаждаясь своей быстротой и ловкостью в новых адидасовских кроссовках. На нем был голубой спортивный костюм для бега, молнии на запястьях и щиколотках расстегнуты. Он вдруг понял, что хочет есть.

Легко, почти бесшумно двигаясь по выложенному плиткой полу, Хэрод прошел через западное крыло, вышел во двор с фонтаном, пересек крытую террасу, на которой вполне могла бы разместиться конференция Гильдии киноактеров, и вошел через южную дверь в кухню. В холодильнике все еще было полно еды. Он открыл большую бутылку шампанского и начал намазывать майонез на кусок багета, когда услышал какой-то шум. С бутылкой шампанского в руке, он пересек огромную столовую и вошел в гостиную.

– Эй, какого хрена ты тут делаешь? – заорал Хэрод.

Метрах в десяти от него кто-то ковырялся в видеокассетах на полке Вилли. Человек быстро выпрямился, тень его упала на четырехметровый экран в углу.

– А-а, это ты, – успокоился Хэрод.

Молодой человек был одним из любовников Вилли, которого Хэрод и Том Макгайр прогнали отсюда несколько дней назад. Он был очень молод, белокур и мог похвастать таким загаром, какой лишь немногие в мире люди имеют возможность поддерживать. Ростом под метр девяносто, парень был одет только в тесные шорты из коротко обрезанных джинсов и легкие сандалии. На обнаженном торсе волнами перекачивались мускулы. Грудные и дельтавидные мышцы свидетельствовали о долгих часах упорных тренировок. Глядя на его живот, можно было подумать, что кто-то ежедневно крошит на нем камни.

– Да, я. Тебе что-то не нравится?

Хэрод отметил, что голос у парня как у морского пехотинца, а не педика с пляжа Малибу. Он устало вздохнул, сделал глоток из бутылки и вытер рот.

– Иди-ка домой, малыш. Сюда вход воспрещен. Тебе, во всяком случае.

Загорелый купидон надулся:

– Почему это? Билл был моим лучшим другом. Я имею право тут находиться. Нас связывало глубокое чувство.

– Ну да, и у вас была одна баночка вазелина на двоих. А теперь катись отсюда к черту, пока тебя не вышвырнули.

– И кто же это сделает?

– Я, – сказал Хэрод.

– Ты? А еще кто? – Парень выпрямился во весь рост и поиграл мускулатурой.

Хэрод даже не мог сказать, что это было – бицепсы или трицепсы, они как-то переходили друг в друга, вроде тушканчиков, трахающихся под туго натянутым брезентом.

– Я и полиция. – Он подошел к телефону, стоявшему на столике у дивана.

– Ах, так? – Сопляк вышиб трубку из руки Хэрода и выдернул шнур из розетки. Не удовлетворяясь этим, он крякнул и выдрал пятиметровый шнур из стены.

Хэрод пожал плечами и поставил бутылку с шампанским:

– Успокойся, Брюсик. Есть ведь и другие телефоны. У Вилли было очень много телефонов.

Мальчишка быстро шагнул вперед и встал перед Хэродом, загораживая дорогу:

– Не так быстро, пидорванец.

– Ой-ой-ой, я ведь такого не слышал с тех самых пор, как окончил школу. У тебя за пазухой нет еще чего-нибудь эдакого, а, Брюсик?

– Не смей называть меня Брюсиком, засранец.

– Ну, это я слышал. – Хэрод попытался обойти парня, но тот уперся пальцами ему в грудь и толкнул. Хэрод ударился о боковую стенку дивана, а его соперник отскочил назад и принял боевую стойку, расставив руки под странным углом. – Каратэ, да? Слушай, не стоит показывать тут свою силу. – В его голосе появились неуверенные нотки.

– Пидорванец, – повторил парень.

– Ай-ай-ай, повторяешься. Признак надвигающейся старости, – сказал Хэрод и повернулся, будто собираясь бежать, но парень прыгнул вперед. Хэрод же, завершив оборот, ударил бутылкой шампанского в левый висок мальчишки.

Бутылка не разбилась, звук был таким, словно дохлой кошкой треснули по большому колоколу, и парень рухнул на одно колено, опустив голову. Хэрод шагнул вперед и представил себе, что бьет одиннадцатиметровый, причем мяч установлен ровно под выступом тяжелой челюсти соперника.

– А-а-а! – заорал Тони и, схватившись за свою адидасовскую кроссовку, заскакал на левой ноге.

Парнишка отлетел назад, врезался в толстые подушки дивана, затем качнулся вперед и упал на колени перед Хэродом, как кающийся грешник. Тот схватил великолепную мексиканскую лампу с тумбочки рядом и шарахнул ею по красивому лицу. Не в пример бутылке, лампа разлетелась на куски, причем весьма эффектно. Нос парня и другие не столь выдающиеся части его физиономии теперь тоже надо было собирать по кусочкам. Он свалился набок на толстый ковер, как ныряльщик с аквалангом, погружающийся с резиновой лодки.

Хэрод перешагнул через него и прошел к телефону на кухне.

– Чак? Говорит Тони Хэрод. Оставь Леонарда на воротах и подъезжай на своей машине к дому, ладно? Вилли тут оставил кое-какой мусор. Надо вывезти его на свалку.

Вдвоем они доставили любовника Вилли в травмопункт. Вернувшись, Хэрод выпил еще шампанского, закусил бутербродом с паштетом и направился к видеотеке хозяина дома. На полках стояло сотни три кассет. Некоторые из них были копиями ранних триумфально-успешных фильмов Вилли, таких шедевров кино, как «Трое на качелях», «Пляжные утехы», «Воспоминания о Париже». Рядом стояли восемь фильмов, продюсерами которых они с Вилли были совместно, включая «Резню на выпускном», «Погибли дети» и два фильма из сериала «Вальпургиева ночь». Здесь были также старые любимые ленты из ночного кино, экранные пробы, отрывки из разных эпизодов и неудачная попытка Вилли поставить ситком («Его и Ее» – пилотный выпуск и первые три серии). Дальше шло полное собрание порнухи, отснятой Джерри Дамиано,¹⁵ новые ролики, сделанные на студии, и стопки разрозненных кассет. Любовник Вилли успел снять с полки несколько пленок; Хэрод опустился на корточки и принялся их рассматривать. На первой было написано: «А и Б». Он включил проектор и зарядил пленку. В титрах, набранных на компьютере, стояло: «Александр и Байрон 4/23».

¹⁵ Джерард Дамиано (1928–2008) – постановщик фильмов «Глубокая глотка» (1972), «Дьявол в мисс Джонс» (1973) и др.

Первые кадры показали большой плавательный бассейн Вилли. Камера пошла вправо, мимо водопада, к открытой двери в спальню. Худенький молодой человек в красных трусиках бикини выскочил на свет. Он помахал в камеру – жест в точности в духе домашнего кино – и неловко остановился у края бассейна. Хэрод подумал, что вид у него как у анемичной безгрудой Венеры, выходящей из раковины. Вдруг из тени появился этот мускулистый любовник, Брюсик. Плавки на нем были еще короче, и он сразу же принялся демонстрировать мускулы, принимая разные атлетические позы. Тоненький юноша – Александр? – пантомимой изображал восхищение. Хэрод знал, что у Вилли есть отличная система для озвучивания домашних видеосъемок, но этот образчик «синема веритэ» был немым, как ранние работы Чаплина.

Любовник-культурист закончил свое представление каким-то особым изгибом торса. К этому моменту Александр уже стоял на коленях – поклонник у ног Адониса. Адонис все еще держал свою позу, когда почитатель потянулся и стащил узкие плавки со своего божества. Загар у божества был действительно идеальный. Хэрод выключил аппарат.

– Байрон? – пробормотал Хэрод. – Ни хрена себе.

Он вернулся к полкам. Ему пришлось потратить минут пятнадцать, но в конце концов он нашел то, что искал. На наклейке стояла надпись: «В случае моей смерти»; кассета была задвинута между «В крови по локти» и «Во тьме горячей ночи». Хэрод опустился на диван и некоторое время сидел так, поигрывая кассетой. В животе появилась какая-то сосущая пустота, ему очень захотелось выйти и уехать отсюда подальше. Все же он вставил кассету в магнитофон и нажал нужную кнопку.

– Здравствуй, Тони, – сказал Вилли с экрана. – Привет из могилы.

Изображение было более чем в натуральную величину. Вилли сидел в плетеном кресле на краю своего бассейна. Ветерок шевелил листья пальм за его спиной, но в кадре никого больше не было, даже слуг. В седых волосах старика, зачесанных вперед, виднелись загорелые залысины. На нем была свободная гавайская рубашка в цветочек и мешковатые зеленые шорты. Сердце Хэрода вдруг начало бешено колотиться о ребра.

– Если ты нашел эту пленку, – сказала изображение Вилли, – значит, надо полагать, случилось несчастье и меня уже нет с вами. Надеюсь, что ты, Тони, первым нашел мое... мм... последнее послание и смотришь его один.

Хэрод сжал кулак. Трудно сказать, когда была сделана запись, но, по всей видимости, недавно.

– Надеюсь, ты уладил все остальные дела, – сказал Вилли. – Уверен, что компания будет в хороших руках. Успокойся, дорогой, если мое завещание уже прочитано, то на этой пленке нет каких-либо сюрпризов или дополнений. Дом принадлежит тебе. Это всего лишь дружеская встреча двух старых приятелей, *ja*?

– Ч-черт, – прошипел Хэрод. По спине у него побежали мурашки.

– Распоряжайся домом, как тебе хочется. Я знаю, что он тебе никогда особо не нравился, но его легко превратить в капитал и вложить куда-нибудь, если понадобится. Возможно, ты решишь воплотить в жизнь наш маленький проект, «Торговца рабынями», а?

Да, запись была совсем свежая. Хэрода пробрала дрожь, хотя было очень тепло.

– Тони, мне не так уж много нужно сказать тебе. Ты ведь согласен, что я относился к тебе как к сыну, *nicht wahr*?¹⁶ Ну, если не как к сыну, то как к любимому племяннику. И это несмотря на то, что ты не всегда был со мной до конца откровенен. У тебя есть друзья, о которых ты мне не говорил... разве не так? Ну что ж, идеальной дружбы не бывает, Тони. Возможно, и я тебе не все рассказывал. Каждый живет своей жизнью, верно?

Хэрод сидел выпрямившись, почти не дыша.

¹⁶ Не так ли? (нем.)

– Впрочем, теперь это не важно. – Вилли отвернулся от камеры и, прищурившись, уставился на солнечных зайчиков, плясавших на поверхности воды. – Если ты смотришь эту пленку, значит меня уже нет. Никто из нас не вечен, Тони. Ты это поймешь, когда доживешь до моего возраста. – Он снова глянул в объектив. – Это *если* ты доживешь. – Вилли улыбнулся. Вставные челюсти у него были идеальные. – Я хочу тебе сказать еще три вещи, Тони. Во-первых, я сожалею, что ты так и не научился играть в шахматы. Ты знаешь, как много для меня значили шахматы. Это больше чем игра, мой дорогой друг. *Ja*, гораздо больше. Ты однажды сказал, что у тебя нет на это времени, ведь тебе надо жить и получать от жизни удовольствие. Ну что ж, никогда не поздно учиться, Тони. Даже мертвец может научить тебя кое-чему. Во-вторых, я должен сказать тебе, что всегда терпеть не мог имя Вилли. Если мы встретимся в следующей жизни, я попрошу тебя обращаться ко мне иначе. Например, герр фон Борхерт... или Гроссмейстер, тоже приемлемо. А ты веришь в загробную жизнь, Тони? Я верю. Интересно, как ты представляешь себе это место? Я всегда видел рай как прекрасный остров, где исполняются все твои желания, где много интересных людей, с которыми стоит разговаривать, и где можно охотиться в свое удовольствие. Приятная картинка, правда?

Хэрод моргнул. Ему часто приходилось читать выражение «облиться холодным потом», но никогда не доводилось этого испытывать. А вот сейчас довелось.

– И наконец, Тони, у меня к тебе вопрос. Что это за фамилия, Хэрод? Ты утверждаешь, будто производишь из христианской семьи Среднего Запада, и ты уж точно частенько поминаешь Божию Матерь, но у меня такое впечатление, что имя Хэрод идет из какого-то другого источника. Скажем, Ирод, а? Очень может быть, что мой дорогой племянничек – еврей. Ну ладно, теперь это тоже не имеет значения. Поговорим об этом, если встретимся в раю. Я заканчиваю, Тони. Еще я тут добавил кое-какие отрывки из «новостей». Возможно, они покажутся тебе любопытными, хотя у тебя, как правило, нет времени, чтобы заниматься подобного рода вещами. Прощай, Тони. Или, точнее, *Auf Wiedersehn*.¹⁷

Вилли помахал камере рукой. На несколько секунд изображение на пленке исчезло, потом появилась запись «новостей» пятимесячной давности о поимке голливудского душителя. За ними последовали еще несколько похожих отрывков – все о бессмысленных убийствах за тот год. Через двадцать пять минут пленка кончилась, и Хэрод выключил магнитофон. Он долго сидел неподвижно, сжав голову руками. Наконец встал, вытащил кассету, сунул ее в карман куртки и вышел.

На обратном пути он гнал машину по шоссе со скоростью больше восьмидесяти миль в час. Никто его не остановил. Когда он свернул к своему дому и затормозил под желчным взглядом сатира, его спортивный костюм был мокрым от пота.

Хэрод прошел к бару возле джакузи и налил себе большой стакан виски. Осушив его в четыре глотка, он вытащил кассету из кармана, выдернул пленку из пластикового корпуса и распотрошил ее. На то, чтобы сжечь пленку в старом мангале на террасе за бассейном, ушло несколько минут. Среди золы остался расплавленный сгусток. Хэрод несколько раз ударил пустой коробкой от кассеты о каменный дымоход над мангалом, пока пластик не разлетелся на куски. Бросив разломанную коробку в мусорный ящик рядом с хижинкой в саду, он вернулся в дом и налил себе еще стакан виски, на сей раз с лимонным соком, затем разделся и залез в джакузи.

Хэрод уже почти задремал, когда вошла Мария Чэнь с дневной почтой и диктофоном.

– Оставь все здесь, – приказал он и снова закрыл глаза.

Через пятнадцать минут он уже сортировал пачку свежих писем, иногда диктуя заметки либо краткие ответы на свой магнитофон «Сони». Пришли еще четыре сценария. Том Макгайр прислал массу бумаг, связанных с приобретением дома Вилли, подготовкой аукциона и

¹⁷ До свидания (нем.).

уплатой налогов. Из трех приглашений в гости Хэрод взял на заметку только одно. Майкл Мей-Дрейнен, самоуверенный молодой писатель, прислал наспех нацарапанную записку с жалобой на Шуберга Уильямса. Режиссер уже начал переписывать сценарий Дрейнена, а ведь тот еще даже не закончил! Он просит Тони вмешаться, иначе ему, Дрейнену, придется отказаться от проекта. Хэрод отбросил записку в сторону, оставив ее без ответа.

Последнее письмо было в небольшом розовом конверте со штампом «Пасифик-Плэйсиз». Хэрод вскрыл его. Бумага цветная, с мягким ароматом духов, почерк детский, плотный, с сильным наклоном.

Уважаемый мистер Хэрод!

Я не знаю, что нашло на меня тогда, в субботу. Я вряд ли смогу это понять. Но я не виню Вас и прощаю, хотя никогда не смогу простить себя.

Сегодня Лорен Сейлз, мой агент, получила пакет бумаг, связанных с договором по Вашему предложению относительно фильма. Я сказала Лорен и своей матери, что тут какая-то ошибка. Я сообщила им, что беседовала с мистером Борденом о фильме незадолго до его смерти, но не давала никаких твердых обещаний.

Мистер Хэрод, на данном этапе своей карьеры я не могу связывать мою судьбу с таким проектом. Уверена, Вы понимаете, в какой ситуации я нахожусь. Это вовсе не означает, что в дальнейшем мы не сможем работать вместе над каким-нибудь фильмом. Надеюсь, Вы примете мое решение и устранили все препятствия или сомнительного свойства детали, которые могли бы повредить такому сотрудничеству в будущем.

Я уверена, что могу положиться на Вас в данной ситуации, мистер Хэрод. В прошлую субботу Вы упомянули, что знаете: я принадлежу к церкви Святых Последних Дней. Вы должны понять, что вера моя очень крепка и моя преданность Богу и Его законам для меня превыше всяких других соображений.

Я молю Бога, чтобы Он помог Вам увидеть правильный путь, и в глубине души уверена, что так и будет.

Искренне Ваша,

Шейла Баррингтон

Хэрод вложил письмо обратно в конверт. *Шейла Баррингтон*. Он совсем забыл про нее. Взяв в руку крохотный микрофон, он начал диктовать:

– Мария, письмо Тому Макгайру. Дорогой Том, я разберусь с этими бумагами в первую очередь, как только смогу. По поводу аукциона действуйте как договорились. Абзац. Счастлив слышать, что вам понравились эротические ролики, которые я послал на день рождения Кела. Я не сомневался, что они придутся вам по вкусу. Высылаю еще одну кассету, она тоже должна вам понравиться. Не задавайте вопросов, а просто наслаждайтесь. Можете сделать столько копий, сколько захотите. Марв Сэндборн и парни из «Четырех звездочек», возможно, тоже захотят повеселиться. Абзац. Перешлю вам бумаги в самое ближайшее время. Моя бухгалтерия с вами свяжется. Абзац. Привет Саре и ребятам. Всего наилучшего! Да, Мария, не забудь дать мне это сегодня на подпись, ладно? Вложи видеокассету номер сто шестьдесят пять и отправь все с доставкой.

Глава 6

Чарлстон

Вторник, 16 декабря 1980 г.

Молодая женщина стояла неподвижно, крепко сжимая в руках пистолет, направленный в грудь Сола Ласки. Сол знал, что, если он попытается выйти из гардероба, она может выстрелить, но никакая сила на свете не могла удержать его в этом темном углу, воняющем *рвом*. На подгибающихся ногах он выбрался из шкафа и стоял теперь в сумеречном свете спальни.

Женщина шагнула назад, но пистолет не опустила и не выстрелила. Сол сделал один глубокий вдох, второй. Он разглядел, что женщина была молодой и чернокожей, на ее белом плаще и коротких вьющихся волосах поблескивали капли влаги. Возможно, она была даже привлекательной, но Сол не мог сосредоточиться ни на чем, кроме оружия, которое она направляла на него. Это был небольшой автоматический пистолет, скорее всего 32-го калибра, однако, несмотря на его маленькие размеры, темная дыра в стволе прочно приковала внимание Сола.

– Поднимите руки, – приказала она. Голос звучал ровно, с чувственной ноткой и южным акцентом.

Он подчинился и сомкнул пальцы за головой.

– Кто вы? – спросила девушка. Она по-прежнему держала пистолет обеими руками, хотя вряд ли умела хорошо обращаться с оружием.

Расстояние между ними было немногим больше метра, и Сол знал, что у него есть неплохие шансы выбить ствол, прежде чем она успеет нажать на курок, однако он не стал этого делать.

– Кто вы? – повторила она.

– Меня зовут Сол Ласки.

– Что вы здесь делаете?

– Я мог бы задать вам тот же вопрос.

– Говорите! – Девушка подняла пистолет, как будто это могло подсказать ему ответ.

Сол понял, что имеет дело с любительницей детективных фильмов, где оружие действовало как волшебная палочка. Он пригляделся к девушке повнимательнее. Она была еще моложе, чем ему показалось вначале, может, чуть больше двадцати. Привлекательное овальное лицо с тонкими чертами, полными губами и огромными глазами казалось гораздо темнее в тусклом свете. Кожа напоминала по цвету кофе со сливками.

– Я просто осматриваю помещение, – сказал Ласки.

Его голос звучал ровно, но он с интересом отметил, что его тело реагирует на направленное оружие точно так же, как и всегда: ему захотелось сжаться в комок и спрятаться за кем угодно, хоть за самим собой.

– Полиция закрыла сюда доступ, – сказала девушка. Сол заметил, что она произносит слово «полиция» совсем не так, как многие черные американцы в Нью-Йорке. – Дом опечатан.

– Да, я знаю.

– Так что же вы здесь делаете?

Он медлил, глядя ей в глаза. Они выражали беспокойство, напряжение и четкую решимость. Эти чувства, такие человеческие, ободрили его и заставили сказать правду.

– Я доктор, психиатр. Меня интересуют убийства, которые произошли тут на прошлой неделе.

– Психиатр? – В голосе молодой женщины послышалось сомнение, однако пистолет не шелохнулся. В доме теперь стало совершенно темно, свет доходил сюда лишь от газового рожка во дворе. – А почему вы забрались, как вор?

Ласки пожал плечами. У него затекли руки.

– Можно мне опустить руки?

– Нет.

Он кивнул:

– Я боялся, что власти не позволят мне осмотреть дом. Хотел найти здесь что-нибудь, что может пролить свет на эти события. Но, похоже, ничего такого нет.

– Я должна вызвать полицию, – сказала девушка.

– Конечно, – согласился Сол. – Внизу телефона я не заметил, но где-то он должен быть. Давайте позвоним шерифу Гентри. Мне будет предъявлено обвинение в незаконном проникновении в помещение, а вас, я думаю, обвинят в том же плюс то, что вы мне угрожали, и в незаконном владении оружием. Полагаю, оно не зарегистрировано?

Когда он упомянул фамилию шерифа, девушка подняла голову, не обратив внимания на его последний вопрос.

– Что вам известно об убийствах... в субботу? – Ее голос едва не прервался на слове «убийствах».

Сол прогнул спину, чтобы хоть как-то облегчить боль в шее и руках.

– Я знаю только то, о чем прочел в газетах, – ответил он. – Хотя и был знаком с одной из женщин, замешанных в этом деле, с Ниной Дрейтон. Мне кажется, здесь все гораздо сложнее, чем представляют себе полицейские, шериф Гентри и этот фэбээровец, Хейнс.

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что в субботу в городе погибли девять человек и никто ничего не может объяснить, – ответил Сол. – И тем не менее я полагаю, что здесь есть общий связующий элемент, который власти совершенно упустили из виду. У меня болят руки, мисс. Я их сейчас опущу, но больше никаких движений делать не буду. – Он опустил руки, прежде чем она успела что-либо возразить.

Девушка отступила на полшага. Атмосфера старого дома сгустилась вокруг них. Где-то на улице заиграло радио в машине, но его сразу выключили.

– Я думаю, вы лжете, – медленно проговорила незнакомка. – Скорее всего, вы обычный вор или чокнутый охотник за сувенирами. А может, вы сами как-то связаны с этими убийствами?

Сол ничего не ответил, сосредоточенно глядя на нее в темноте. Маленький пистолет в ее руках был уже еле различим. Он чувствовал, что она колеблется. Через несколько мгновений он заговорил:

– Престон, Джозеф Престон, фотограф. Вы его жена? Нет, вряд ли. Шериф Гентри сказал, что мистер Престон жил здесь в течение... двадцати шести лет, кажется. Так что, скорее всего, вы его дочь. Да, дочь.

Девушка отступила еще на шаг назад.

– Вашего отца убили на улице, – продолжил Сол. – Убили зверски и бессмысленно. Власти не могут сказать вам ничего определенного, а то, что они говорят, вас совершенно не удовлетворяет, поэтому вы решили действовать сами. Возможно, вы наблюдаете за этим домом уже несколько дней в надежде что-то выяснить. И тут появляется какой-то еврей из Нью-Йорка, в белой кепке, и лезет через забор. Конечно, вы понимаете, что такой шанс упускать нельзя. Так?

Молодая женщина по-прежнему молчала, но пистолет опустила. Солу показалось, что плечи ее дрогнули. Уж не плачет ли она?

– Ну что ж. – Он слегка коснулся ее руки. – Возможно, я смогу вам чем-то помочь. Вдвоем нам проще будет найти объяснение этому безумию. Пойдемте отсюда, в этом доме пахнет смертью.

* * *

Дождь прекратился. В саду пахло мокрыми листьями и землей. Девушка провела Сола к дальней стене каретного сарая, к дыре, проделанной между старой чугунной решеткой и новой стальной сеткой. Он протиснулся в дыру вслед за ней, заметив, что она сунула пистолет в карман своего плаща. Они пошли по переулку, гравий тихо скрипел у них под ногами.

– Откуда вы узнали? – спросила она.

– Догадался.

Дойдя до перекрестка, они остановились и некоторое время стояли молча.

– Моя машина там, у парадного входа.

– Да? А как же вы меня увидели?

– Я заметила вас, когда вы проезжали мимо. Вы очень пристально вглядывались в окна и почти остановились перед домом. После того как ваша машина свернула за угол, я пошла сюда, чтобы проверить.

– Гм... Из меня получился бы плохой шпион.

– Вы действительно психиатр?

– Да.

– Но вы не из здешних мест.

– Нет, из Нью-Йорка. Я иногда работаю в клинике Колумбийского университета.

– Вы американец?

– Да.

– А ваш акцент... немецкий?

– Нет. Я родился в Польше. Как вас зовут?

– Натали. Натали Престон. Мой отец был... Ну, вы все знаете.

– Я очень мало знаю. А в данный момент с уверенностью могу сказать только одно.

– И что же? – Лицо молодой женщины казалось очень напряженным.

– Что я умираю с голоду. Ничего не ел с самого утра, не считая чашки жуткого кофе, выпитого в кабинете шерифа. Если вы согласитесь поужинать со мной где-нибудь, мы могли бы продолжить беседу.

– Да. Но только при двух условиях, – кивнула Натали Престон.

– Каких?

– Во-первых, вы мне расскажете все, что знаете по поводу гибели моего отца. Все, что может ее как-то объяснить.

– А во-вторых?

– Вы снимете свою промокшую кепку, когда мы будем есть.

– Согласен.

* * *

Ресторан назывался «У Генри» и располагался совсем недалеко, возле старого рынка. Снаружи он выглядел не очень-то респектабельно: побеленные стены без окон и каких-либо украшений, с единственной светящейся вывеской над узкой дверью. Внутри помещение было старым, темным и напоминало Солу гостиницу около Лодзи, где его семья иногда обедала,

когда он был еще ребенком. Между столами бесшумно сновали высокие чернокожие официанты в чистых белых куртках. В воздухе стоял терпкий возбуждающий запах вина, пива и даров моря.

– Чудно, – обрадовался Сол. – Если тут еда такая же вкусная, как запахи, это будет что-то незабываемое.

Его надежды полностью оправдались. Натали заказала салат с креветками, а Сол съел несколько кусков меч-рыбы, поджаренных на вертеле, с овощами и картофелем. Оба пили холодное белое вино и разговаривали обо всем на свете, кроме того, зачем пришли сюда. Натали узнала, что Сол Ласки живет один, хотя и обременен экономкой, оказавшейся наполовину ведьмой, наполовину терапевтом. Он объяснил Натали, что ему никогда не придется обращаться за профессиональной помощью к своим коллегам, пока рядом есть Тима, поскольку она не переставая растолковывает ему его же невроты и сама ищет способы их лечения.

– Значит, у вас нет семьи? – спросила Натали.

– Здесь только племянник. – Сол кивнул официанту, убравшему тарелки с их стола. – В Израиле у меня кузина и множество более дальних родственников.

Сол в свою очередь узнал, что мать Натали умерла несколько лет назад, а сама девушка сейчас учится в аспирантуре в Сент-Луисе.

– А почему так далеко от дома? В Чарлстоне ведь тоже есть университет. И в Южной Каролине... Там преподавал один мой коллега.

– Правильно, – кивнула Натали. – Есть еще и университет Боба Джонса в Гринвилле, но отец хотел, чтобы я уехала подальше от «зоны бедных белых хулиганов», как он ее называл. В Сент-Луисе прекрасная аспирантура по педагогике. Пожалуй, это одно из лучших заведений для человека с дипломом по искусству. Во всяком случае, там мне даже удалось стать стипендиатом.

– Вы художница?

– Фотограф. Немного занималась кино, рисовала и писала маслом. Вторая специальность у меня английский язык. Я училась в Оберлине, Огайо. Приходилось слышать?

– Да.

– В общем, одна моя подруга, Диана Гольд, – она пишет акварелью, и очень, кстати, хорошо, – в прошлом году убедила меня заняться преподаванием. И почему я вам все это рассказываю?

Сол улыбнулся. Официант принес счет, и Ласки настоял, что оплатит его сам.

– Вы мне так ничего и не скажете? – спросила Натали. В голосе ее прозвучала боль.

– Напротив, – заверил он. – Я, возможно, расскажу вам больше, чем когда-либо кому-то рассказывал. Вопрос только – почему?

– Что – почему?

– Почему мы доверяем друг другу? Вы видите, как незнакомый человек вламывается в чужой дом, а два часа спустя мы уже мирно ужинаем вместе. Я же встречаюсь с молодой женщиной, которая наставляет на меня пистолет, но готов поделиться с ней чем-то таким, что оставалось невысказанным много лет. Почему так, мисс Престон?

– Зовите меня Натали. Я могу объяснить только то, что чувствую сама.

– Объясните, пожалуйста.

– У вас честное лицо, доктор Ласки. Нет, «честное» – не то слово, скорее равнодушное. В вашей жизни было много печали... – Натали смолкла.

– У всех в жизни много печали, – тихо заметил Сол.

Темнокожая девушка кивнула:

– Но некоторых людей это ничему не учит. Вас, мне кажется, жизнь многому научила. Это... это видно по вашим глазам. Я не знаю, как выразиться яснее.

– Значит, на этом мы основываем свои суждения и само наше будущее? – спросил Сол. – Судим по глазам человека?

Натали взглянула на него:

– А почему нет? У вас есть лучший способ? – Это прозвучало не как вызов, а как вопрос. Ласки медленно покачал головой:

– Нет. Пожалуй, лучшего способа нет. По крайней мере, для начала.

* * *

Они двинулись из исторической части города на юго-запад. Сол ехал в своей взятой напрокат «тойоте» следом за зеленой «новой» девушки. После моста через реку Эшли они свернули на семнадцатое шоссе и вскоре добрались до Сент-Эндрюса. Дома здесь были белые, в основном щитовые, – типичный район среднего класса. Сол остановился на подъездной дороге к дому, сразу за машиной Натали Престон.

Внутри было чисто и уютно, большую часть места в небольшой гостиной занимали тяжелое старинное кресло и такая же тяжелая софа. На белой каминной полке стояли горшки со шведским плющом и многочисленные семейные фотографии в металлических рамках. На стенах тоже висели фотографии, но скорее профессиональные. Сол с интересом принялся рассматривать их, пока Натали включала везде свет и убирала верхнюю одежду.

– Ансельм Адамс, – сказал он, пристально глядя на великолепный черно-белый снимок небольшой деревни в пустыне и кладбища, освещенного бледной луной. – Я про него слышал. На другом фото тяжелые волны тумана обволакивали город на холме.

– Майнор Уайт, – подсказала Натали. – Отец был знаком с ним где-то в начале пятидесятых.

Там же висели фотографии Имоджен Каннингем, Себастьяна Милито, Джорджа Тайса, Андре Кертеса и Роберта Франка. Снимок Франка заставил Сола остановиться. Человек в темном костюме и с тростью стоял на крыльце старинного дома или отеля. Лестничный пролет, ведущий на второй этаж, скрывал его лицо. Солу захотелось сделать два шага влево и взглянуть в это лицо.

– Жаль, что я не знаю имен, – сказал он. – Они, наверное, известные фотографы?

– Некоторые из них, – ответила Натали. – Эти работы теперь, вероятно, стоят в сто раз дороже, чем тогда, когда отец покупал их, но он их ни за что не продаст. – Она замолкла.

Сол подошел к камину и взял в руки одну из семейных фотографий. Со снимка ему тепло улыбалась женщина с короткими черными волосами, завитыми в стиле начала шестидесятых.

– Ваша мать?

– Да, – кивнула Натали. – Она погибла в глупой катастрофе в июне шестьдесят восьмого. Два дня спустя убили Роберта Кеннеди. Мне тогда было девять лет.

На следующей фотографии маленькая девочка стояла на складном столике и улыбалась, глядя на отца. Рядом Сол заметил портрет отца Натали, когда тот был постарше, – серьезный и довольно красивый мужчина. Тонкие усы и светящиеся глаза делали его похожим на Мартина Лютера Кинга, только без этих свисающих щек.

– Прекрасный портрет, – сказал он.

– Спасибо. Я сделала его прошлым летом.

Сол огляделся:

– А где же работы вашего отца?

– Это здесь. – Натали провела его в столовую. – Папа не хотел, чтобы они висели рядом с другими.

На длинной стене, над пианино, размещались четыре черно-белые фотографии. Две из них были этюдами – игра света и тени на стенах старых кирпичных домов. Одна изображала

очень широкую перспективу: необычно освещенный пляж и море, уходящее в бесконечность. На последней была дорожка в лесу, все в целом представляло собой сложное решение соотношения плоскостей, тени и композиции.

– Потрясающе! – воскликнул Сол. – Только здесь нет людей.

Натали тихо рассмеялась:

– Верно. Папа делал портреты ради заработка, поэтому он говорил, что ни за что не согласится заниматься этим еще и как своим хобби. И потом, он был очень скромным человеком. Не любил снимать откровенные фотографии, на которых были люди, и всегда настаивал, чтобы я заручалась письменным разрешением, когда делала такие снимки. Он терпеть не мог вторгаться в чью-то личную жизнь. И вообще папа был... ну как вам сказать... слишком стеснительным. Если надо было заказать пиццу с доставкой, он всегда просил позвонить меня... – Голос ее дрогнул, и она на секунду отвернулась. – Хотите кофе?

– С удовольствием.

Рядом с кухней находилась фотолаборатория. Первоначально это, вероятно, была кладовка для продуктов либо вторая ванная комната.

– Здесь вы с отцом проявляли фотографии? – спросил Сол.

Натали кивнула и включила красную лампочку. В маленькой комнате царил образцовый порядок: увеличитель, флаконы и банки с химикатами – все стояло на своих местах, и на всем были надписи. Над раковиной на леске висели восемь или десять свежих фотографий. Сол стал их рассматривать. Это все были снимки дома Фуллер, сделанные при разном освещении, в разное время суток и с разных точек.

– Ваши?

– Да. Я знаю, это глупо, но все же лучше, чем просто сидеть в машине целый день и ждать, когда что-нибудь случится. – Она пожала плечами. – Я навещаю полицию и в контору шерифа каждый день, но от них никакой помощи. Вам со сливками и сахаром?

Он отрицательно качнул головой. Они перешли в гостиную и сели у камина – Натали в кресло, Сол на софу. Чашки для кофе были из такого тонкого фарфора, что казались прозрачными. Натали поправила поленья в камине и зажгла огонь. Поленья загорелись сразу и горели хорошо и ровно. Некоторое время они сидели молча, глядя на пламя.

– В субботу я с друзьями покупала в Клейтоне подарки к Рождеству, – сказала она наконец. – Это пригород Сент-Луиса. Потом мы пошли в кино на «Полая» с Робинот Уильямсом. В тот вечер я вернулась в свою квартиру в университетском городке около одиннадцати тридцати и, как только зазвонил телефон, сразу поняла: что-то случилось. Не знаю почему. Мне часто звонят друзья, и довольно поздно. Фредерик, например, обычно заканчивает работу в своем компьютерном центре после одиннадцати, и ему иногда приходит в голову пойти куда-нибудь перекусить или еще что-то. Но на этот раз звонок был междугородный, и меня охватило дурное предчувствие. Звонила мисс Калвер, наша соседка и бывшая мамина подруга. В общем, она все твердила, что произошел несчастный случай, повторяя это по нескольку раз. Только через минуту-две я поняла, что папа мертв, что его убили. Я вылетела в Чарлстон в воскресенье, первым же рейсом, но здесь все было закрыто. Еще из Сент-Луиса я позвонила в морг, а когда добралась до него, двери оказались закрыты, и мне пришлось бегать вокруг здания и искать кого-нибудь, кто впустил бы меня. Они не были готовы к моему приходу. Хотя мисс Калвер встретила меня в аэропорту, она не переставая плакала и поэтому осталась в машине... То, что я увидела, не было похоже на папу. Еще меньше это было похоже на него во вторник, во время похорон, со всей этой косметикой. Я не могла понять, как все случилось, а в полиции тоже ничего не могли объяснить. Они пообещали, что вечером мне позвонит детектив Холман, но он позвонил только в понедельник после обеда. Я очень благодарна шерифу мистеру Джентри, он пришел в морг еще в воскресенье, а после подвез меня домой и попытался ответить на вопросы; все остальные задавали вопросы мне. В общем, в понедельник приехали тетя

Лия и мои кузины, и мне некогда было выяснять подробности до самой среды. На похороны пришло много народу. Я как-то забыла, что отца в городе очень любили. Пришел и шериф Джентри. Тетя Лия хотела остаться у меня на неделю-другую, но ее сыну Флойду нужно было возвращаться в Монтгомери, и я пообещала ей, что со мной все будет в порядке. Она должна приехать на Рождество... – Натали замолчала.

Сол сидел, наклонившись вперед и сцепив руки. После паузы девушка глубоко вздохнула и махнула рукой куда-то в сторону окна, выходящего на улицу:

– Мы с отцом всегда наряжали елку в это воскресенье. Получается довольно поздно, но папа говорил, что это доставляет больше удовольствия, чем когда елка торчит в комнате неделями. Мы обычно покупаем ее на улице Саванна. Знаете, в субботу я купила ему красную рубашку в клетку. Не могу объяснить почему, но я привезла ее с собой. Теперь мне придется отвезти ее назад. – Она замолчала и опустила голову. – Извините меня, я сейчас... – Натали быстро встала и вышла из гостиной.

Сол какое-то время сидел неподвижно, глядя на огонь, потом поднялся и пошел к двери. Натали стояла, прислонившись к кухонному столу, комкая в руке бумажную салфетку. Он молча остановился рядом.

– От всего этого можно сойти с ума. – Она все еще не смотрела на него.

– Да.

– Как будто он был никем, просто какой-то незаметной вещью. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Да.

– В детстве я часто смотрела ковбойские фильмы по телевизору, – продолжила Натали. – И когда там кого-нибудь убивали, даже не главного героя и не злодея, так, случайного прохожего по сюжету, то получалось, что его вроде никогда и не было. Вот это мне не давало покоя. Я всегда думала о том человеке, что у него, наверное, были родители, которые его любили, он имел свои привычки, желания, мечты, а потом раз – и его больше нет, просто потому, что режиссер хотел показать, как ловко его герой-супермен обращается с оружием или еще что-нибудь... Ах, извините, я никак не могу научиться доступно выражать свои мысли. – Натали с досадой ударила ладонью по столу.

Сол шагнул вперед и коснулся ее руки:

– Да нет, вы все очень хорошо выразили.

– Я просто в отчаянии и не знаю, что делать. – Она всхлипнула. – Мой отец *был*, он на самом деле существовал. И он никогда никому не причинял боли. Вообще никогда. Он был самым добрым человеком, которого я когда-либо знала, и вот теперь его убили, и никто не может сказать почему. Они просто не знают!.. О, простите, что я вам все это говорю...

Сол обнял ее и так держал, пока она не успокоилась.

* * *

Чуть позже Натали сварила кофе, отнесла его в гостиную и села в кресло. Сол устроился у камина, рассеянно проводя рукой по листьям шведского плюща.

– Их было трое, – тихо сказал он. – Мелани Фуллер, Нина Дрейтон и человек из Калифорнии по фамилии Борден. И все трое убийцы.

– Убийцы? Но в полиции сказали, что миз Фуллер была довольно старой леди... очень старой, а мисс Дрейтон сама оказалась жертвой в тот вечер.

– Да, – кивнул Сол. – И все же они трое убийцы.

– При мне никто не упоминал имени Бордена, – заметила Натали.

– Он был там, – сказал Ласки. – И он был на борту самолета, который взорвался в пятницу ночью или, точнее, рано утром в субботу. Скажем так: предполагалось, что он летел тем самолетом.

– Я ничего не понимаю. Катастрофа произошла за несколько часов до того, как убили отца. Как мог этот Борден... или хотя бы эти пожилые леди... Как они могли быть связаны с убийством отца?

– Они использовали людей, – сказал Сол. – Они... как бы это выразить... контролировали других людей. У них, у каждого, были свои помощники. Все это очень трудно объяснить.

– Вы хотите сказать, они были связаны с мафией или что-то в этом роде?

Сол улыбнулся:

– Хорошо, если бы все было так просто.

Натали покачала головой:

– Я все равно не понимаю.

Он вздохнул:

– Это очень долгая история, отчасти она совершенно фантастичная, можно сказать, невероятная. Лучше бы вам никогда не пришлось ее выслушивать. Вы либо сочтете меня сумасшедшим, либо окажетесь вовлеченной в нечто с ужасными последствиями.

– Но я уже вовлечена, – твердо заявила Натали.

– Да. – Сол помедлил. – Но нет необходимости впутываться в это еще глубже.

– Нет, я буду, по крайней мере до тех пор, пока не найдут убийцу моего отца. Я этого добьюсь, с вами или без вас, доктор Ласки. Клянусь вам.

Он долго смотрел на свою собеседницу, потом снова тяжело вздохнул:

– Да, похоже, вы сдержите клятву. Хотя, возможно, измените свое намерение, когда я расскажу вам то, что хочу рассказать. Боюсь, для того, чтобы объяснить что-либо об этих троих пожилых людях, убийцах, чьей жертвой пал ваш отец, мне придется поведать вам мою собственную историю.

– Ну что ж. – Натали поудобнее устроилась в кресле. – Времени у меня сколько угодно.

* * *

– Я родился в тысяча девятьсот двадцать пятом году в Польше, – начал Сол. – В городе Лодзи. Родители мои были довольно обеспеченными людьми. Отец – врач. Семья еврейская, но не ортодоксально еврейская. В молодости моя мать подумывала о том, чтобы перейти в католичество. Отец считал себя врачом – во-первых, поляком – во-вторых, гражданином Европы – в-третьих и лишь в-четвертых – евреем.

Когда я был мальчиком, евреям неплохо жилось в Лодзи, лучше, чем во многих других местах. Из шестисот тысяч населения примерно треть составляли евреи. Многие горожане – бизнесмены, ремесленники были евреями. Несколько друзей и подруг моей матери являлись деятелями искусства, ее дядя много лет играл в городском симфоническом оркестре. К тому времени, когда мне минуло десять, многое в этом отношении изменилось. Вновь избранные в местное управление представители партий обещали убрать евреев из города. Страна, казалось, заразилась антисемитизмом, бушевавшим в соседней стране, Германии, и становилась все более враждебной к нам. Отец говорил, что во всем виноваты тяжелые времена, через которые мы только что прошли. Он неустанно повторял, что европейские евреи привыкли к волнам насилия, за которыми следовали поколения прогресса. «Мы все – человеческие существа, – говорил он, – несмотря на различия, разделяющие нас». Я уверен, что отец встретил смерть, все еще веря в это.

Сол замолчал, походил по комнате, потом остановился, положив руки на спинку софы.

– Видите ли, Натали, я не привык рассказывать об этом. Я не знаю, что тут необходимо для понимания ситуации, а что нет. Возможно, нам следует подождать до следующего раза.

– Нет, – твердо заявила Натали. – Сейчас. Не торопитесь. Вы сказали, что это поможет объяснить, почему был убит мой отец.

– Да.

– Тогда продолжайте. Расскажите все.

Сол кивнул, обошел софу и сел, положив руки на колени. Руки у него были большие, и он иногда жестикулировал ими во время рассказа.

– Когда немцы вошли в наш город, мне исполнилось четырнадцать. Это было в сентябре тридцать девятого. Поначалу все шло не так уж плохо. Было решено назначить Еврейский совет для консультаций по управлению этим новым форпостом рейха. Отец объяснил мне, что с любыми людьми всегда можно договориться в цивилизованной форме. Он не верил в дьяволов. Несмотря на возражение матери, отец предложил свои услуги в качестве члена совета, но из этого ничего не вышло. Уже был назначен тридцать один человек из видных горожан-евреев. Спустя месяц, в начале ноября, немцы выслали всех членов совета в концлагерь и сожгли синагогу.

В семье стали поговаривать о том, что надо бы перебираться на ферму нашего дяди Моше около Кракова. В Лодзи в это время уже было очень трудно с продуктами. Обычно мы проводили на ферме лето и думали, как будет здорово побывать там вместе со всей семьей. Через дядю Моше мы получили весточку от его дочери Ребекки, которая вышла замуж за американского еврея и собиралась выехать в Палестину, чтобы заняться там фермерством. Уже несколько лет она пыталась уговорить молодое поколение нашей семьи присоединиться к ней. Сам я с удовольствием отправился бы на ферму. Вместе с другими евреями меня исключили из школы в Лодзи, а дядя Моше когда-то преподавал в Варшавском университете, и я знал, что он с удовольствием займется моим воспитанием. По новым законам отец имел право лечить теперь только евреев, а большинство их жили в отдаленных и самых бедных кварталах города. В общем, причин оставаться было не много – гораздо больше было причин уехать.

Но мы остались. Решили, что поедem к дяде Моше в июне, как всегда, а потом подумаем, возвращаться в город или нет. Какими мы были наивными!

В марте сорокового гестапо выгнало нас из собственных домов и организовало в городе еврейское гетто. К моему дню рождения, к пятому апреля, гетто было полностью изолировано, евреям строго запретили ездить куда бы то ни было.

Немцы снова создали совет – его называли юденрат, и на этот раз отца в него включили. Один из членов совета, Хаим Румковский, часто приходил в нашу квартиру, состоявшую из единственной комнаты, в который мы спали втроем, и они с отцом сидели всю ночь, обсуждая разные вопросы управления гетто. Это невероятно, но порядок сохранялся, несмотря на скученность и голод. Я снова пошел в школу. Когда отец не заседал в совете, он работал по шестнадцать часов в день в одной из больниц, которую они с Румковским создали буквально из ничего.

Так мы жили, точнее, выживали целый год. Я был для своего возраста очень мал ростом, но скоро научился искусству выживания в гетто, хотя для этого приходилось воровать, прятать продукты в укромные уголки и торговаться с немецкими солдатами, меняя вещи и сигареты на еду. Осенью сорок первого немцы стали свозить тысячи западных евреев в наше гетто, некоторых привозили даже из Люксембурга. Многие из них были немецкими евреями, они смотрели на нас свысока. Я помню, как подрался с мальчишкой старше меня, евреем из Франкфурта. К тому времени мне исполнилось шестнадцать, но я легко мог сойти за тринадцатилетнего. Я сшиб его с ног, а когда он попытался встать, ударил его доской и разбил ему лоб. Он прибыл к нам неделю назад, в одном из этих plombированных вагонов, и был все еще очень слаб. Я уже не помню, из-за чего мы подрались.

В ту зиму моя сестра Стефа умерла от тифа, а с ней и тысячи других людей. Мы все очень радовались, когда наступила весна, несмотря на известие о возобновлении немецкого наступления на Восточном фронте. Отец считал скорое падение России хорошим признаком. Он думал, что война закончится к августу и многие евреи будут переселены в русские города. «Возможно, нам придется стать фермерами и кормить их новый рейх, – говорил он. – Но быть фермером не так плохо».

В мае большинство немецких и иностранных евреев были вывезены на юг, в Освенцим, в Аушвиц. У нас мало кто слышал об Освенциме, пока туда не покатали поезда из нашего гетто. До той весны наше гетто использовалось как большой загон для скота, теперь же четыре раза в день отсюда отправлялись поезда. В качестве члена юденрата отец был вынужден участвовать в сборе и отправке тысяч людей. Все делалось по порядку. Отцу это было ненавистно. Потом он целыми сутками не выходил из больницы, работал, будто искупал свою вину.

Наш черед настал в конце июня, примерно в то время, когда мы обычно отправлялись на ферму дяди Моше. Всем семерым было приказано явиться на станцию. Мама и мой младший брат Йозеф плакали. Но мы пошли, и мне кажется, что отец даже почувствовал облегчение.

Нас не послали в Аушвиц. Нас отправили на север, в Хелмно – деревню километрах в семидесяти от Лодзи. У меня когда-то был приятель, маленький провинциал по имени Мордухай, семья которого была родом из Хелмно. Позже я узнал, что именно в Хелмно немцы проводили свои первые эксперименты с газовыми камерами. Как раз в ту зиму, когда Стефа умирала от тифа.

Мы много слышали о перевозке людей в plombированных вагонах, но наша поездка была совсем не похожа на это и даже, можно сказать, приятна. До места мы добрались за несколько часов. Вагоны были набиты битком, но это были обычные пассажирские вагоны, а не товарные. День – двадцать четвертое июня – выдался великолепный. Когда мы прибыли на станцию, ощущение было такое, будто мы снова едем на ферму к дяде Моше. Станция Хелмно оказалась крохотной, просто небольшой сельский разъезд, окруженный густым зеленым лесом. Немецкие солдаты повели нас к ожидавшим грузовикам, но они вели себя спокойно и даже, казалось, были шутливо настроены. Никто нас не толкал и не кричал на нас, как в Лодзи, – там мы к этому уже привыкли. Нас отвезли в большую усадьбу за несколько километров, где был устроен лагерь. Каждого зарегистрировали – я отчетливо помню ряды столов, за которыми сидели чиновники. Они были расставлены на гравийных дорожках, ярко светило солнце, пели птицы... А потом нас разделили на мужскую и женскую группу для помывки и дезинфекции. Мне хотелось побыстрее догнать остальных мужчин, поэтому я так и не увидел, как маму и четырех моих сестер увели. Они исчезли – уже навсегда – за забором, окружавшим лагерь для женщин.

Нам велели раздеться и встать в очередь. Я очень стеснялся, потому что только прошлой зимой начал взрослеть. Не помню, боялся я чего-нибудь или нет. День был жаркий, после бани нас пообещали накормить, а звуки леса и лагеря поблизости делали атмосферу дня праздничной, почти карнавальной. Впереди на поляне я увидел большой фургон с яркими нарисованными картинками животных и деревьев. Очередь уже двинулась в направлении поляны, когда появился эсэсовец, молодой лейтенант в очках с толстыми стеклами, с застенчивым лицом, и пошел вдоль очереди, отделяя больных, самых младших и стариков от тех, кто покрепче. Подойдя ко мне, лейтенант замешкался. Я был все еще невысок для своего возраста, но в ту зиму я ел довольно сносно, а весной стал быстро расти. Он улыбнулся, махнул рукой, и меня отправили в короткую шеренгу здоровых мужчин. Отца тоже послали туда. Йозефу, которому минуло всего восемь, было велено оставаться с детьми и стариками. Он заплакал, и отец отказался оставить его. Я тоже вернулся в ту шеренгу и встал рядом с отцом и Йозефом. Увидев, как молодой эсэсовец махнул охраннику, отец приказал мне вернуться к остальным, но я отказался.

И тогда, единственный раз в жизни, отец толкнул меня, крикнув: «Иди!» Я упрямо замotal головой, продолжая стоять на месте. Охранник, толстый сержант, пыхтя, приближался к нам. «Иди!» – повторил отец и ударил меня по щеке. Потрясенный, обиженный, я прошел, спотыкаясь, несколько шагов к той короткой шеренге, прежде чем подоспел охранник. Я злился на отца и не мог понять, почему нам нельзя войти в эту баню вместе. Он унизил меня перед другими мужчинами. Сквозь слезы я смотрел, как он удалялся с Йозефом на руках, на его согнутую обнаженную спину. Брат перестал плакать и все оглядывался назад. Отец тоже обернулся, взглянул на меня всего один раз, прежде чем исчезнуть из виду вместе с остальной шеренгой детей и стариков.

Примерно пятую часть мужчин, прибывших в тот день, не дезинфицировали. Нас повели строем прямо в барак и выдали нам грубую тюремную одежду.

Отец не появился ни после обеда, ни вечером. Я помню, как плакал от одиночества в ту ночь, прежде чем заснуть в вонючем бараке. Я был уверен, что в тот момент, когда отец прогнал меня из шеренги, он лишил меня возможности находиться в той части лагеря, где жили семьи.

Утром нас накормили холодным картофельным супом и сформировали бригады. Мою бригаду повели в лес. Там был вырыт ров, примерно семьдесят метров в длину, больше десяти в ширину и по крайней мере пять в глубину. Судя по свежевскопанной земле, поблизости были еще рвы, уже заполненные. Я должен был сразу все понять по запаху, догадаться, но я до последнего отказывался это делать, пока не прибыл первый из фургонов того дня. Это были те же самые фургоны, которые я видел вчера.

Видите ли, лагерь в Хелмно служил чем-то вроде испытательного полигона. Как выяснилось позже, Гиммлер приказал установить там газовые камеры, работающие на синильной кислоте, но в то лето они все еще пользовались углекислым газом, находившимся в тех ярко раскрашенных фургонах.

В наши обязанности входило отделять тела друг от друга, можно сказать – отрывать их друг от друга, потом сбрасывать в ров и засыпать землей и известью, пока не прибудет следующий груз. Душегубки оказались неэффективным орудием убийства. Зачастую почти половина жертв выживала, и их, полуотравленных выхлопными газами, пристреливали на краю рва солдаты из дивизии «Мертвая голова». Поджидая прибытия фургонов, они покуривали и обменивались шутками друг с другом. Но даже после душегубок и расстрела некоторые люди были живы, и их засыпали землей, когда они еще шевелились.

В тот вечер я вернулся в барак, покрытый кровью и экскрементами. Я подумал, не лучше ли мне умереть, но все же решил, что буду жить. Жить, несмотря ни на что, жить только для того, чтобы жить!

Я соврал им, сказав, что я сын зубного врача и сам учился зубоврачебному делу. Капо смеялись, – по их мнению, я был слишком молод для этого, но на следующей неделе меня включили в бригаду выдергивателей зубов. Вместе с тремя другими евреями я обшаривал обнаженные тела в поисках колец, золота и прочих ценностей. Стальными крюками мы тыкали мертвецам в задний проход и во влагалище, потом я плоскогубцами вырывал у них золотые зубы и пломбы. Часто меня посылали работать в ров. Сержант-эсэсовец по фамилии Бауэр иногда, смеясь, швырял в меня куски земли, стараясь попасть в голову. У него у самого было два золотых зуба.

Через неделю-другую евреев из похоронной команды расстреливали, а их место занимали вновь прибывшие. Я провел во рву девять недель, каждое утро просыпаясь с уверенностью, что сегодня настанет мой черед. Ночью, когда мужчины постарше читали в бараке кадиш и с темных нар доносились крики «Эли, Эли!», я в отчаянии заключал сделку с Богом, в которого больше не верил. «Еще один день, – повторял я. – Всего один день». Но больше всего я верил в свою волю выжить. Возможно, я страдал солипсизмом отрочества, но мне казалось,

что, если я буду достаточно сильно верить в свое собственное существование и в то, что оно будет длиться, все так и будет.

В августе лагерь разросся, и меня по какой-то причине перевели в лесную бригаду. Мы валили лес, выкорчевывали пни и добывали камень для строительства дорог. Каждые несколько дней колонна рабочих, возвращавшихся после смены, всем составом отправлялась в фургоны или прямо в ров. Таким образом происходил «естественный отбор». В ноябре выпал первый снег. К тому времени я был в лесной бригаде дольше, чем кто бы то ни было, за исключением старого капо Карского.

– Что такое «капо»? – спросила Натали.

– Капо – это надсмотрщик с плеткой.

– Они помогали немцам?

– Написаны целые ученые трактаты про капо и про то, как они отождествляли себя со своими хозяевами-нацистами, – пояснил Сол. – Стэнли Элкинс и другие авторы исследовали этот эффект повиновения, характерный для концлагерей. Они сравнивают его с покорностью черных рабов в Америке. Недавно, в сентябре, я участвовал в обсуждении так называемого стокгольмского синдрома, когда заложники не только отождествляют себя со своими тюремщиками, но и активно помогают им.

– Вроде этой... Патти Херст?¹⁸

– Да. И вот это... господство, держащееся на силе воли, уже много лет не дает мне покоя. Но мы поговорим о нем после. Пока же я могу сказать только одно, если это хоть как-то оправдывает меня, – за все время, проведенное в лагерях, я не сделался капо.

В ноябре сорок второго, когда работы по совершенствованию лагеря были закончены, меня перевели из временного барака назад, в основной лагерь, и включили в бригаду, работающую во рву. К тому времени печи уже построили, но немцы не рассчитали количество евреев, прибывающих по железной дороге, поэтому и фургоны-душегубки, и ров все еще работали. Мои услуги зубного врача для мертвых больше не требовались, и я засыпал могилы гашеной известью, дрожал от зимнего холода и ждал. Я знал, что в любой момент могу стать одним из тех, кого хоронил каждый день.

Девятнадцатого ноября тысяча девятьсот сорок второго года, в ночь на четверг, произошло одно событие. – Сол замолчал. Через несколько секунд он встал и подошел к камину. Огонь почти погас. – Натали, у вас есть что-нибудь выпить покрепче кофе? Немного хересу, скажем?

– Конечно. Бренди подойдет?

– Отлично.

Она вскоре вернулась в гостиную с большим бокалом, наполненным почти до краев. Сол за это время помешал угли, добавил дров, и огонь снова ожил.

– Спасибо. – Он повертел бокал в пальцах, глубоко вдохнул аромат бренди и сделал глоток. – В четверг – я практически уверен, что это случилось девятнадцатого ноября сорок второго года, – поздно ночью пятеро немцев вошли в наш барак. Они и раньше приходили. Каждый раз они уводили четырех человек, и потом их никто уже никогда не видел. Заключенные из остальных семи барakov нашего лагеря рассказывали, что у них происходило то же самое. Мы не могли понять, зачем немцы это делают, когда они ежедневно открыто отправляли в ров тысячи людей, но мы тогда многого не понимали. Заключенные шепотом говорили о медицинских экспериментах.

В ту ночь с охранниками был молодой оберст, то есть полковник. И в ту ночь они выбрали меня.

¹⁸ Патрисия Херст (р. 1954) – внучка газетного магната У. Р. Херста, в 1974 г. похищенная калифорнийской леворадикальной группировкой «Симбионистская армия освобождения» и примкнувшая к ней.

Я решил сопротивляться, если они придут за мной. Понимаю, что это противоречит моему решению жить, несмотря ни на что, но мысль, что меня уведут во тьму, почему-то внушала мне панический ужас, отнимала всякую надежду. Я готов был драться. Когда эсэсовцы приказали мне встать с нар, я понял, что жить осталось всего несколько секунд, и решил попытаться убить хотя бы одного из этих скотов, прежде чем они убьют меня.

Но ничего не случилось. Oberst велел мне встать, и я *подчинился*. Вернее, мое тело действовало против моей воли. Это не было трусостью или покорностью – oberst проник в мое сознание. Я не знаю, как это еще выразить. Я это чувствовал точно так же, как готов был спиною ощутить выстрел, который так и не прозвучал. Я осознавал, что он движет моими мышцами, переставляет мои ноги по полу и выносит мое тело из барака. А эсэсовцы-охранники все это время хохотали.

То, что я тогда ощутил, описать невозможно. Это как бы изнасилование сознания, но до конца все равно нельзя передать то, что ты в этот момент чувствуешь. Ни тогда, ни сейчас у меня нет и не было веры в какие-либо сверхъестественные явления. То, что там случилось, было результатом вполне реальной психической либо психофизиологической способности контролировать сознание других человеческих индивидуумов.

Нас посадили в грузовик, что само по себе было невероятно. Кроме той короткой поездки со станции Хелмно, евреям никогда не позволяли ездить на машинах. В ту зиму рабы в Польше были намного дешевле бензина.

Нас отвезли в лес – шестнадцать человек, включая молодую еврейку из женского барака. То, что я назвал «изнасилованием сознания», временно прекратилось, но от него осталось в голове нечто гораздо более грязное и постыдное, чем экскременты, которыми я пачкался каждый день, работая во рву. Наблюдая, как себя вели и о чем шептались другие пленники, я понял, что они не испытали ничего подобного. Честно говоря, в тот момент я усомнился в твердости своего разума.

Мы ехали почти час. В кузове грузовика с нами сидел один охранник с автоматом. Лагерные охранники почти никогда не носили автоматического оружия, опасаясь, что его могут захватить. Я еще не оправился от ужаса, испытанного в бараке, иначе попытался бы напасть на немца или, по крайней мере, спрыгнуть с машины. Но само невидимое присутствие полковника в кабине грузовика наполняло меня чувством неизбывного страха, который был глубже и сильнее всего мною пережитого за последние месяцы.

Было уже за полночь, когда мы приехали в усадьбу, гораздо большую, чем тот особняк, вокруг которого построен лагерь в Хелмно. Она находилась в глухом лесу. Американцы назвали бы это сооружение замком, но оно было и больше, и меньше, чем замок. Это бывшее поместье феодалов – такие поместья иногда еще встречаются в самых отдаленных лесных угодьях моей страны – представляло собой огромное скопление каменных стен, которые строились, перестраивались и расширялись бесчисленными поколениями семей отшельников, чья родословная восходила еще к дохристианским временам. Грузовики остановились, и нас загнали в подвал неподалеку от главного зала. Судя по количеству военных автомобилей среди остатков английского парка и разгульному шуму, доносившемуся из дворца, было похоже, что немцы реквизируют усадьбу под дом отдыха для своих привилегированных частей. В самом деле, когда нас заперли в подвале без окон и без света, я услышал, как литовский еврей из другого грузовика прошептал, что он узнал полковые эмблемы на машинах. То были эмблемы айнзацгруппы номер три – отряда специального назначения, который истребил целые еврейские деревни в окрестностях его родного Двинска. Даже эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова», уничтожавшие людей в лагерях, относились к этим отрядам со страхом, граничившим с ужасом.

Через некоторое время охранники вернулись с факелами. В подвале находилось тридцать два человека. Разделив людей на две равные группы, эсэсовцы повели нас наверх, в разные

комнаты. Группу, в которой был я, одели в грубые рубахи, выкрашенные в красный цвет, с белыми символами на груди. Мой символ – нечто вроде башни или фонарного столба в стиле барокко – ничего мне не говорил. У мужчины рядом на груди был силуэт слона с поднятой правой ногой.

Затем нас привели в главный зал, где мы застали картину времен Средневековья, написанную Иеронимом Босхом. Сотни эсэсовцев и убийц-спецотрядовцев отдыхали, играли в азартные игры и насиловали женщин где придется. Им прислуживали польские девушки-крестьянки, некоторые из них были еще совсем юными. В кронштейнах на стенах висели факелы, освещая зал мерцающим светом, как в картине Страшного суда. Остатки еды валялись где попало, столетней давности гобелены были перепачканы и покрыты сажей, поднимавшейся из открытых каминов. Банкетный стол, некогда великолепное произведение искусства, был изуродован кинжалами – немцы вырезали на нем свои имена. На полу валялись и храпели те, кто напился до невменяемого состояния. Я видел, как двое солдат мочились на ковер, который хозяин замка, должно быть, привез когда-то из Крестового похода.

В центре огромного зала на полу был расчищен квадрат примерно одиннадцать на одиннадцать метров, выложенный черными и белыми плитами. По обеим сторонам этого квадрата, там, где начинались галереи, на каменных плитах друг против друга были установлены два тяжелых кресла. В одном из них восседал молодой оберст – бледный светловолосый ариец с худыми белыми руками. В другом кресле сидел старик, такой же древний, как и каменные стены вокруг. На нем тоже была форма эсэсовского генерала, но он больше походил на сморщенную восковую куклу, одетую в мешковатый наряд злыми детьми.

Из боковой двери вывели группу евреев, привезенных на другом грузовике. На них были светло-синие рубахи с черными символами, такими же как у нас. Увидев на женщине светло-синее одеяние с короной на груди, я понял, что будет происходить. В том состоянии истощения и постоянного страха, в котором я пребывал, можно было поверить любому безумию.

Каждому из нас приказали занять свой квадрат. Я исполнял роль слоновой пешки белого короля и стоял в трех метрах от кресла оберста, чуть впереди и справа от него, лицом к лицу с перепуганным литовцем. Он был пешкой черного слона.

Крики и пение смолкли. Немецкие солдаты собрались вокруг нас, стремясь занять места поближе к краю квадрата. Некоторые из них забрались на лестницы и столпились на галереях, чтобы лучше видеть. С полминуты ничего не было слышно, кроме потрескивания факелов и тяжелого дыхания толпы. Мы стояли на указанных квадратах – тридцать два умирающих от голода еврея, с застывшими лицами, неподвижными глазами, ожидая, что же с нами будет.

Старик слегка наклонился вперед и подал знак оберсту. Тот улыбнулся и кивнул. Началась игра в живые шахматы...

* * *

Оберст сделал первый ход, и пешка слева от меня – худой еврей с серой щетиной на щеках – передвинулась на два квадрата вперед. Старик ответил тем, что вывел свою королевскую пешку. Глядя, как двигаются эти несчастные заключенные, не понимающие, что с ними происходит, я был уверен, что они не в состоянии контролировать собственные тела.

Я немного играл в шахматы со своим отцом и дядей и знал стандартные гамбиты. Оберст глянул вправо, и крупный поляк с эмблемой коня на тунике вышел на поле и встал передо мной. Старик двинул вперед коня со стороны королевы. Оберст вывел нашего слона, небольшого роста мужчину с перевязанной левой рукой, и поставил его в пятом ряду на вертикали коня. Старик передвинул ферзевую пешку на одну клетку вперед.

В тот момент я отдал бы все, чтобы иметь любую другую эмблему, кроме пешки. Фигура низкорослого крестьянина передо мной, изображавшего коня, не давала практически никакой

защиты. Справа от меня другая пешка обернулась и тут же сморщилась от боли: оберст заставил ее смотреть вперед. Я поворачиваться не стал, у меня начали дрожать ноги.

Оберст передвинул нашу ферзевую пешку на два хода вперед и поставил ее рядом со старой пешкой на королевской вертикали. Ферзевой пешкой был мальчик-подросток, он украдкой косился по сторонам, не поворачивая головы. Только крестьянин-конь передо мной прикрывал мальчика от вражеской пешки.

Старик слегка двинул левой рукой, и его слон встал перед женщиной-голландкой, изображавшей королеву. Лицо «слона» было очень бледным. На пятом ходу оберст вывел вперед нашего второго коня. Я не мог видеть лица этого человека. Эсэсовцы, столпившиеся вокруг, начали орать и хлопать в ладоши после каждого хода, словно зрители на футбольном матче. До меня доносились обрывки разговоров. Противника оберста называли Стариком (Der Alte), а оберста болельщики подбадривали криками «Der Meister!». ¹⁹

Старик подался вперед, словно паук, и его королевский конь встал перед ферзевой пешкой. В роли коня выступал молодой и сильный парень, – вероятно, он пробыл в лагере всего несколько дней. На лице его застыла идиотская улыбка, будто ему нравилась эта жуткая игра. Как бы в ответ на улыбку парня оберст передвинул своего хрупкого слона на тот же квадрат. Теперь я узнал «слона» – это был плотник из нашего барака, который поранился два дня назад, когда резал доски для постройки сауны охранников. Низкорослый плотник поднял здоровую руку и хлопнул черного «коня» по плечу, как он хлопнул бы своего друга, пришедшего сместить его на посту.

Я не видел, откуда стреляли, наверное с галереи позади меня, но звук был таким громким, что я вздрогнул и начал поворачивать голову, и в это мгновение оберст, как клещами, стиснул мою шею. Улыбка юноши, изображавшего коня, исчезла вместе с половиной его черепа. Пешки, стоявшие сзади, съезжились от ужаса, но боль заставила их сразу же выпрямиться. Тело «коня» отлетело почти на то же место, откуда он сделал ход, а на квадрат белой пешки уже натекла лужа крови. Два эсэсовца выскочили вперед и оттащили труп, запачкав несколько стоявших рядом черных фигур. По залу прокатились крики одобрения болельщиков.

Старик снова наклонился вперед, его слон шагнул по диагонали туда, где находился наш, и слегка дотронулся до перевязанной руки плотника. На этот раз перед выстрелом была небольшая заминка, затем пуля ударила нашего слона в левую лопатку. Коротышка споткнулся, сделав два шага вперед, с секунду постоял, подняв руку, словно хотел почесаться, и мешком рухнул на плиты. Вперед вышел сержант, приставил к голове плотника «люгер» и выстрелил один раз, потом оттащил все еще дергающийся труп с поля. Игра возобновилась.

Оберст передвинул нашу королеву на две клетки вперед, и теперь ее отделял от меня лишь один пустой квадрат. Я заметил, что ногти ее обгрызены почти до мяса, и это напоминало мне мою сестру Стефу. Я с изумлением обнаружил, что в первый раз заплакал, вспомнив о ней.

Под рев пьяной толпы Старик сделал свой следующий ход. Его королевская пешка быстро шагнула вперед и «съела» нашу ферзевую пешку. Этой пешкой был бородатый поляк, явно правоверный еврей. Винтовка щелкнула дважды, почти без паузы. Черная королевская пешка оказалась залита кровью, когда она заняла место нашей ферзевой пешки.

Теперь передо мной не было никого, только три пустые клетки, а дальше – черный конь. Свет факелов отбрасывал длинные тени; пьяные эсэсовцы, стоявшие по краям «доски», что-то вопили, давая советы игрокам. Я не смел повернуться, но увидел, как Старик заерзал в своем кресле – видно, осознал, что теряет контроль над центром поля. Затем он повернул голову, и его пешка, стоявшая перед конем со стороны короля, передвинулась на одну клетку. Оберст вывел нашего уцелевшего слона, блокируя вражескую пешку и угрожая слону Старика. Толпа зашлась в восторженном крике.

¹⁹ «Мастер!» (нем.)

Игроки закончили гамбит и перешли к миттельшпилю. Обе стороны провели рокировку, обе ввели в игру ладьи. Оберст передвинул ферзя на поле передо мной. Я смотрел на лопатки «королевы», резко выпирающие под ее одеянием, на завитки волос, рассыпанных по спине. Кулаки мои невольно то сжимались, то разжимались. С самого начала игры я не пошевелился, от страшной головной боли в глазах плясали огненные точки, я мог потерять сознание, и мысль об этом внушала мне ужас. Что тогда случится? Позволит ли мне оберст упасть на пол или будет удерживать мое бесчувственное тело на клетках, как ему надо? Судорожно вздохнув, я попробовал сосредоточиться на гобелене, висевшем на дальней стене.

На четырнадцатом ходу Старик послал слона на ту клетку в центре доски, где стоял наш конь, которого изображал крестьянин. На этот раз выстрела не было. Рослый, тучный сержант-эсэсовец ступил на «доску» и вручил свой парадный кортик черному слону. В зале все смолкли, свет факелов плясал на отточенной стали. Приземистый крестьянин извивался, метался, мышцы его тела дергались. Я видел, что он тщетно пытается вырваться из-под власти оберста, но ничего из этого не выходит. Одним ударом лезвия он перерезал себе горло. Сержант-эсэсовец поднял свой кортик и жестом велел двоим солдатам убрать труп. Игра возобновилась.

Одна из наших ладей побила вырвавшегося вперед слона. В ход снова пошел кортик. Стоя за молодой «королевой», я крепко закрыл глаза. Открыл я их через несколько ходов, после того как оберст передвинул мою королеву на одну клетку вперед. Когда она покинула меня, мне захотелось заорать. Старик немедленно перевел свою королеву, молодую девушку-голландку, на пятую клетку ладейной вертикали. Ферзь противника теперь находился от меня всего через одну пустую клетку по диагонали. Между нами никого не было. Я почувствовал, как у меня внутри все похолодело от страха.

Оберст перешел в наступление. Первым делом он послал вперед пешку коня с левой стороны. Чтобы заблокировать ее, Старик выдвинул ладейную пешку – мужчину с красным лицом, которого я помнил по лесной бригаде. Оберст ответил на этот ход своей ладейной пешкой. Я с трудом разбирался, что происходит. Остальные пленники были в основном выше меня, я видел лишь спины, плечи, лысые головы потных, дрожащих от ужаса людей, а не шахматные фигуры. Я попытался представить себе шахматную доску и понял, что сзади остались только король да ладья. На одной горизонтали со мной стояла всего одна пешка перед королем. Впереди и слегка влево от меня сгрудились королева, пешка, ладья и слон. Еще дальше влево в одиночестве стоял наш уцелевший конь, слева от него блокировали друг друга две ладейные пешки. Черный ферзь по-прежнему угрожал мне справа.

Наш «король» – высокий, худой еврей лет шестидесяти – передвинулся по диагонали на шаг вправо. Старик сосредоточил свои ладьи на королевской вертикали. Внезапно мой ферзь отошел назад на вторую клетку ладейной вертикали, и я остался один. Прямо передо мной, через четыре пустые клетки, стоял литовский еврей и смотрел на меня широко раскрытыми глазами, полными животного ужаса.

Внезапно я шагнул вперед, волоча ноги по мраморному полу. В моем мозгу творилось что-то невообразимое, чему невозможно было сопротивляться, и оно толкало меня, стискивало мои челюсти и подавляло крик, рвавшийся откуда-то изнутри, из самой глубины моего существа. Я остановился там, где раньше стоял наш ферзь, по обе стороны от меня расположились белые пешки. Старик вывел вперед своего черного коня, и теперь он стоял напротив, через одну клетку. Толпа кричала еще громче, скандируя: «Meister! Meister!»

Я снова шагнул и теперь оказался единственной белой фигурой, ушедшей за середину «доски». Где-то позади, справа от меня, находилась черная королева. Я ощущал ее присутствие так же отчетливо, как и присутствие того невидимого стрелка за спиной, а в полуметре от себя видел потное лицо и запавшие глаза черного коня – литовского еврея.

Черная ладья прошла слева от меня. Когда мужчина, изображавший ее, ступил на клетку белой пешки, завязалась драка. Сначала я подумал, что оберст или Старик потерял контроль над фигурами, но потом понял, что все это входит в правила игры. Болельщики завопили, они жаждали крови. Черная ладья была сильнее, а возможно, ее не удерживали, и белая пешка стала отступать под ее натиском. Ладья, добравшись до горла пешки, мощно сжала его. Послышался долгий сухой хрип, и пешка рухнула на пол.

Не успели ее тело оттащить с поля, как оберст двинул нашего уцелевшего коня на тот же квадрат, и драка возобновилась. На этот раз утащили черную ладью; босые ноги человека царапали плиты, вылезшие из орбит глаза неподвижно уставились в пустоту.

Черный конь, шаркая ногами, прошел мимо меня, и снова началась схватка. Эти двое сцепились, пытаясь выцарапать друг другу глаза, нанося удары коленями, пока белого коня не вытолкали в пустую клетку за моей спиной. Винтовка снова выстрелила, я услышал, как пуля просвистела мимо уха. Человек, бывший «конем», падая, ударился об меня. На мгновение его рука схватила меня за щиколотку, как бы ища помощи. Я не шелохнулся.

Мой ферзь снова был за моей спиной. Черная пешка справа двинулась вперед, угрожая ему. Я бы схватился с ней, если бы мне было позволено, но этого не случилось. Ферзь отступил на три клетки. Старик передвинул на шаг ферзевую пешку. Оберст послал вперед вторую ладейную пешку. Толпа скандировала: «Meister! Meister!»

Старик переместил своего ферзя на две клетки назад. Меня снова подвинули. Теперь я стоял лицом к лицу с литовским евреем. Он замер, парализованный страхом. Неужели он не знал, что я не мог причинить ему вреда, пока мы стоим на одной вертикали? Возможно, и не знал, но я кожей чувствовал, что темноволосая королева в любую секунду может убрать меня. Только невидимое присутствие собственного ферзя в пяти клетках позади давало мне какое-то ощущение защищенности. Но что, если Старик решится пойти на ферзевый обмен? Однако вместо этого он передвинул свою ладью назад, на королевскую клетку.

Слева от меня началась свалка – вторая пешка слона убрала черную пешку, а ее в свою очередь побил уцелевший черный слон. На какое-то время я оказался один на территории противника, но тут оберст передвинул белого ферзя на клетку позади меня. Что бы ни случилось теперь, я был не один. Затаив дыхание, я стал ждать.

Но ничего не случилось. Точнее, Старик сошел со своего трона, махнул рукой и удалился. Он сдался. Пьяная свора солдат из отрядов специального назначения завопила от восторга. Несколько человек с эмблемой «Мертвой головы» кинулись к оберсту и, подняв его на руки, понесли по кругу почета. Я остался где стоял, напротив литовца, мы оба глупо моргали. Игра закончилась. Я знал, что каким-то образом помог оберсту выиграть, но был слишком оглушен всем случившимся, чтобы разобраться, как именно. Я видел всего лишь сбившихся в кучку уставших евреев, ничего не понимавших, но чувствовавших облегчение, пока зал гудел от криков и пения. Шестеро из нас, тех, что были белыми фигурами, погибли, как и шестеро черных. Уцелевшие могли теперь двигаться, и мы так и толпились там, в центре поля. Я обернулся и обнял женщину, стоявшую сзади меня. Она плакала. «Шалом», – сказал я и поцеловал ее руки. Литовский еврей на своей белой клетке упал на колени. Я помог ему подняться.

Несколько рядовых с автоматами в руках провели нас через толпу в пустую прихожую. Здесь они заставили нас раздеться и побросали наши шахматные рубахи в кучу. Потом нас вывели в ночь, чтобы расстрелять.

* * *

Нам приказали вырыть себе могилы. Метрах в сорока за домом на поляне лежало полдюжины лопат, и этими лопатами мы принялись копать широкий и неглубокий ров. Солдаты тем временем, покуривая, светили нам факелами. Покрытая снегом земля была твердой как

камень, и мы смогли прокопать вглубь лишь на полметра. Между тупыми ударами лопат слышались взрывы хохота, доносившиеся из замка. В его высоких окнах горели огни, отбрасывая желтые прямоугольники на шиферные крыши. Мы не замерзли лишь потому, что двигались, – и еще от страха. Пальцев посиневших ног я уже не чувствовал. Мы почти закончили копать, и я понимал: надо на что-то решаться. В такой темноте можно попытаться добежать до леса. Было бы лучше, если бы мы все одновременно кинулись врассыпную, но евреи постарше явно не могли двигаться, они слишком замерзли и были измотаны, к тому же нам не позволяли разговаривать друг с другом. Две женщины стояли в нескольких метрах от рва, тщетно пытаясь прикрыть наготу руками, а охранники отпускали по этому поводу грубые шутки, поднося факелы поближе к ним и освещая их обнаженные тела.

Я не мог решить, бежать мне или все же попробовать проломить солдату голову своей лопатой с длинной ручкой и захватить его автомат. Конечно, это были солдаты из отрядов спецназначения, но сейчас они напились и не ожидали нападения. Надо действовать скорее.

Решив бить лопатой, я выбрал низкорослого молодого охранника – он стоял в нескольких шагах от меня и, казалось, дремал. Я с силой сжал черенок.

– *Halt! Wo ist denn mein Bauer?*²⁰

Молодой оберст, хрустя снегом, приближался к нам, в распахнутой черной шинели и офицерской фуражке с высокой тульей. Войдя в круг света, отбрасываемого факелами, он оглянулся и спросил, где его пешка. Но которая?

– *Du! Komm her!* – позвал он меня жестом.

Я сжался, ожидая, что вот-вот повторится насилие над моим сознанием, но ничего такого не произошло. Выбравшись из неглубокого рва, я отдал лопату охраннику и, трясаясь от страха, подошел к оберсту – к тому, кого они называли *Der Meister*.

– Кончайте скорее, – приказал он по-немецки сержанту, командовавшему отделением. – *Schnell!*

Сержант кивнул и велел евреям встать около рва. Женщины у дальнего края обняли друг друга. Последовал приказ всем лечь в холодную землю. Трое мужчин отказались подчиниться, и их застрелили там же, где они стояли. Тот, что был черным королем, корчась, упал всего метрах в двух от меня. Я опустил глаза, глядя на свои посиневшие ноги, и старался не шевелиться, но дрожь только усилилась. Другим евреям приказали скинуть тела расстрелянных в ров. Было тихо и жутко, в свете факелов белели худые спины и ягодицы моих товарищей по несчастью. Сержант отдал команду, и загремели выстрелы.

Все закончилось меньше чем за минуту. Звук автоматных очередей казался приглушенным, ничего не значащим треском – и вот еще одна нагая фигура дергается в яме, корчится и замирает навсегда. Обе женщины так и погибли, обнимая друг друга. Литовский еврей выкрикнул что-то на иврите и упал на колени, протянув руки то ли к конвоирам, то ли к небу – я до сих пор этого не знаю, – и рухнул, сраженный автоматной очередью.

Все это время я стоял, уставившись на свои дрожащие ноги, моля Бога, чтобы Он сделал меня невидимым. Но стрельба еще не кончилась, когда сержант повернулся ко мне и спросил:

– А с этим что делать, *mein Oberst*?

– *Mein zuverlässiger Bauer?*²¹ – улыбнулся тот. – Сегодня будет охота.

– *Eine Jagd?* – спросил сержант. – *Heute nacht?*²²

– *Wenn es Dämmert.*²³

²⁰ Стой! Где же, черт возьми, моя пешка? (нем.)

²¹ С моей верной пешкой? (нем.)

²² Охота? Сегодня ночью? (нем.)

²³ Как только начнет смеркаться (нем.).

– *Auch Der Alte?*²⁴

– *Ja.*

– *Jawohl, mein Oberst.*²⁵

Я видел, что сержанту это особой радости не доставило, поскольку спать ему сегодня явно не придется.

Конвоиры принялись забрасывать трупы комьями смерзшейся земли, а меня повели назад к замку и посадили на цепь в том же подвале, где нас держали несколько часов назад. Мои ступни кололо как иголками, а потом они начали гореть. Хотя это было очень больно, я все же задремал, когда вернулся сержант, снял с меня цепи и приказал одеться. Мне выдали нижнее белье, синие шерстяные штаны, рубаху, толстый свитер, теплые носки и крепкие ботинки, которые были мне немного малы. После нескольких месяцев в тюремном тряпье добротная одежда казалась просто чудом.

Сержант вывел меня наружу, там стояли четверо эсэсовцев с фонариками и карабинами. Один из них держал на поводке немецкую овчарку; он позволил собаке обнюхать меня. Замок уже погрузился в темноту, крики смолкли. Приближавшийся рассвет сделал небо на востоке прозрачным.

Конвоиры погасили свои фонарики, когда из замка вышли оберст и старый генерал. Вместо формы на них были толстые зеленые куртки, в руках они держали охотничьи карабины крупного калибра с оптическим прицелом. И тут я все понял. Я точно знал, что сейчас произойдет, но был до того измучен, что мне было все равно.

Оберст махнул рукой, конвоиры отошли от меня и встали рядом с офицерами. Некоторое время я нерешительно топтался на месте, отказываясь делать то, что они требовали, будто ничего не понимал. Тогда сержант на ломаном польском заорал: «Бежать! Бежать, еврейская скотина!» Но я все не двигался. Собака тянула поводок, рычала и бросалась в мою сторону. Сержант поднял карабин и выстрелил, снег взвился фонтаном под моими ногами, но я продолжал стоять, пока не ощутил осторожное проникновение чужой воли в свой мозг.

– Вперед, *kleiner Bauer*,²⁶ вперед! – От этого мягкого шепота меня затоснило, я зашатался, потом повернулся и побежал в лес.

Я был слишком слаб, чтобы бежать долго. Через несколько минут я уже задыхался и начал спотыкаться. На снегу оставались четкие следы моих ботинок, но тут я ничего не мог поделать. Небо светлело, а я все бежал, стараясь держаться южного направления. Когда я услышал позади яростный лай, то понял, что охотники с собаками двинулись по моему следу.

Пробежав немногим более километра, я увидел впереди открытое пространство. Просека шириной в сотню метров была расчищена – ни деревьев, ни пней. Посередине этой ничейной земли протянулась колючая проволока, но не это заставило меня остановиться. В центре просеки торчал белый знак с надписью на немецком и польском: «Стоять! Заминировано!»

Лай приближался. Я свернул влево и, задыхаясь от боли в боку, побежал трусцой. Я знал, что выхода нет, что это минное поле наверняка тянется по периметру всей усадьбы, обозначая границы их собственного охотничьего заказника. Единственной моей надеждой было найти дорогу, по которой мы приехали вчера ночью, а казалось – целую вечность назад. Там обязательно должны быть ворота, конечно с охраной, но все равно надо попытаться выйти на дорогу. Пусть уж лучше меня убьют охранники, чем эти животные, гнавшиеся за мной. Я решил, что кинусь на минное поле, лишь бы не стать мишенью для этих охотников на человека.

Добежав до мелкого ручья, я снова почувствовал это подлое проникновение в свое сознание. Стоя неподвижно и глядя на полузамерзший ручей, я ощущал, как оберст входит в мое

²⁴ Опять со Стариком? (нем.)

²⁵ Слушаюсь, мой полковник (нем.).

²⁶ Маленькая пешка (нем.).

сердце, в тело, будто вода, заливающая рот, ноздри и легкие тонущего человека. Только это было еще хуже. Казалось, огромный ленточный червь ввинчивается в мой череп и обволакивает мозг. Я закричал, но из горла не вырвалось ни звука, ноги были как ватные.

– *Komm her, mein kleiner Bauer!*²⁷ – Голос оберста беззвучно шептал эти слова.

Мысли его смешались с моими и вытеснили мою волю в какую-то темную яму. Перед моими глазами мелькали обрывки, как в рвущейся киноленте: чьи-то лица, мундиры, какие-то пейзажи, комнаты... Меня несли чужие волны ненависти и высокомерия. Чужая извращенная страсть к насилию наполнила мой рот медным привкусом крови. Этот шепот в мозгу был соблазнителен и тошнотворен, словно зов гомосексуалиста.

Я будто со стороны наблюдал за своим поведением: вот я кинулся в ручей и повернул назад, на запад, навстречу охотникам, теперь я бежал быстро, резко вдыхая и выдыхая холодный сырой воздух. Ледяная вода забрызгала ноги, шерстяные штаны намокли и липли к икрам. У меня носом пошла кровь, потекла по подбородку к шее.

– *Komm her!*

Я выбрался из ручья и, спотыкаясь, побежал по лесу к куче валунов. Тело мое дергалось и извивалось, словно марионетка. Я вскарабкался на камни, забился между ними и так лежал, прижав щеку к валуну, а кровь из носа капала на замерзший мох. Послышались голоса охотников, они были не далее чем в пятидесяти шагах, за полосой деревьев. Я решил, что они окружают кучу камней, а затем оберст заставит меня встать, чтобы удобнее было стрелять. Я напрягся, пытаюсь пошевелить ногами, двинуть рукой, но казалось, будто кто-то перерезал мои нервы, соединяющие мозг с телом. Я был пригвожден к земле надежно, как если бы все эти валуны разом навалились на меня.

Послышались обрывки разговоров, затем голоса вдруг стали удаляться в том же направлении, откуда я прибежал десять минут назад. В это невозможно было поверить, но это так. Почему оберст играл со мной? Напрягшись, я попытался прочесть его мысли, но мои слабые потуги были отброшены, словно кто-то щелчком сбил назойливое насекомое.

Вдруг я выбрался из укрытия и снова побежал, пригнувшись, между деревьями, а потом пополз по снегу. Я еще никого не видел, но уже чувствовал запах табачного дыма. На поляне на поваленном дереве сидел Старик, положив охотничий карабин на колени, а рядом с ним, спиной ко мне, стоял сержант, рассеянно постукивая пальцами по прикладу. Оба курили, наслаждаясь отдыхом.

И тогда я поднялся во весь рост и помчался прямо на них. Сержант резко обернулся, и в эту секунду я в прыжке ударил его плечом. Он был выше и намного тяжелее меня, но за счет невероятной скорости я сбил его с ног. Мы покатались по снегу, и мне хотелось только одного – снова стать хозяином своего тела и убежать в лес.

Вместо этого я схватил карабин Старика и стал колотить сержанта прикладом по шее и по лицу, как дубиной. Он попытался встать, но я снова сбил его с ног и, увидев, что он тянется к своему оружию, прижал его руку ботинком, а потом принялся молотить тяжелым прикладом по лицу, пока не переломал ему все кости, пока и лица-то, собственно, не осталось. Тогда я бросил карабин и повернулся к Старiku.

Он сидел все так же на поваленном дереве, в руке у него был «люгер», который он успел выхватить из кобуры, во рту по-прежнему дымилась сигарета. Казалось, ему уже тысяча лет, но к морщинистому лицу – скорее, к высохшей маске – была приклеена улыбка.

– *Sie!*²⁸ – сказал он, и я понял, что Старик обращается не ко мне.

– *Ja, Alte.* – Я сам изумился тому, что произносит мой язык. – *Das Spiel ist beendet.*²⁹

²⁷ Иди сюда, моя маленькая пешка! (нем.)

²⁸ Вы! (нем.)

²⁹ Да, Старик. Игра окончена (нем.).

– Посмотрим. – Старик поднял пистолет, собираясь выстрелить.

Я метнулся вперед, пуля пробила мой свитер и обожгла ребра, но я успел схватить его за кисть, прежде чем он выстрелил во второй раз. Старик вскочил, и мы, шатаясь, принялись исполнять на снегу какой-то безумный танец – изможденный юноша-еврей, у которого носом шла кровь, и древний ариец, охотник и убийца. Его «люгер» снова выстрелил, на этот раз в воздух, но я вырвал пистолет из его руки и отскочил назад, наставив на него ствол.

– *Nein!* – закричал Старик, и тут я почувствовал уже *его* присутствие в своем мозгу.

Это было как удар молотком по основанию черепа. На какую-то секунду меня не стало вовсе; два этих мерзких существа дрались между собой за обладание моим телом. В следующее мгновение я уже смотрел на эту картину откуда-то сверху, словно выскочил из собственной оболочки. Старик застыл на месте, а мое тело металось вокруг него в жутком припадке. Глаза мои закатились, рот раскрылся, как у идиота, штаны были мокрыми от мочи, от них шел пар.

Затем я вернулся в свое тело, и Старика в мозгу больше не было. Я видел, как он сделал несколько шагов назад и тяжело опустился на поваленное дерево.

– Вилли, – прошептал он. – *Mein Freund...*³⁰

Я дважды выстрелил ему в лицо, потом один раз в сердце. Он опрокинулся назад, а я стоял и смотрел на подбитые гвоздями подошвы его сапог.

– Мы сейчас придем, пешка, – слышался у меня в ушах шепот оберста. – Жди нас.

Через какое-то время поблизости раздались лай овчарки и крики охотников. Пистолет был все еще у меня в руке. Я попытался расслабить мышцы, сосредоточив всю свою волю и энергию в одном-единственном пальце правой руки, даже не думая о том, что собираюсь сделать. Группа охотников была уже почти в пределах видимости, когда власть оберста над моим телом слегка ослабла – достаточно для того, чтобы попытаться сделать то, что я хотел. Это была самая решительная и самая трудная схватка в моей жизни. Мне и надо-то было лишь на несколько миллиметров подвинуть палец, но для этого понадобились вся моя энергия и вся решимость, что еще оставались в моем теле и душе.

Мне это удалось. «Люгер» выстрелил, пуля прошла по касательной вдоль бедра и угодила в мизинец правой ноги. Боль пронзила мое тело, как очистительный огонь. Оберст был как бы застигнут врасплох, и я тут же почувствовал это на себе.

Я повернулся и побежал, оставляя на снегу кровавые следы. Сзади раздались крики, затрещал автомат, мимо жужжали пули в свинцовой оболочке, словно пчелы.

Но оберст уже не властвовал надо мной. Я добежал до минного поля и кинулся туда, не останавливаясь ни на миг. Голыми руками я растянул колючую проволоку, ударами ног отбросил эти цепкие щупальца и побежал дальше. Это было невероятно, необъяснимо, но я пересек заминированную просеку и остался жив. И в этот момент оберст вновь впился в мой мозг.

– *Стой!* – приказал он. Я остановился, потом обернулся и увидел четырех охранников и оберста, застывших на краю смертельной полосы. – *Возвращайся, моя маленькая пешка,* – прошептал голос этой твари. – *Игра окончена.*

Я попытался поднять «люгер», чтобы приставить его к своему виску, но не смог. Тело мое двинулось назад, на минное поле, к поднятым стволам автоматов. И в эту секунду овчарка вырвалась из рук державшего ее охранника и бросилась ко мне. Ей не удалось достичь края просеки, она наскочила на мину и подрывалась метрах в семи от немцев. Мина была очень мощная, противотанковая, в воздух взметнулись земля, куски металла и собачьего тела. Я видел, как они все пятеро упали на землю, а потом что-то мягкое ударило меня в грудь и сшибло с ног.

С трудом я поднялся; рядом лежала оторванная голова овчарки. Оглушенные взрывом, оберст и двое эсэсовцев стояли на четвереньках, мотая головами, двое других не шевелились.

³⁰ Мой друг... (нем.)

Оберста в моем мозгу не было! Я вскинул «люгер» и выпустил по нему всю обойму, но расстояние было слишком большим, к тому же меня всего трясло. Ни одна пуля не задела никого из немцев. Постояв секунду, я повернулся и снова побежал.

Я до сих пор не знаю, почему оберст позволил мне убежать. Возможно, его контузило взрывом, или, может, он опасался в полную силу продемонстрировать свою власть надо мной, ведь это могло навести на мысль о его причастности к смерти Старика. Но все же я подозреваю, что убежал тогда лишь потому, что это было на руку оберсту...

Сол умолк. Огонь в камине погас, и они сидели почти в полной темноте. В последние полчаса исповеди голос его охрип, он говорил уже шепотом.

– Вы очень устали, – сказала Натали.

Сол не стал этого отрицать. Он не спал две ночи – с того самого момента, когда в воскресенье утром увидел в газетах фотографию Уильяма Бордена.

– Но ведь это еще не конец? – спросила Натали. – Это как-то связано с людьми, которые убили моего отца, так?

Он кивнул.

Натали вышла из комнаты, затем вернулась через минуту с одеялом, простынями и большой подушкой.

– Уже поздно. Ночуйте здесь, – предложила она. – Мы закончим утром. Я приготовлю завтрак.

– У меня есть комната в мотеле, – хрипло произнес Сол. При мысли о том, что сейчас придется ехать куда-то, ему захотелось закрыть глаза и уснуть прямо там, где он сидел.

– Я прошу вас остаться, – серьезно сказала Натали. – Мне очень хочется... Нет, я просто должна услышать конец вашего рассказа. – Она помолчала и добавила: – И потом, я не хочу сегодня ночевать одна в доме.

Сол кивнул.

– Вот и хорошо, – обрадовалась девушка. – В шкафчике в ванной есть новая зубная щетка. Если хотите, я могу достать чистую пижамную пару отца...

– Спасибо. Я обойдусь.

– Тогда до завтра. – Натали направилась к двери, но на пороге остановилась. – Сол... – Она помолчала, потирая руки выше локтя. – Все это... все, что вы мне рассказали, правда?

– Да.

– И ваш оберст был здесь, в Чарлстоне, на прошлой неделе? Он один из тех, кто виноват в смерти моего отца?

– Думаю, да.

Натали кивнула, хотела еще что-то сказать, потом слегка закусил губу.

– Спокойной ночи, Сол.

– Спокойной ночи, Натали.

Несмотря на страшную усталость, Сол Ласки некоторое время лежал без сна, глядя, как прямоугольники света от автомобильных фар блуждают по фотографиям на стене. Он старался думать о приятных вещах – о золотистом свете, играющем на ветвях ив у ручья, или о белых маргаритках в поле на ферме дяди, где он бегал еще мальчиком. Но когда он наконец заснул, ему приснился жаркий июньский день, братишка Йозеф, который идет за ним к шапиту по чудной лужайке, откуда ярко раскрашенные цирковые фургоны увозят толпы смеющихся детей к ожидающему их рву.

Глава 7

Чарлстон

Среда, 17 декабря 1980 г.

Поначалу шерифа Джентри забавляло то, что за ним следят. Насколько он мог помнить, за ним никто никогда не следил. Сам же он достаточно много времени проводил за этим занятием. Только вчера он ездил за психиатром Ласки и наблюдал, как тот забрался в дом Фуллер, потом терпеливо ждал в «додже» Линды Мэй, пока Ласки и эта девушка, мисс Престон, пообедают, а после провел большую часть ночи в районе Сент-Эндрюс, попивая кофе и наблюдая за домом Натали. Ночь была чертовски холодной и прошла совершенно впустую. Рано утром он снова проехал мимо ее дома в собственной машине; взятая напрокат «тойота» психиатра все еще стояла у крыльца. Какая между ними связь? Джентри догадывался, что Ласки в этом деле очень важная фигура. Эта догадка родилась у него еще во время их первого телефонного разговора, а теперь она быстро переросла в уверенность и не давала ему покоя, зудела между лопатками, там, где невозможно почесать спину. Джентри уже знал по опыту, что эта штука – одна из важнейших составляющих в репертуаре хорошего полицейского. Вот вчера он отправился следить за Ласки, а теперь, оказывается, следят за ним самим – за Бобби Джо Джентри, шерифом округа Чарлстон.

Поначалу он не мог в это поверить. Утром он встал, как всегда, в шесть часов, чувствуя усталость от недосыпа и слишком больших доз кофеина в предыдущий день, и поехал к дому Престон в Сент-Эндрюс, проверить, там ли провел Сол Ласки остаток ночи. Потом он остановился у закусочной Сары Диксон на Риверс-авеню, съел гамбургер и отправился на Хэмптон-парк беседовать с миссис Луэллин. Муж этой женщины уехал из города четыре дня назад, в ту ночь, когда произошли убийства в «Мансарде», и погиб в автокатастрофе в Атланте рано утром в воскресенье. Когда полицейский штата Джорджия по телефону сообщил ей, что она вдова, так как ее муж врезался в опору путепровода на скорости свыше восьмидесяти пяти миль в час недалеко от Атланты, миссис Луэллин не нашла ничего лучшего, как спросить: «А что Артур делал там, в Атланте, скажите на милость? Ведь он только поехал купить сигару и воскресную газету».

Джентри считал, что вопрос задан по делу, но он так и не получил на него ответа, проведя полчаса с вдовой в ее кирпичном доме. И вот тогда Джентри заметил зеленый «плимут», стоявший за полквартала от его машины в тени высоких деревьев, нависающих над улицей.

Первый раз он засек его, когда отъезжал от закусочной, обратив внимание на номерные знаки штата Мэриленд. Из своей многолетней практики Джентри уже усвоил, что полицейские становятся буквально одержимыми, обязательно замечая мелкие детали, большая часть которых оказывается абсолютно бесполезной.

Шериф сел за руль своей патрульной машины, стоявшей перед домом Луэллинов, поправил зеркальце заднего вида и внимательно посмотрел на «плимут», припаркованный чуть дальше. Машина, без сомнения, была той же самой, но он не мог разглядеть, есть ли кто-нибудь в салоне, из-за бликов на ветровом стекле. Джентри пожал плечами, включил мотор и поехал прямо, потом свернул налево у первого же знака «стоп». «Плимут» начал двигаться за мгновение до того, как машина Джентри исчезла из виду. Шериф еще раз свернул налево и покатил на юг, пытаясь решить, вернуться ли ему в контору и заняться кое-какими бумагами либо снова

поехать в Сент-Эндрюс. Зеленый «плимут» по-прежнему держался сзади, пропустив вперед две машины.

Джентри ехал медленно, постукивая по баранке своими большими красными пальцами и потихоньку насвистывая мелодию кантри-песенки. Слушая вполуха хрипение полицейского радио, он перебирал в уме причины, по каким кто-то мог его преследовать. За исключением нескольких воинственных типов, которых он засадил в тюрьму за последние два года, ни у кого, насколько он мог помнить, не было повода сводить счеты с Бобби Джо Джентри и уж тем более никакого резона тратить время, мотаясь за ним по улицам. Джентри подумал, уж не шарахается ли он от призраков? В Чарлстоне наверняка не один зеленый «плимут». «С мэрилендскими номерами?» – иронично усмехнулось его второе «я» – умудренный опытом полицейский. Джентри решил вернуться в контору окружным путем.

Он повернул налево, на Кэннон-стрит, где было оживленное движение. Хвост не отставал. Если бы Джентри не знал, что «плимут» там, он бы ни за что его сейчас не засек. Преследователь выдал себя лишь потому, что маленькая боковая улочка близ Хэмптон-парка была абсолютно пуста. Джентри въехал на шоссе номер двадцать шесть, ведущее в соседний штат, проехал больше мили на север, потом покатыл по узким улочкам на восток, в сторону Митинг-стрит. «Плимут» по-прежнему маячил сзади, прячась за другими машинами там, где это было возможно, и сильно отставая, когда шоссе пустело.

– Ну и ну, – пробормотал Джентри.

Он приблизился к району Чарлстон-Хайтс, оставив справа военно-морскую базу. Сквозь паутину подъемных кранов видны были серые громады кораблей. Джентри повернул налево, на Дорчестер-роуд, а потом снова выехал на двадцать шестое шоссе, на сей раз направляясь на юг. Хвост вроде бы исчез. Он уже собрался съехать с шоссе у центра города и списать всю историю на счет детективов, которых он посмотрелся по кабельному телевидению, когда позади, в полумиле от него, огромный трейлер перестроился в другой ряд и Джентри вновь на мгновение увидел капот зеленого цвета.

С шоссе он вернулся к узеньким улочкам вблизи здания муниципалитета. Потихоньку начал накрапывать дождь. Водитель «плимута» включил дворники одновременно с шерифом. Джентри прикинул, какие же законы здесь нарушены, но вот так, сразу, не смог ничего придумать. «Ну ладно, – решил он. – Самое главное теперь избавиться от хвоста». Ему живо представились все эти погони с визжащими тормозами на бешеной скорости, которые он видел в кино. Нет уж, спасибо. Затем он попытался вспомнить детали шпионского искусства из бесчисленных детективов, которыми он когда-то увлекался, но в голову опять не приходило ничего стоящего. Дело еще осложнялось тем, что Джентри ехал в своей коричневой патрульной машине, на которой по бокам крупными буквами было написано: «Шериф округа Чарлстон».

Он понимал, что ему достаточно сказать несколько слов по рации, объехать пару раз квартал, и восемь полицейских машин плюс половина патрульных с шоссе встретят этого красавчика на следующем же перекрестке. Ну а дальше что? Джентри представил себе, как его вызывают к судье Трэттору по обвинению в незаконном задержании приезжего из другого штата, – мужчина, мол, пытался найти паром к форту Самтер и решил просто следовать за местным констеблем.

Самое разумное в данной ситуации – и Джентри это хорошо знал – было переждать. Пусть этот олух ездит за ним сколько угодно – дни, недели, месяцы, пока Джентри не сообразит, в какую игру тот играет. Этот парень в «плимута» – если это был парень – мог оказаться судебным исполнителем, репортером, закоренелым «свидетелем Иеговы» или членом новой губернаторской команды по борьбе с коррупцией. Джентри был абсолютно уверен, что разумнее всего сейчас вернуться в контору и заняться своими делами. Пусть все образуется само собой.

Однако он никогда не отличался особым терпением. Круто развернув машину на мокром асфальте и одновременно включив мигалку и сирену, Джентри рванул назад по узкой улице

с односторонним движением прямо в лоб приближающемуся «плимуту». Правой рукой он расстегнул кобуру его собственного, не казенного пистолета, затем оглянулся назад, убедиться, что резиновая дубинка лежит на сиденье, там, где он ее обычно держал. Он еще поддал газу и посигналил, чтобы было совсем уж весело.

Даже радиатор приближающегося «плимута», казалось, изумился такому повороту событий. Джентри различил теперь, что в машине всего один человек. Преследователь метнулся вправо, но Джентри попытался отсечь ему путь. Тогда «плимут» притворился, что хочет протиснуться по дальней стороне улицы слева, а сам вырулил на тротуар и попробовал проскочить мимо машины шерифа. Джентри крутанул руль влево и перескочил через бордюр; он был готов к столкновению лоб в лоб.

«Плимут» пошел юзом, сшиб правым крылом несколько мусорных ящиков и врезался боком в телеграфный столб. Шериф резко затормозил перед радиатором «плимута», из которого поднимался пар, и удостоверился, что стоит правильно: в таком положении «плимуту» отсюда не выбраться. Затем он вылез из машины, быстрым движением открыл кобуру под мышкой и сжал в левой руке резиновую дубинку.

– Позвольте взглянуть на ваши водительские права, сэр, – обратился он к мужчине с бледным и худым лицом.

«Плимут» ударился о телефонный столб довольно сильно, правую дверцу заклинило, водителя тоже тряхнуло как следует. Он опустил на руль голову с залысинами. На вид ему было лет сорок пять, темный костюм, белая рубашка и узкий галстук времен Кеннеди – так, во всяком случае, показалось Джентри.

Шериф внимательно следил, как водитель «плимута» вытаскивает бумажник. Он явно не торопился выполнять просьбу.

Тогда Джентри быстро шагнул вперед и левой рукой открыл дверцу. Дубинка теперь висела у него на кисти, а правую руку он снова положил на рукоять своего «ругера»:

– Сэр, пожалуйста, выйдите из... А-а-а, ч-черт!

Водитель резко повернулся к нему, в руке у него был пистолет. Джентри без промедления обрушил в открытую дверцу все свои сто двадцать килограммов, пытаясь в броске дотянуться до кисти противника. Раздались два выстрела: первая пуля пролетела мимо уха шерифа и пробила крышу «плимута», вторая попала в ветровое стекло, превратив его в припудренную паутину. Джентри наконец удалось ухватить стрелка за кисть обеими руками, и некоторое время они барахтались на переднем сиденье, как сопливая парочка, тискающаяся в укромном месте. Резиновая дубинка застряла в рулевом колесе, и «плимут» взревел, как животное, раненное в брюхо. Водитель потянулся к лицу шерифа, пытаясь выцарапать ему глаза, но Джентри набылчился и ударил его своей массивной головой раз, два... На третьем ударе он почувствовал, что противник обмяк. Пистолет выпал из его руки, стукнулся о руль, потом о ногу Джентри и скатился на тротуар. У Джентри, с его врожденной реакцией охотника, мелькнуло опасение, что от удара пистолет выстрелит и разрядит пол-обоймы ему в спину, но ничего такого не случилось.

Подавшись вперед, он вытащил водителя следом за собой из салона. Схватив его за шиворот, быстро глянул, где пистолет, – тот лежал поблизости, под машиной, – и отшвырнул водителя метра на три, шмякнув его об асфальт. Когда тот поднялся, Джентри уже крепко держал в руке тяжелый «ругер», который подарил ему дядя перед выходом на пенсию.

– А ну, не двигаться! Не двигаться, тебе сказано! – приказал он.

Из магазинчиков и кафе выскочила дюжина зевак. Джентри удостоверился, что никто из них не находится на линии огня, – за спиной водителя была лишь кирпичная стена. С какой-то тошнотворной ясностью до него внезапно дошло, что он готовится застрелить этого бедного сукина сына. Ему никогда еще не приходилось стрелять в человека. Вместо того чтобы взять пистолет в обе руки и широко расставить ноги, как его учили, он стоял выпрямившись, согнув руку в локте и подняв ствол вверх. Капли дождя мягко падали на его покрасневшее лицо.

– Ладно, парень, – тяжело дыша, проговорил он. – Расслабься. Давай-ка обсудим это дело.

Но тут водитель выхватил из кармана нож. Щелкнув, лезвие выскочило из рукоятки. Слегка пригнувшись, он распределил вес тела на обе ноги и широко растопырил пальцы левой руки. Джентри с сожалением отметил, что противник держит нож как профессионал, очень опасно: большой палец упирался в рукоятку над лезвием. Нож в его руке короткими плавными движениями заходил из стороны в сторону. Джентри ногой отбросил пистолет еще дальше под «плимут» и сделал шага три назад.

– Кончай, парень, – спокойно предложил он. – Убери нож.

Джентри понимал, что пять метров, разделяющие их, можно преодолеть очень и очень быстро. Он также отдавал себе отчет в том, что, если метнуть нож с такого расстояния, он может быть не менее опасен, чем пуля. Но ему также хорошо запомнилось, какие дыры оставляет «ругер» в мишени на расстоянии сорока метров. Он даже думать не хотел, что может сделать пуля калибра 0,357 с пяти метров.

– Убери, – повторил Джентри монотонным голосом, в котором не было угрозы, но который не допускал каких-либо возражений. – Давай расслабимся на минутку и обсудим все.

Водитель не сказал ни слова и не издал ни одного звука с того момента, как Джентри подошел к «плимуту», если не считать стонов и крихтения. Но теперь сквозь его стиснутые челюсти прорвался какой-то странный свист, словно пар из чайника. Он снова стал поднимать нож.

– Не двигаться!

Шериф вскинул пистолет, по-прежнему одной рукой целясь в середину узкого галстука. Если этот тип замахнется, чтобы метнуть нож, Джентри придется стрелять.

И тут он увидел нечто такое, отчего его колотящееся от напряжения сердце замерло, будто парализованное. Лицо водителя «плимута» мелко задрожало – даже не задрожало, а поплыло, как неплотно прилегающая резиновая маска, зрачки расширились, словно от удивления или страха, и заметались в панике. На какое-то мгновение Джентри показалось, что сквозь это худое лицо проступил образ другого человека, в загнанных глазах мелькнуло выражение абсолютного ужаса и смятения, но затем мускулы лица и шеи застыли, словно маску натянули плотнее. Лезвие все поднималось, дойдя до подбородка, – достаточно высоко, чтобы точно метнуть нож.

– Эй! – крикнул Джентри и взвел курок.

И тут водитель «плимута» погрузил лезвие в собственное горло. Он не вонзил, не ткнул, не полоснул себя по горлу, он именно *погрузил* пятнадцать сантиметров стали в собственную плоть, как хирург, который делает на операции первый надрез. Затем он провел лезвием слева направо во всю ширину шеи, медленно, уверенно и с большой силой.

– Бог ты мой! – прошептал Джентри.

Кто-то в толпе завизжал.

Кровь заструилась по белой рубашке мужчины, будто лопнул шар, наполненный красной краской. Самоубийца успел вытащить окровавленное лезвие и, что было просто невероятно, продолжал стоять еще несколько мгновений, расставив ноги, без всякого выражения на лице, пока кровь заливала его торс, а потом с отчетливо слышным звуком начала капать на мокрый асфальт. Затем он рухнул навзничь, ноги его конвульсивно дернулись и замерли.

– Не подходить! – рявкнул Джентри зевакам и кинулся вперед.

Тяжелым ботинком он придавил правую кисть водителя, а дубинкой откинул нож. Голова мужчины запрокинулась, края красного разреза на горле разошлись, и это походило на непотребную ухмылку акулы. Джентри увидел разорванные хрящи и иззубренные концы серых нитей, но потом кровь хлынула снова.

Он подбежал к своей машине и вызвал «скорую». Потом снова крикнул толпе, чтобы никто не подходил, и, пошарив дубинкой под «плимутом», достал пистолет. Это был девяти-

миллиметровый браунинг с каким-то особым магазином в два ряда, отчего он казался чертовски тяжелым. Джентри нашел предохранитель, щелкнул им, сунул пистолет себе за пояс и, подойдя к мужчине, опустился рядом с ним на колени.

Водитель перекатился на правый бок, руки его были плотно прижаты к телу, кулаки сжаты. Кровь уже образовала на асфальте лужу больше метра шириной, и с каждым медленным ударом сердца ее выливалось все больше. Джентри стоял на коленях в луже крови и пытался закрыть рану голыми руками, но разрез был слишком велик, а края рваные. Через несколько секунд рубашка мужчины пропиталась кровью, а глаза приняли тот остекленевший, неподвижный вид, который Джентри слишком часто видел у трупов. Дыхание его остановилось в тот момент, когда вдалеке послышался вой сирены «скорой помощи».

Джентри отошел назад и вытер руки о штаны. Во время стычки бумажник водителя каким-то образом оказался на тротуаре, шериф наклонился и поднял его. Послав к чертям правила обращения с вещественными доказательствами, он открыл бумажник и быстро обшарил все отделения. Там было девятьсот долларов наличными, небольшая фотография шерифа Бобби Джо Джентри и ничего больше: ни водительских прав, ни кредиток, ни семейных фотографий, ни карточки социального обеспечения, ни визиток, ни даже старых квитанций.

– Кто-нибудь, скажите, что здесь происходит? – прошептал Джентри.

Дождь прекратился, тело водителя неподвижно лежало на тротуаре. Худое лицо его стало таким белым, словно из воска. Джентри потряс головой и обвел невидящим взглядом толпу зевак, вытягивающих шеи, и направляющихся к нему полицейских и санитаров.

– Кто-нибудь мне скажет, что здесь происходит? – закричал он.

Ему никто не ответил.

Глава 8

Байриш-Айзеништейн

Четверг, 18 декабря 1980 г.

Тони Хэрод и Мария Чэнь выехали из Мюнхена и направились на северо-восток, мимо Дингольфинга и Рагена, вглубь холмистых лесов поблизости от западногерманско-чешской границы. Хэрод гнал взятый напрокат «БМВ», проходя на высоких оборотах скользкие от дождя повороты; машина шла юзом, но он ее контролировал, быстро увеличивая скорость на прямых отрезках дороги. Даже эта полная сосредоточенность не могла пересилить напряжения, не покидавшего его тело после долгого перелета. Во время этого бесконечного полета он много раз пытался заснуть, но ни на секунду не мог забыть, что запечатан в хрупкой герметичной трубе, висящей высоко, в тысячах метров, над холодной Атлантикой. Хэрод вздрогнул, включил радиатор и обогнал еще два автомобиля. Они ехали теперь по гористой местности, где на полях белым ковром лежал снег, а по обочинам дороги высились сугробы.

Двумя часами раньше, когда они только выбрались из Мюнхена и помчались по забитой транспортом автостраде, Мария, рассматривая дорожную карту, сказала:

– А тут недалеко Дахау. Всего в нескольких милях.

– Ну и что? – буркнул Хэрод.

– Это место, где располагался один из лагерей, куда ссылали евреев во время войны, – ответила она.

– Все это древняя история, ну ее к черту.

– Не такая уж древняя, – заметила Мария.

На повороте, помеченном номером 92, Хэрод съехал с автострады и попал на другую, такую же загруженную. Маневрируя, он пробился в левый ряд и поехал так быстро, насколько позволяла обстановка.

– Ты когда родилась? – спросил он.

– В сорок восьмом.

– Если что-то происходило до твоего рождения, не стоит об этом переживать, – сказал Хэрод.

Мария Чэнь умолкла, глядя в окно на холодную ленту реки Изар. Предвечерний свет потихоньку гас в сером небе.

Хэрод бросил взгляд на свою секретаршу и вспомнил, как они познакомились. Это случилось четыре года назад, летом 1976-го. Хэрод прилетел тогда в Гонконг на встречу с братьями Фой по просьбе Вилли – поговорить насчет финансирования очередной бредятины про кун-фу. Он рад был выбраться из Штатов в момент, когда истерия по поводу двухсотлетия независимости достигла пика. Младший из братьев Фой решил сопровождать Тони во время ночных развлечений.

Хэрод не сразу сообразил, что дорогой бар в ночном клубе на восьмом этаже высотного здания в Коулуне на самом деле был борделем, а прекрасные, даже шикарные женщины, чье общество доставляло им такое удовольствие, – просто проститутками. Как только он понял это, то сразу же потерял интерес и ушел бы, если бы его внимание не привлекла необыкновенно красивая девушка, смешанной европейской и азиатской наружности, одиноко сидевшая

за стойкой. Глаза ее выражали такое безразличие, какое трудно подделать. Когда он спросил Фоя, кто она такая, толстяк-азиат расплылся в улыбке:

– О, это очень интересная и печальная история. Ее мать была американской миссионеркой, отец – учителем в Китае. Мать умереть вскоре после того, как они приехали в Гонконг. Отец тоже умирает. Мария Чэнь остаться здесь, очень знаменитая модель, очень дорогая модель.

– Модель? А что она тогда тут делает?

Фой пожал плечами и ухмыльнулся, блеснув золотым зубом:

– Она делает многие деньги, но ей надо больше, еще больше. Очень дорогие вкусы. Она хочет ехать в Америку – она американский гражданин, но не может вернуться из-за дорогих вкусов.

Хэрод кивнул:

– Кокаин?

– Героин, – улыбнулся азиат. – Хотите знакомиться?

Хэрод хотел знакомиться. После того как их представили друг другу и они сидели уже вдвоем у стойки бара, Мария Чэнь сказала:

– Я слышала о вас. Вы сделали себе карьеру на плохих фильмах и еще более дурных манерах.

Соглашаясь, Тони кивнул:

– А я слышал про вас. Вы наркоманка и гонконгская проститутка.

Он видел, как она размахнулась, чтобы залепить ему пощечину, и потянулся щупальцами мозга, пытаясь остановить ее, но у него ничего не вышло. Удар прозвучал громко, публика в баре замолкла на полуслове и уставилась на них. Когда бар снова загудел как обычно, Хэрод вытащил платок и приложил ко рту. Кольцо на руке девушки раскололо ему губу.

Хэроду и раньше приходилось сталкиваться с нейтралами – людьми, на которых его Способность совершенно не действовала. Но это случалось редко, крайне редко. И никогда не случалось так, что он не знал об этом заранее. У него всегда было время подготовиться и избежать болезненных последствий.

– Ну ладно, – сказал он. – Будем считать, что мы познакомились. А теперь у меня к вам деловое предложение.

– Что бы вы мне ни предложили, мне это неинтересно. – Говорила Мария Чэнь вполне искренне, в этом не было сомнения, и все же она осталась сидеть у стойки.

Хэрод кивнул, быстро обмозговав ситуацию. Уже несколько месяцев он испытывал некоторое беспокойство, работая с Вилли. Старик редко пользовался своей Способностью, но, когда он это делал, становилось ясно, что он гораздо сильнее Хэрода. Тони мог потратить месяцы и даже годы, тщательно программируя помощника, однако он не сомневался, что Вилли сделает это за несколько секунд. Хэрод испытывал постоянную и все возрастающую тревогу с тех пор, как этот чертов Клуб Островитян заставил его сблизиться с кровожадным стариком. Если Вилли что-нибудь узнает, Хэроду придется несладко.

– Я предлагаю вам работу в Штатах, – сказал Тони. – Вы будете моим личным секретарем и исполнительным секретарем кинокомпании, которую я представляю.

Мария Чэнь холодно посмотрела на него. В прекрасных карих глазах не было никакого интереса.

– Пятьдесят тысяч долларов в год, – продолжил Хэрод, – плюс разные льготы.

Она и глазом не моргнула:

– Я зарабатываю в Гонконге гораздо больше. Зачем мне менять карьеру модели на секретарскую работу с меньшей оплатой? – Слово «секретарскую» она произнесла с ударением, и было ясно, что это предложение не вызывает у нее ничего, кроме презрения.

– Я упомянул льготы, – сказал Хэрод, но девушка ничего не ответила, и он тихо добавил: – Постоянный источник того... что вам нужно. И вам никогда больше не придется самой заниматься покупкой.

В этот момент Мария Чэнь все же моргнула. Самоуверенность слетела с нее, как сорванное покрывало. Она опустила глаза и смотрела теперь на свои руки.

– Подумайте, – бросил на ходу Хэрод. – Я буду в отеле «Виктория и Альберт» до утра вторника.

Она так и не подняла глаза, когда Хэрод вышел из ночного клуба.

Во вторник утром он готовился к отлету, служащий отеля уже отнес в холл его чемоданы. Тони стоял перед зеркалом, застегивая куртку, когда в дверях появилась Мария Чэнь.

– Каковы будут мои обязанности помимо секретарских? – спросила она.

Хэрод медленно повернулся, подавил желание улыбнуться и пожал плечами:

– Все, что я прикажу. – Потом все же улыбнулся. – Но не то, о чем вы думаете. Я не нуждаюсь в проститутках.

– У меня есть одно условие.

Он молча смотрел на нее.

– В будущем году я намерена... избавиться от этого. – На гладкой коже лба выступили капельки пота. – Я хочу... как это говорится?... завязать. Когда я назначу время, вам придется устроить все, что нужно.

Хэрод подумал несколько секунд. Он не был уверен, что ему будет выгодно, если Мария Чэнь избавится от своей зависимости, но он также сомневался, что она действительно когда-нибудь попросит об этом. Ну а если попросит, тогда он и разберется. А пока у него будет красивая и умная помощница, которую Вилли, вдобавок, не сможет Использовать.

– Согласен, – кивнул он. – Пойдемте решим вопрос с вашей визой.

– В этом нет необходимости. Я уже уладила все формальности. – Мария Чэнь шагнула в сторону, пропуская его, и они пошли к лифту.

* * *

Проехав после Дингольфинга километров тридцать, они направились к Рагену, средневековому городку в тени скалистых утесов. Когда они спускались по серпантину горной дороги к его окраине, Мария Чэнь указала рукой в сторону деревьев у обочины. Фары выхватили из темноты овальную доску, установленную вертикально.

– Ты заметил эти доски? – спросила она.

– Да, – ответил Хэрод, переключая скорость перед крутым поворотом.

– В путеводителе сказано, что на них местных селян носили на кладбище. На каждой доске написано имя умершего и просьба помолиться за него.

– Мило, – откликнулся Хэрод.

Они въехали в город с тускло мелькающими по сторонам фонарями и мокрой брусчаткой на мостовых. Высоко на покрытом лесом холме показалась темная громада какого-то строения, нависающего над Рагеном.

– «Этот замок когда-то принадлежал графу Хунду, – прочитала Мария. – Он велел закопать свою жену живьем за то, что она утопила их ребенка в реке Раген».

Тони промолчал.

– Интересная история, правда? – спросила она.

Хэрод свернул влево, на одиннадцатое шоссе, ведущее к горам. В свете фар поблескивал снег. Протянув руку, он взял у Марии Чэнь путеводитель и выключил свет.

– Сделай милость, – устало бросил он. – Заткнись.

* * *

Хотя они добрались до маленького отеля Байриш-Айзенштейна в десятом часу вечера, их ждали, а в ресторане, где едва помещались пять столиков, все еще подавали ужин. Помещение согревал огромный камин, он же, собственно, его и освещал. Они молча поужинали.

Хэроду город показался маленьким и заброшенным, насколько он смог его разглядеть, пока они разыскивали отель. Единственная дорога да дюжина старых фахверковых домиков в узкой долине между темными горами. Это место напоминало ему какую-то затерянную колонию в горах Катскилл. Знак на окраине городка предупреждал, что чешская граница всего в нескольких километрах.

Когда они поднялись в свои смежные номера на третьем этаже, Хэрод сказал:

– Пойду вниз, посмотрю, что у них тут за сауна. Приготовь все на завтра.

Отель состоял всего из двадцати номеров, большинство из которых занимали лыжники, приехавшие побродить в окрестностях Большого Арбера – горы высотой тысяча четыреста метров в нескольких милях к северу. Пары три-четыре сидели в небольшом холле на первом этаже, потягивая пиво или горячий шоколад и хохоча на добродушный немецкий манер. Этот смех почему-то всегда казался Хэроду натянутым.

Сауна находилась в подвале и оказалась всего лишь небольшим чуланом из белого кедра с полками. Хэрод установил нужную температуру, снял одежду в крохотной раздевалке и вошел в раскаленное нутро. Он улыбнулся, увидев небольшое объявление на двери на немецком и английском: «Вниманию гостей: одежда в сауне необязательна». Очевидно, тут бывали американские туристы, которых шокировало безразличие немцев к наготы в таких ситуациях.

Он почти заснул, когда в сауне появились две девушки, молодые немки не старше девятнадцати лет. Войдя, они захихикали и продолжали хихикать, пока не увидели Хэрода.

– *Guten Abend*,³¹ – сказала та, что повыше.

Обе девушки были блондинками, тела их прикрывали повязанные вокруг торса полотенца. На Хэроде тоже было полотенце. Не говоря ни слова, он посматривал на них из-под тяжелых полуприкрытых век.

Хэрод вспомнил, как почти три года назад Мария Чэнь объявила, что пришло время помочь ей завязать с героином.

– Почему я должен помогать тебе? – спросил он тогда.

– Потому что ты обещал.

Хэрод молча посмотрел на нее, вспомнив все предыдущие месяцы своего сексуального напряжения, холодность, с которой она встречала любые его попытки сближения, и ту ночь, когда он не выдержал, тихо подошел к ее комнате и открыл дверь. Был уже третий час, но Мария все еще сидела в постели и читала. Увидев его, она спокойно отложила книгу, вытащила револьвер тридцать восьмого калибра из ящика ночного столика и, удобно устроив его у себя на коленях, спросила:

– Тебе что-то нужно, Тони?

Он покачал головой и вышел.

– Ну, раз обещал, – сказал Хэрод. – Чего ты от меня хочешь?

Три последующие недели Мария не выходила из запертой комнаты в подвале. Поначалу она царапала длинными ногтями обивку, которой с его помощью были покрыты стены и дверь. Она визжала, стучала руками и ногами, рвала зубами матрас и подушки, составлявшие единственное убранство комнаты, потом снова кричала. Никто не слышал ее воплей, кроме Хэрода, находившегося в соседнем помещении.

³¹ Добрый вечер (нем.).

Она не ела ничего из того, что он просовывал ей в небольшое отверстие, прорезанное в двери. Через два дня она уже не вставала с матраса, лежала, свернувшись, и попеременно то дрожала, то покрывалась холодным потом, то слабо постанывала, то выла нечеловеческим голосом. Он пробыл с ней три дня и три ночи, помогая ей добраться до туалета, когда она могла подняться, а когда у нее не было сил, убирал за ней.

Спустя две недели Мария Чэнь проспала сутки. После этого Хэрод вымыл ее и обработал царапины, которые она нанесла себе. Проводя губкой по ее бледным плечам, груди и идеальной формы бедрам, он вспомнил, как смотрел в своем кабинете на ее тело, обтянутое шелком, и жалел, что она нейтрал.

Он вытер ее, одел в мягкую пижаму, заменил чистым бельем перепачканные тряпки и оставил одну – отсыпаться.

На третьей неделе Мария Чэнь вышла из подвала. Ее поза и несколько холодноватая манера держаться были все те же – такое же совершенство, как ее прическа, одежда и косметика. Ни он, ни она никогда не упоминали о тех трех неделях.

* * *

Молоденькая немочка хихикнула и подняла руки над головой, что-то говоря подружке. Хэрод поглядывал в их сторону сквозь облака пара, глаза его превратились в темные щелочки под тяжелыми веками.

Та, что постарше, несколько раз моргнула и развязала полотенце. Ее грудь была тяжелой и упругой. Вторая удивленно замерла, руки ее все еще были подняты над головой. Хэрод увидел пушистые волоски под мышками – интересно, почему немки не бреют эти места? Вторая девушка тоже сбросила свое полотенце. Пальцы ее двигались с трудом, словно она засыпала либо никогда раньше этого не делала. Девушка постарше подняла руки и положила их на грудь подружки.

«Сестры, – догадался Хэрод, прищурясь, чтобы отчетливее смаковать их ощущения. – Кристен и Габи». Работать с двумя было непросто. Надо было быстро переходить от одной к другой, не теряя контакта с первой. Это походило на игру в теннис с самим собой – долго так не поиграешь. Но долго забавляться было и незачем. Хэрод закрыл глаза и улыбнулся.

* * *

Когда он вернулся из сауны, с мокрыми волосами, в золотистом халате и шелковой пижаме, Мария Чэнь стояла у окна и смотрела на небольшую толпу, распеваящую рождественский гимн вокруг запряженных лошадьми саней. В холодном воздухе эхом разносились смех и мелодия «Рождественской елки». Мария отвернулась от окна.

– Где? – быстро спросил Хэрод.

Она открыла свой чемодан, вытащила пистолет сорок пятого калибра и положила его на журнальный столик. Тони взял оружие, щелкнул курком и кивнул:

– Я так и думал, что тебя не будут трясти на таможне. Где обойма?

Мария снова полезла в чемодан, достала три магазина и положила рядом на стеклянную поверхность стола.

– Хорошо, – одобрил Хэрод. – Давай теперь посмотрим, где это долбаное место. – Он разложил бело-зеленую топографическую карту на столе, прижав один конец пистолетом, а другой – обоймой. Коротким пальцем он ткнул в скопление точек по обеим сторонам красной линии. – Тут Байриш-Айзенштейн, а тут мы. – Палец передвинулся на два-три сантиметра к северо-западу. – Поместье Вилли вот за этой горой...

– Большой Арбер, – подсказала Мария Чэнь.

– Пусть большой. Прямо посреди вот этого леса...

– Баварского леса, – уточнила она.

Хэрод несколько мгновений тупо смотрел на нее, потом снова перевел взгляд на карту:

– Поместье – часть национального парка или вроде того... Но все равно это частная собственность. Вот и поди разберись в этом говне.

– В американских национальных парках тоже есть частные владения, – пояснила Мария Чэнь. – И потом, предполагается, что в доме никто не живет.

– Ну да. – Хэрод свернул карту и вышел в свой номер через смежную дверь. Через минуту он вернулся со стаканом виски, купленного беспопытно в аэропорту Хитроу. – Ладно. Ты все поняла насчет завтрашнего дня?

– Да, – кивнула Мария.

– Если его там нет, все в порядке. А если он там один и захочет разговаривать со мной, тоже никаких проблем.

– А если проблемы возникнут?

Хэрод сел, поставил виски на стол и с треском вогнал обойму в рукоять пистолета. Потом протянул оружие Марии:

– А если проблемы возникнут, ты его застрелишь. Его или любого, кто там будет с ним. Стреляй в голову. Дважды, если позволит время. – Он направился к двери, затем остановился. – Есть еще вопросы?

– Нет. – Она помотала головой.

Хэрод вошел в свою комнату и закрыл дверь. Мария Чэнь услышала, как щелкнул замок. Некоторое время она сидела, держа пистолет в руке, прислушиваясь к доносившимся с улицы звукам рождественского праздника и глядя на тонкую полоску желтого света под дверью комнаты Тони Хэрода.

Глава 9

Вашингтон, округ Колумбия

Четверг, 18 декабря 1980 г.

Арнольд Барент попрощался с только что избранным президентом, вышел из отеля «Мейфлауэр» и, заехав в отдел ФБР, отправился в национальный аэропорт. Перед его лимузином двигался серый «мерседес», позади – синий, обе машины принадлежали одной из его компаний. Люди, сидевшие в них, были вышколены не хуже, чем агенты секретной службы, которыми был набит «Мейфлауэр».

– Мне показалось, что все сложилось удачно, – сказал Чарльз Колбен, второй пассажир лимузина; кроме их двоих и шофера, в машине больше никого не было.

Барент кивнул.

– Президент с пониманием отнесся к вашим предложениям, – продолжил Колбен. – Возможно, он даже посетит собрание Клуба Островитян в июне. Это будет очень интересно. К нам никогда еще не приезжал правящий президент.

– Избранный президент, – поправил Барент и добавил: – Вы сказали, что он с пониманием отнесся к моим предложениям. Вы имели в виду избранного президента? До января нашим президентом является мистер Картер.

Колбен презрительно фыркнул.

– Что говорят ваши службы насчет заложников? – тихо спросил Барент.

– О чем вы?

– Когда их отпустят? В последние часы пребывания Картера у власти? Или уже при следующей администрации?

Колбен пожал плечами:

– Мы же ФБР, а не ЦРУ. Нам положено работать внутри страны, а не за рубежом.

Барент кивнул и едва заметно улыбнулся:

– И одна из ваших задач внутри страны – шпионить за ЦРУ. Так что я повторяю свой вопрос: когда заложники вернутся домой?

Колбен нахмурился и, посмотрев в окно на голые деревья у дороги, сказал:

– За сутки до или в течение суток после церемонии инаугурации. Точнее узнать не удалось. Но аятолла целых полтора года имел Джимми в задницу. Непонятно, с какой стати он кинет ему эту кость.

– Я с ним однажды встречался, – заметил Барент. – Интересная личность.

– Что? Кто интересная личность?

Колбен слегка смешался. Картер с женой несколько раз за последние четыре года гостил у Барента в его поместье в Палм-Спрингс и в замке «Тысяча островов».

– Аятолла Хомейни, – терпеливо объяснил Барент. – Когда он находился в ссылке во Франции, я ездил к нему из Парижа. Один друг подсказал, что имам может показаться мне забавным.

– Забавным? Этот фанатичный ублюдок – забавный?

Барент слегка нахмурился, он не любил грубых выражений. Во время встречи с Тони Хэродом он употребил слово «сука» лишь потому, что считал это слово вульгарным, – так проще втолковать суть вульгарному человеку.

– Да, это было забавно. – Барент уже сожалел, что затеял этот разговор. – Мы пообщались с ним минут пятнадцать через переводчика, хотя мне сообщили, что он понимает по-французски. Вам никогда не догадаться, что этот фанатик попытался сделать во время беседы.

– Попросил вас субсидировать его революцию? – спросил Колбен таким тоном, что было ясно – ему это совершенно не интересно.

– Он попытался меня Использовать. – Барент снова улыбнулся, вспомнив тот эпизод. – Я чувствовал, как он слепо, инстинктивно пытался пролезть в мой мозг. У меня создалось такое впечатление, что он уверен, будто является единственным человеком, обладающим Способностью. И еще мне показалось, что он считает себя Богом, Аллахом во плоти.

Колбен снова пожал плечами:

– Если бы у Картера хватило соплей послать несколько В – пятьдесят два сразу же после того, как ублюдки захватили наших, от Хомейни осталось бы мало божеского.

Барент решил сменить тему.

– А где сегодня наш друг мистер Хэрод? – поинтересовался он.

Колбен вытащил ингалятор, приложил его поочередно к обеим ноздрям и поморщился.

– Он со своей секретаршей, или кем она там ему приходится, прошлой ночью вылетел в Западную Германию.

– Я полагаю, чтобы проверить информацию о своем друге? Возможно, Вилли жив-здоров и вернулся на родину, – сказал Барент.

– Ну да.

– А вы послали кого-нибудь с ними?

Колбен мотнул головой:

– Незачем. Траск наблюдает за замком через своих людей во Франкфурте и в Мюнхене. Он знает их еще с тех времен, когда работал на ЦРУ. Хэрод в любом случае направится туда. Мы просто будем следить за переговорами.

– И как вы думаете, найдет он что-нибудь?

Чарльз Колбен пожал плечами.

– Не верите, что наш мистер Борден жив, не так ли?

– Да. Мне он почему-то не кажется таким уж чертовски умным и ловким, – сказал Колбен. – Это ведь была наша идея поговорить с той женщиной, мисс Дрейтон, чтобы убрала его... Мы все единодушно решили, что его действия становятся слишком заметными, ведь так?

– Да, – кивнул Барент. – А потом мы вдруг узнаём, что Нина Дрейтон позволила себе кое-какие неосмотрительные шаги. Жаль, конечно.

– Чего жаль?

Барент взглянул на лысого чиновника:

– Жаль, что они не входили в Клуб Островитян. Они были очень заметными личностями.

– Херня все это, – выругался Колбен. – Психи они были долбаные, вот и все.

Лимузин остановился, и замки на дверце рядом с Колбеном щелкнули. Барент глянул в окно на уродливый боковой вход нового здания ФБР.

– Вам выходить, – сказал он, а потом, когда Колбен уже стоял на тротуаре и шофер готовился захлопнуть дверцу, добавил: – Чарльз, что-то надо делать с вашей манерой выражаться.

Колбен так и остался стоять с раскрытым от удивления ртом, глядя вслед удаляющемуся лимузину.

Поездка к национальному аэропорту заняла всего несколько минут. Специальный «Боинг-747» ждал Барента у его собственного ангара. Двигатели гудели, кондиционеры работали, а рядом с любимым креслом Барента стоял стакан охлажденной минеральной воды. Дон Митчелл, пилот, вошел в пассажирский салон.

– Все готово, мистер Барент, – доложил он. – Мне надо сообщить диспетчеру наш маршрут. Куда мы направляемся, сэр?

– Я бы хотел полететь на свой остров. – Барент отхлебнул из стакана.

Митчелл сдержанно улыбнулся старой шутке. К. Арнольд Барент был владельцем почти четырехсот островов по всему свету, и на двадцати из них у него имелись особняки и дворцы.

– Да, сэр, – козырнул пилот, продолжая ждать.

– Передайте диспетчеру, что мы выбираем план полета «Е». – Он встал, держа в руке стакан, и направился к двери спальни. – Я дам знать, когда буду готов.

– Да, сэр. – Митчелл снова козырнул. – У нас разрешение взлетать в любое время в течение ближайших пятнадцати минут.

Барент кивнул и подождал, пока пилот не уйдет.

Спецагент Ричард Хейнс сидел на огромной, королевских размеров кровати. Когда Барент вошел в спальню, тот поднялся, но Барент махнул рукой, и Хейнс снова сел. Допив воду, Барент снял пиджак, галстук и рубашку, затем бросил скомканную рубашку в корзину для белья и вытащил свежую из ящика, встроенного в кормовую переборку.

– Ну, что нового, Ричард? – спросил он, застегивая пуговицы.

Хейнс моргнул и заговорил:

– Куратор Колбен и мистер Траск опять встречались сегодня утром, перед вашей беседой с избранным президентом. Траск – член переходной команды...

– Да, да, – кивнул Барент. – А что там насчет ситуации в Чарлстоне?

– ФБР контролирует работу по этому делу, – сообщил Хейнс. – Бригада, расследующая авиакатастрофу, пришла к заключению, что самолет был уничтожен бомбой замедленного действия. Один из пассажиров – в списке он фигурирует как Джордж Хаммел – воспользовался кредитной карточкой, украденной, как показала проверка, в Бар-Харборе, штат Мэн.

– Мэн, – повторил Барент; Ниман Траск был помощником сенатора от штата Мэн. – Небрежная работа.

– Да, сэр, – согласился Хейнс. – Во всяком случае, мистер Колбен был очень обеспокоен вашим распоряжением не мешать шерифу Джентри вести расследование. Вчера он встречался с мистером Траском и мистером Кеплером в отеле «Мейфлауэр». Я уверен, что тем же вечером они послали людей в Чарлстон.

– Кого-нибудь из «чистильщиков» Траска?

– Да, сэр.

– Ладно. Продолжайте, Ричард.

– Сегодня примерно в девять двадцать утра по восточному времени шериф Джентри перехватил человека, который следил за ним из «плимута» семьдесят шестого года выпуска. Шериф предпринял попытку арестовать его, но водитель «плимута» оказал сопротивление, а затем перерезал себе горло ножом с выкидным лезвием, изготовленным во Франции. В картеке Чарлстона он не значится, анализ отпечатков пальцев и регистрационных данных автомобиля ничего не дал. Сейчас делаются попытки идентифицировать труп по состоянию зубов, но на это потребуется несколько дней.

– Если это один из «чистильщиков» Траска, они ничего не найдут, – задумчиво проговорил Барент. – Шериф не пострадал?

– Нет, сэр, судя по сообщению нашего наружного наблюдения.

Барент кивнул, снял с вешалки шелковый галстук и принялся его завязывать. Щупальца его мозга потянулись к сознанию спецагента Ричарда Хейнса. Он наткнулся на щит, делавший Хейнса нейтралом, – щит из крепкой скорлупы, ограждавший волнуемое море мыслей, амбиций и темных желаний – всего того, что составляло личность агента Хейнса. Как и многие другие, обладавшие Способностью, Колбен выбрал себе в ближайшие помощники нейтрала. Хейнса нельзя было запрограммировать, но, с другой стороны, его не мог перевербовать кто-то с более мощной Способностью. Так, во всяком случае, полагал Колбен.

Барент скользил по поверхности щита сознания, пока не нашел в нем трещину – а ее всегда можно найти. Он проник глубже, сломал жалкую защиту Хейнса и внедрил свою волю в самую основу сознания агента. Когда Барент коснулся центра удовольствия Хейнса, тот расслабился и закрыл глаза.

– Где эта женщина, Мелани Фуллер? – спросил Барент.

Хейнс открыл глаза:

– После той шумихи в аэропорту Атланты в понедельник вечером никаких известий нет.

– Удалось засечь, откуда был телефонный звонок?

– Нет, сэр. Оператор в аэропорту полагает, что это был местный звонок.

– Как вы думаете, есть ли у Колбена, Кеплера или Траска какая-либо другая информация о том, где находится Фуллер? Или Вилли?

Хейнс секунду помедлил и покачал головой:

– Нет, сэр. Когда найдут его или ее, информация поступит через ФБР по обычным каналам. Я буду знать об этом одновременно с мистером Колбеном.

– Лучше, если раньше, – улыбнулся Барент. – Благодарю вас, Ричард. Как всегда, ваше общество меня приободрило. Вы сможете найти Лестера на его обычном месте, если захотите связаться со мной. Как только у вас будет какая-то информация о местонахождении Мелани Фуллер либо нашего друга из Германии, немедленно сообщите мне.

– Да, сэр. – Хейнс повернулся к выходу.

– Ричард... – Барент натянул синий кашемировый свитер. – Вы все еще считаете, что шериф Джентри и этот психиатр...

– Ласки, – подсказал агент.

– Да. – Барент улыбнулся. – Вы считаете, что контракты с этими двумя джентльменами следует официально разорвать?

– Считаю. – Хейнс нахмурился и продолжил, осторожно выбирая слова: – Джентри слишком сообразительный малый. Поначалу я решил, что его столь сильное волнение из-за убийств в «Мансарде» связано с подрывом его репутации, но потом убедился, что он воспринял их как нечто задевающее его лично. Простой толстый деревенский полисмен, вот и все.

– Но сообразительный.

– Да. – Хейнс снова нахмурился. – Я не уверен насчет Ласки, но, по-моему, он слишком... слишком глубоко в это вовлечен. Он знал мисс Дрейтон и...

– Хорошо, – кивнул Барент. – Насчет Ласки у нас могут быть и другие планы. – Он посмотрел на агента долгим взглядом. – Ричард...

– Да, сэр?

Барент соединил кончики пальцев.

– Я давно хочу вас спросить. До того как мистер Колбен вступил в Клуб, вы уже несколько лет работали на него, ведь так?

– Да, сэр.

Барент коснулся нижней губы сложенными домиком пальцами.

– Вопрос, который я хочу задать, Ричард... Почему?

Агент нахмурился, он не понял, о чем идет речь.

– Я имею в виду, – продолжил Барент, – зачем делать все эти вещи, о которых Чарльз вас просил?.. И теперь еще просит... Ведь у вас есть выбор.

Лицо Хейнса прояснилось. Он улыбнулся, демонстрируя идеальные зубы:

– Ну, наверное, мне нравится моя работа... Это все на сегодня, мистер Барент?

Тот с секунду внимательно смотрел на него, потом кивнул.

Через пять минут после того, как Хейнс ушел, Барент вызвал пилота по внутренней связи:

– Дональд, взлетайте. Я бы хотел отправиться к себе на остров.

Глава 10

Чарлстон

Среда, 17 декабря 1980 г.

Сола разбудили голоса детей, игравших на улице, и сначала он никак не мог сообразить, где находится. Не в своей квартире, это точно. Он лежал на складной кровати под окном с желтыми занавесками. На секунду эти желтые занавески напомнили ему их дом в Лодзи, крики детей вызвали в памяти образы Стефы и Йозефа...

Нет, дети кричали слишком громко по-английски. Чарлстон. Натали Престон. Он вспомнил, как рассказывал ей вчера свою историю, и почувствовал смущение, словно эта молодая черная женщина видела его нагим. И зачем только он рассказал ей обо всем? После стольких лет... Почему?

– Доброе утро. – Натали заглянула в дверь. На ней был красный шерстяной свитер и узкие джинсы.

Сол сел в постели и потер глаза. Его рубашка и брюки, аккуратно сложенные, висели на спинке софы.

– Доброе утро.

– На завтрак яичница с беконом и тосты. Сойдет?

В комнате запахло свежемолотым кофе.

– Отлично, – сказал Сол, – только бекон – это не для меня.

Натали с досадой хлопнула себя ладонью по лбу.

– Ну конечно! – воскликнула она. – По религиозным мотивам?

– Нет, из-за холестерина.

За завтраком они говорили о жизни в Нью-Йорке, об учебе в Сент-Луисе, о том, что это такое – вырасти на юге.

– Это трудно объяснить, – сказала Натали, – но почему-то жить здесь проще, чем на севере. Расизм, конечно, еще жив, но... он меняется. Возможно, люди на юге так давно играют каждый свою роль, и в то же время им теперь приходится приспосабливаться. Наверное, поэтому они ведут себя более честно. На севере все принимает гораздо более грубые и злобные формы.

– Я не думал, что Сент-Луис северный город, – улыбнулся Сол. Он доел тосты и теперь попивал кофе.

Натали рассмеялась:

– Нет, конечно, но он и не южный. Скорее это нечто среднее. Я больше имела в виду Чикаго.

– Вы жили в Чикаго?

– Я провела там часть лета. Папа устроил меня на работу через своего старого друга из «Чикаго трибюн». – Она замолчала, неподвижно глядя в чашку.

– Я понимаю, вам трудно, – тихо сказал Сол. – На время забываешься, потом случайно упоминаешь имя, и все возвращается снова...

Натали кивнула.

Сол посмотрел в окно на длинные листья низкорослой пальмы. Окно было приоткрыто, и сквозь сетку проникал теплый ветерок. Трудно было поверить, что сейчас середина декабря.

– Вы собираетесь стать учителем, но ваша первая привязанность, похоже, фотография. Натали опять кивнула, встала и еще раз наполнила кофейные чашки.

– Мы заключили с папой нечто вроде соглашения, – сказала она, на сей раз заставив себя улыбнуться. – Он обещал помочь мне научиться фотографировать, если я соглашусь получить образование по какой-нибудь «настоящей профессии», как он это называл.

– Вы собираетесь преподавать?

– Возможно.

Она вновь улыбнулась, уже через силу, и Сол отметил про себя, что у нее прекрасные зубы, а улыбка делает лицо милым и застенчивым.

Он помог ей вымыть посуду, а потом они налили себе еще кофе и вышли на небольшое крыльцо. Машин на улице было мало, детские голоса смолкли. Сол вспомнил, что сегодня среда; детишки, наверное, ушли в школу. Они уселись в белые плетеные кресла, друг напротив друга. Натали накинула на плечи легкий плед, а Сол свою удобную, хотя и немного помятую куртку.

– Вы обещали рассказать вторую часть вашей истории, – сказала Натали.

Он кивнул:

– А вам не показалась первая часть чересчур фантастичной, чем-то напоминающей бред сумасшедшего?

– Вы же психиатр. Вы не можете быть сумасшедшим.

Сол громко рассмеялся:

– О-о-о, я мог бы тут такого порассказать...

Натали улыбнулась:

– Ладно, об этом позже. Сначала вторую часть.

Он помолчал, помешивая ложечкой в чашке кофе.

– Итак, вам удалось убежать от этого негодяя-оверста, – подсказала Натали.

На минуту Сол закрыл глаза, затем вздохнул и слегка откашлялся. Когда он заговорил, в голосе его почти не было никаких эмоций, лишь слабый намек на грусть.

Через некоторое время Натали тоже закрыла глаза, чтобы лучше представить себе ту картину, которую воспроизводил ее гость своим тихим, проникновенным и чуточку печальным голосом.

* * *

– В ту зиму сорок второго еврея в Польше действительно некуда было податься. Я неделями бродил по лесам к северу и западу от Лодзи. В конце концов кровь из раны перестала сочиться, но заражение казалось неизбежным. Я обернул ногу мхом, обмотал ее тряпками и продолжал идти. След, оставленный пулей на боку и правом бедре, болел и кровоточил много дней, пока не затянулся. Я воровал еду на фермах, держался подальше от дорог и старался не попадаться на глаза группам польских партизан, действовавшим в этих лесах. Партизаны пристрелили бы еврея так же охотно, как и немцы.

Не знаю, как я выжил той зимой. Помню, две крестьянские семьи, христиане, позволяли мне прятаться в кучах соломы у них в сараях и давали еду, хотя у самих ее почти не осталось.

Весной я отправился на юг в надежде найти ферму дяди Моше возле Кракова. Документов у меня не было, но мне удалось пристать к группе рабочих, возвращавшихся со строительства немецких оборонительных сооружений на востоке. К весне сорок третьего уже не подлежало сомнению, что Красная армия скоро будет на польской земле.

До фермы дяди Моше оставалось восемь километров, когда один из рабочих выдал меня. Меня арестовала польская «синяя полиция» и допрашивала три дня, хотя ответы мои их, по-

моему, не интересовали, им был нужен лишь предлог для избиений. Затем они передали меня немцам.

Гестапо тоже не проявило особого интереса к моей особе, полагая, очевидно, что я – один из многих евреев, покинувших город либо сбежавших во время перевозки по железной дороге. В немецкой сети для евреев было множество дыр. Как и в других оккупированных странах, готовность поляков сотрудничать с немцами сделала почти невозможной любую попытку евреев избежать лагерей смерти.

Неизвестно, по какой причине меня отправили на восток, хотя Аушвиц, Хелмно, Бельзен и Трешлинка были гораздо ближе. Нас везли через всю Польшу четыре дня в plombированном вагоне, за это время погибла треть из находившихся там людей. Потом двери с грохотом распахнулись, и мы, шатаясь, выбрались наружу, вытирая слезившиеся от непривычного света глаза. Оказалось, нас привезли в Собибор.

И там я снова увидел оберста.

Собибор был лагерем смерти. Там не было заводов, как в Аушвице либо Бельзене, никаких попыток ввести в заблуждение, как в Терезиенштадте или Хелмно, не было издевательского лозунга «Arbeit Macht Frei»³² над воротами, украшавшего многие нацистские двери в ад. В сорок втором и сорок третьем у немцев работали шестнадцать огромных концентрационных лагерей, таких как Аушвиц, более пятидесяти лагерей поменьше, сотни трудовых лагерей и лишь три *Vernichtungslager* – лагеря смерти, предназначенные чисто для уничтожения: Бельзен, Трешлинка и Собибор. Они просуществовали всего двадцать месяцев, но там умерло больше двух миллионов евреев.

Собибор был небольшим лагерем, меньше Хелмно, и располагался на реке Буг. Эта река до войны служила восточной границей Польши. Летом сорок третьего Красная армия теснила вермахт назад, к этой границе. К западу от Собибора простирался девственный Парчев лес, лес Сов.

Весь лагерный комплекс занимал площадь не больше трех-четырёх полей для игры в американский футбол, но он очень эффективно выполнял свою функцию «скорейшего достижения окончательного решения еврейского вопроса», на чем настаивал Гиммлер.

Я не сомневался, что скоро погибну. Нас высадили из вагонов и загнали за высокую живую изгородь по коридору из колючей проволоки. Проволока была покрыта пучками соломы, так что мы ничего не видели, кроме высокой караульной вышки, верхушек деревьев и двух кирпичных труб впереди. К лагерю вели три указателя: «столовая», «душевая», «дорога в небо». Кто-то в Собиборе продемонстрировал, очевидно, эсэсовское чувство юмора. Нас отправили в душевые.

Евреи, привезенные из Франции и Голландии, шли довольно покорно, но я помню, как польских евреев немцам приходилось с проклятиями подталкивать прикладами. Рядом со мной старик выкрикивал ругательства и грозил кулаком эсэсовцам, которые заставили нас раздеться.

Не могу точно описать, что я чувствовал, когда вошел в душевую. Во мне не было ненависти, лишь немного страха. Возможно, из всех чувств преобладало облегчение. Почти четыре года мною владело одно могучее желание – выжить. Подчиняясь этому желанию, я просто наблюдал, как евреев, таких же как я, заталкивали в адскую пасть немецкой машины уничтожения. И не только наблюдал, иногда я сам помогал этой машине. Теперь же я мог отдохнуть. Я сделал все, чтобы выжить, но этому пришел конец. Единственное, о чем я сожалел, – это то, что мне пришлось убить Старика, а не проклятого оберста. В тот момент оберст олицетворял для меня все зло мира, и, когда за нами захлопнулись тяжелые двери душевой, перед глазами у меня стояло именно его лицо.

³² «Труд освобождает» (нем.).

Помещение было набито битком, все толкали друг друга, кричали, стонали. Сначала ничего не происходило, потом трубы задрожали и заурчали, и, когда вместо газа сверху хлынули потоки воды, люди просто шарахнулись от них. Я стоял как раз под душем и, подняв лицо, подставил его под струи, вспоминая о своей семье и сожалея, что не попрощался с матерью и сестрами. И тут на меня вместе с водой накатила волна ненависти, я готов был найти этого арийца и сразиться с ним, чем бы это для меня ни кончилось. А люди вокруг кричали, трубы тряслись и гудели, выплевывая на нас потоки воды.

Господи, те самые душевые, в которых каждый день погибали тысячи людей, использовались и по своему прямому назначению! Какое это было наслаждение – просто смыть с себя грязь и остаться в живых. Наконец нас вывели наружу и подвергли дезинфекции, затем обрили нам головы. Мне выдали тюремный комбинезон и вытатуировали на руке номер. Боли я, пожалуй, и не испытывал.

В Собиборе, где так эффективно «обрабатывали» столько тысяч людей в день, каждый месяц отбирали заключенных для работы по лагерю и прочих дел. В тот раз выбрали наш эшелон.

Все еще оглушенный, я отказывался верить, что меня снова выпустили на свет, резавший глаза, и избрали для какой-то миссии. Я по-прежнему отказывался верить в Бога – любой бог, предавший свой народ, не заслуживал моей веры... Но с того момента я поверил, что есть какая-то причина, ради которой я должен жить. Причину эту можно было представить себе в виде оберста, явившегося мне, когда я готов был умереть. Никто – и меньше всего семнадцатилетний паренек – не мог осознать всей безмерности того зла, которое поглотило мой народ. Но я вполне мог понять недозволенность существования таких, как оберст. Я сказал себе: я буду жить. Жить несмотря на то, что внутри меня уже не осталось этого страстного желания, жить для того, чтобы свершилось то, что уготовано мне. Я вынесу все, лишь бы настал день, когда придет конец этому непотребству.

В течение следующих трех месяцев я находился в лагере-один в Собиборе. Лагерь-два был промежуточной инстанцией, из лагеря-три никто никогда не возвращался. Я ел, что давали, спал, когда позволяли спать, испражнялся, когда мне приказывали, и исполнял свои обязанности в качестве *Bahnhofkommando*.³³ На мне была синяя фуражка и синий комбинезон с нашитыми на них желтыми буквами «ВК». Несколько раз в день мы выходили встречать прибывающие эшелоны. И до сих пор, когда я не могу заснуть ночью, я вижу надписи мелом на этих запечатанных вагонах – места, откуда они прибыли: Туробин, Горзков, Влодава, Седльце, Избица, Маргузов, Комары, Замосць. Мы собирали багаж евреев, ошеломленных тем, что случилось с ними, и раздавали им багажные бирки. Из-за сопротивления польских евреев, сильно замедляющего обработку, немцы снова взяли за правило сообщать людям, выжившим в эшелонах, что Собибор – это всего лишь перевалочный пункт, место отдыха на пути к центрам переселения. Одно время на станции даже висели указатели с обозначением расстояний в километрах до этих мифических центров. Польские евреи не очень верили этим указателям, но в конце концов они тоже шли в душевые вместе со всеми. А эшелоны все прибывали: Баранов, Рыки, Дубенка, Бяла-Польска, Ухане, Демблин, Рейовец. По крайней мере раз в день мы раздавали евреям из гетто открытки, на которых был текст: «Мы прибыли в центры переселения. Работа на ферме тяжелая, но много солнца, а также много отличной еды. Ждем вашего скорого приезда». Они надписывали адреса на этих открытках и ставили свои подписи, а потом их уводили и травили газом.

К концу лета, когда гетто опустели, эта уловка уже была не нужна. Консковола, Йозефов, Мехув, Грабовиц, Люблин, Лодзь. В некоторых эшелонах живых не было. Тогда мы из *Bahnhofkommando* откладывали свои багажные квитанции в сторону и вытаскивали обнажен-

³³ Вокзальная команда (нем.).

ные трупы из вонючих вагонов. Здесь все было как в душегубках в Хелмно, только тела эти лежали в тисках смерти дни и недели, пока вагоны стояли где-нибудь на запасном пути, на полустанке в сельской местности под палящим летним солнцем. Однажды я потащил труп молодой женщины, обнявшей ребенка и женщину постарше, и рука ее оторвалась.

Я проклинал Бога, и при этом мне мерещилась издевательская улыбка оберста. Но я знал, что буду жить.

В июле Собибор посетил Генрих Гиммлер. На этот день было назначено прибытие специальных эшелонов западноевропейских евреев, и он хотел лично понаблюдать за их «обработкой». Вся процедура от прибытия эшелона до последней струйки дыма, поднимавшейся из шести печей, занимала менее двух часов. За это время все пожитки евреев были конфискованы, рассортированы, пронумерованы, сложены в контейнеры и занесены в grossбухи. Даже волосы женщин в лагере-два обрезают и потом использовали для изготовления войлока или подкладки сапог, которые носили подводники. У немцев-педантов никогда ничего не пропадало зря.

Я как раз сортировал багаж в зоне прибытия, когда мимо, в сопровождении коменданта и многочисленной свиты, прошел шеф гестапо. Я почти не запомнил Гиммлера – невзрачный коротышка в очках, с усиками бюрократа, – но за ним следовал молодой светловолосый офицер. Я сразу узнал оберста. Он как раз наклонился и что-то сказал на ухо Гиммлеру, рейхсфюрер СС запрокинул голову и рассмеялся странным, почти женским смехом.

Они прошли метрах в пяти от меня. Я постарался нагнуться пониже, но когда все же поднял глаза, то увидел, что оберст смотрит в мою сторону. Не думаю, что он меня узнал. Прошло всего восемь месяцев после событий в Хелмно и в замке, но для оберста я, скорее всего, был лишь одним из многих евреев-заключенных, сортирующих багаж мертвых. Я раздумывал всего несколько секунд. Это был мой шанс, но я промедлил, и шанс был упущен. Возможно, в тот момент я смог бы добраться до оберста, схватить его за горло до того, как раздадутся выстрелы. Может, мне даже удалось бы выхватить пистолет у одного из офицеров, окружавших Гиммлера, и выстрелить прежде, чем оберст поймет, что ему грозит опасность.

С тех пор я много раз думал, не было ли там чего-то еще, кроме неожиданности и нерешительности, что остановило меня. Страх мой умер вместе со всем, что оставалось от моего духа, за несколько недель до этой встречи, в той герметически закупоренной душевой. Как бы то ни было, я колебался несколько секунд, а может, и минуту, и время было потеряно навсегда. Гиммлер со свитой двинулись дальше и прошли через ворота в штаб комендатуры – место, известное под названием «Веселая блоха». Я все стоял и смотрел на ворота, за которыми они скрылись, пока сержант Вагнер не заорал на меня: я должен был либо работать, либо отправляться в «больницу». Никто никогда не возвращался из той «больницы». Опустив голову, я снова принялся за работу.

Я был наготове весь день, не спал ночь и весь следующий день ждал, не появится ли оберст, но он не появился. Гиммлер со свитой исчезли ночью.

Четырнадцатого октября евреи Собибора подняли восстание. Я слышал разговоры о его подготовке, но они казались мне до того неправдоподобными, что я не обращал на них внимания. В конце концов весь тщательно продуманный план привел к уничтожению нескольких охранников и безумному рывку примерно тысячи евреев к главным воротам. В первую же минуту большинство их скосил пулеметный огонь. Некоторые в наступившей суматохе прорвались сквозь проволочную ограду позади лагеря. Бригада, в которой был я, как раз возвращалась со станции, когда вспыхнуло это восстание. Конвоировавшего нас капрала забила насмерть хлынувшая в ту сторону толпа, и у меня не было другого выбора, как бежать со всеми остальными. Я был уверен, что украинцы на вышке будут стрелять прежде всего по людям в синих комбинезонах вроде меня. Но я добежал до первых деревьев как раз в тот момент, когда двух

женщин, бежавших рядом, скосило огнем с вышек. В лесу я переоделся в серую тюремную робу старика, который добрался сюда, под защиту деревьев, и уже здесь его достала шальная пуля.

По моей прикидке, в тот день из лагеря убежало сотни две заключенных, поодиночке или небольшими группами, большинство из которых не имели руководителей. Та группа людей, что спланировала побег, не предусмотрела, как действовать, чтобы выжить на свободе. Многие беглые евреи и русские военнопленные впоследствии были пойманы немцами либо выловлены и перебиты польскими партизанами. Другие пытались укрыться на ближайших фермах, но там их быстро выдали немцам. Лишь единицы выжили в лесу, да еще некоторые перебрались через Буг, навстречу наступающей Красной армии.

Мне повезло. На третий день блуждания по лесу меня обнаружили члены еврейской партизанской группы, называвшейся «Хиль». Командиром у них был храбрый, совершенно не знавший страха человек по имени Йехиэль Гриншпан. Он принял меня в отряд и приказал врачу подлечить и подкормить меня. Наконец-то мою рану правильно обработали. В течение пяти месяцев я скитался с этим отрядом по лесу Сов, помогал хирургу, доктору Ячику, и спасал жизни людей, когда мог, даже если это были немцы.

Вскоре после того побега нацисты закрыли лагерь в Собиборе. Они снесли бараки, разобрали печи и засадили картофелем поля, где во рвах лежали тысячи трупов, не сгоревшие в крематории. К тому времени, когда наши партизаны отпраздновали еврейскую Хануку, большая часть Польши уже находилась в состоянии хаоса – вермахт отступал на запад и на юг. В марте ту местность, где мы действовали, освободили войска Красной армии, и война для меня закончилась.

В течение нескольких месяцев советские военные власти держали меня в заключении и допрашивали. Некоторые бойцы «Хили» попали в советские лагеря «для перемещенных лиц», но меня в мае отпустили, и я вернулся в Лодзь. Еврейское гетто было не просто опустошено – его уничтожили. Во время наступления был разрушен и наш старый дом в западном районе города.

В августе сорок пятого я перебрался в Краков, а оттуда поехал на велосипеде на ферму дяди Моше. Там уже жила другая – христианская – семья, купившая во время войны ферму у гражданских властей. Они сказали, что ничего не знают о местонахождении прошлых владельцев.

В эту же поездку я посетил Хелмно. Советские власти объявили эту территорию запретной зоной, и меня даже не подпустили к лагерю. Я прожил неподалеку от него пять дней и каждый день ездил на велосипеде по всем проселкам и тропинкам. В конце концов я нашел тот замок, вернее, его руины. Он был сожжен то ли артиллерийским огнем, то ли отступавшими немцами, и там не осталось практически ничего, кроме разбросанных камней, обгоревших бревен да обожженного дымохода. Шахматный пол главного зала тоже не сохранился.

На поляне, где когда-то смертниками была вырыта неглубокая могила, я обнаружил следы недавних раскопок. Вокруг валялось множество окурков русских папирос. Я пробо-вал расспрашивать в местной гостинице, но крестьяне утверждали, что о раскопках братских могил ничего не знают. Они также настаивали, причем довольно агрессивно, будто никто вокруг и не подозревал, чем на самом деле являлся лагерь в Хелмно. Я уже притомился спать, как бродяга, на открытом воздухе и хотел было переночевать в гостинице, перед тем как отправиться на велосипеде на юг, но сделать это мне не удалось. Евреев в гостиницу не пускали. На следующий день я отправился в Краков на поезде, искать работу.

Зима сорок пятого – сорок шестого года была почти такой же трудной, как зима сорок первого – сорок второго. Формировалось новое правительство, но в действительности население беспокоили много более серьезные вещи: отсутствие продовольствия, горючего, черный рынок, беженцы, тысячами возвращавшиеся домой, чтобы начать жизнь сначала, и в особенности советская оккупация. В течение сотен лет мы сражались с русскими, покоряли их, в

свою очередь сопротивлялись вторжению, жили под угрозой с их стороны, а затем приветствовали как освободителей. Мы только очнулись от кошмара немецкой оккупации, как наступило холодное утро русского освобождения. Как и все поляки, я был истощен, пребывал в состоянии оцепенения и несколько удивлялся тому, что все еще жив. Единственным сильным желанием было пережить хотя бы еще одну зиму.

Весной сорок шестого пришло письмо от моей кузины Ребекки. Она со своим мужем-американцем жила в Тель-Авиве. Ей пришлось потратить несколько месяцев, отправляя письма, устанавливая контакты с чиновниками, рассылая телеграммы агентствам и разным учреждениям в надежде разыскать хотя бы следы кого-нибудь из семьи. Она нашла меня через своих друзей из Международного Красного Креста.

Я написал ей, и вскоре пришла телеграмма, в которой она настойчиво приглашала меня приехать к ней в Палестину. Они с Давидом предлагали прислать мне деньги на билеты.

Я вовсе не был сионистом, более того, наша семья никогда не признавала существования Палестины как возможного еврейского государства, но, когда я сошел с битком набитого турецкого сухогруза в июне сорок шестого на землю, которой суждено было стать нашей «землей обетованной», с плеч моих, казалось, свалилось тяжелое ярмо, и я впервые вздохнул свободно с того рокового восьмого сентября тридцать девятого года. Признаюсь, в тот день я упал на колени и глаза мои наполнились слезами.

Возможно, моя радость по поводу обретения свободы оказалась преждевременной. Через несколько дней после моего приезда в Палестину в отеле «Царь Давид» в Иерусалиме, где располагалось британское командование, произошел взрыв. Оказалось, что и Ребекка, и ее муж Давид участвуют в движении «Хагана».

Полтора года спустя я вместе с ними включился в борьбу за независимость, однако, несмотря на свою партизанскую подготовку и опыт, принимал участие в военных действиях только в качестве санитара. Я чувствовал ненависть, но вовсе не по отношению к арабам.

Ребекка настояла, чтобы я продолжил учебу. В то время Давид был уже представителем очень приличной американской компании в Израиле, поэтому с деньгами проблем не было. Так и случилось, что довольно посредственный школьник из Лодзи, чье образование было прервано на пять лет, вернулся за парту уже мужчиной, покрытым шрамами и в двадцать три года чувствовавшим себя стариком.

Совершенно неожиданно вышло так, что на этом поприще я сделал успехи. Поступил в университет в пятидесятом году, а три года спустя уже учился на медицинском факультете. Два года я проучился в Тель-Авиве, год и три месяца в Лондоне, год в Риме и одну очень дождливую весну в Цюрихе. Когда мог, я возвращался в Израиль, работал в кибуце около фермы, на которой проводили каждое лето Давид и Ребекка, и общался со своими старыми друзьями. Мой долг по отношению к кузине и ее мужу был так велик, что я уже ничем не мог расплатиться с ними, но Ребекка постоянно твердила, что единственный оставшийся в живых член семьи Ласки, из племени Эшколей, должен добиться чего-то в жизни.

Я выбрал психиатрию. Занимаясь медициной, я уже знал, что все это – не более чем подготовительный этап: необходимо изучить тело, прежде чем проникнуть в сознание человека. Вскоре я был уже одержим всякими теориями насилия и случаями вампиризма в человеческих отношениях. Я с изумлением обнаружил, что в этой области практически еще нет сколько-нибудь надежных исследований. Было множество данных, в точности объясняющих механизмы господства в стаде львов, проводились обширные исследования в иерархических отношениях среди всех видов птиц, много информации поступало от приматологов – относительно роли господства и агрессивности в социальных группах наших дальних родственников, обезьян. Но как же мало было известно о механизме насилия над личностью, о господстве людей над людьми и о зомбировании. Скоро я сам стал развивать собственные теории и предложения.

Во время учебы я не переставал разыскивать оберста. Я знал, что он был полковником в айнзацгруппе номер три, я видел его с Гиммлером и хорошо помнил последние слова Старика: «Вилли, мой друг...» Я запрашивал союзнические комиссии по делам военных преступников в различных оккупационных зонах, обращался в Красный Крест, советский трибунал по военным преступлениям фашистов, Еврейский комитет, и бесчисленные министерства, и прочие бюрократические учреждения. Результата никакого. Пять лет спустя я обратился в Моссад – разведывательное агентство Израиля. Эти, по крайней мере, заинтересовались моим рассказом, но в те годы Моссад вовсе не был такой эффективной организацией, какой он, по слухам, является теперь. К тому же у них были иные приоритеты – они охотились за такими знаменитостями, как Эйхман, Мурер и Менгеле, и их мало волновал какой-то неведомый оберст, о котором заявил один-единственный человек, переживший холокост. В пятьдесят пятом году я поехал в Австрию, чтобы посоветоваться с охотником за нацистами Симоном Визенталем.

«Центр документации» Визенталья находился в ветхом здании, в бедном квартале на окраине Вены. По виду дома можно было предположить, что его построили во время войны как временное прибежище. Центр занимал три комнаты, две из которых под завязку были заполнены шкафами с папками, а третья – с голым цементным полом – служила кабинетом. Сам Визенталь оказался очень нервным и взвинченным человеком, от него исходило напряжение, внушавшее беспокойство тем, кто с ним общался, но в его взгляде было что-то очень знакомое. Поначалу я подумал, что у Симона Визенталья вид фанатика, но потом понял: этот напряженный взгляд я сам наблюдал в зеркале по утрам, когда брлся.

Я рассказал ему сокращенный вариант своей биографии, сообщив лишь, что оберст совершал зверства по отношению к заключенным Хелмно ради развлечения солдат. Визенталь заинтересовался, когда я упомянул, что встречал этого негодяя в Собиборе в компании Генриха Гиммлера. «Вы уверены?» – переспросил он. «Абсолютно уверен», – ответил я.

Хотя Визенталь был очень занят, он потратил два дня на то, чтобы помочь мне разыскать след оберста. В своем Центре, больше похожем на могилу, он хранил сотни досье, десятки указателей и перекрестных указателей, а также фамилии более двадцати двух тысяч эсэсовцев. Мы изучали фотографии личного состава отрядов специального назначения и выпускников военных академий, вырезки из газет и фото из официального журнала СС «Черный корпус». К концу первого дня я так устал, что уже не мог сосредоточиться, глаза покраснели и опухли. В ту ночь мне снились лица офицеров-нацистов, которым ухмыляющиеся главари Третьего рейха вручали ордена. Следов оберста нигде не было.

Лишь на следующий день вечером мне удалось отыскать фото в газете за двадцать третье ноября сорок второго года. Подпись под снимком гласила, что прусский аристократ барон фон Бюлер, герой Первой мировой войны, вернувшийся в строй в чине генерала, погиб в бою, когда повел свои войска в героическую контратаку против русской танковой дивизии на Восточном фронте. Я долго смотрел на морщинистое лицо Старика с крупными чертами, запечатленное на пожелтевшей бумаге: *Der Alte*. Убрав газетную вырезку назад в папку, я продолжил поиски.

– Если бы у нас была его фамилия, мы смогли бы его разыскать, – сказал Визенталь в тот вечер, когда мы ужинали в небольшом ресторанчике близ собора Святого Стефана. – СС и гестапо имели точные списки своих офицеров.

Я пожал плечами и сообщил, что утром намерен вернуться в Тель-Авив. Мы перебрали почти все материалы по отрядам специального назначения и Восточному фронту, а мои занятия вскоре могли потребовать от меня все время целиком.

– Но как можно?! – воскликнул Визенталь. – Вы уцелели в гетто Лодзи, в Хелмно и Собиборе, у вас должна быть масса информации о немецких офицерах и других военных преступниках. Вам нужно провести здесь по крайней мере еще неделю. Мы с вами побеседуем, а потом запись этого интервью будет внесена в мои архивы. Вы не представляете даже, какие бесценные факты хранятся в вашей памяти!

– Нет, – отрезал я. – Меня не интересуют другие. Меня интересует только оберст.

Визенталь долго смотрел в свою чашку. Когда он поднял глаза, в них блеснул странный огонек.

– Значит, вас интересует только месть?

– Да. Так же как и вас.

Он печально покачал головой:

– Возможно, мы оба одержимы, мой друг. Но я добиваюсь справедливости, а не отмщения.

– А разве в данном случае это не одно и то же?

Визенталь снова покачал головой:

– Справедливый суд необходим. Его требуют миллионы голосов из безымянных могил, из ржавеющих печей, из пустых домов в тысячах городов. Чувство же мести недостойно, оно мелко...

– Недостойно чего? – спросил я резче, чем хотел.

– Нас. Их. Их смерти. Нашей дальнейшей жизни.

Я тогда ничего не ответил ему, но с тех пор часто думал об этой беседе.

Хотя Визенталь был разочарован, он согласился продолжить поиски любой информации, связанной с оберстом. Через год и три месяца, спустя несколько дней после того, как я получил степень, от Симона Визенталья пришло письмо. В конверте были фотокопии платежных ведомостей четвертого отдела зондеркоманды подотдела четыре-Б айнзацгрупп, графа «специальные советники». Визенталь обвел имя оберста Вильгельма фон Борхерта, офицера из штаба Рейнхарда Гейдриха, прикомандированного к айнзацгруппам. К этим фотокопиям был приколот газетный снимок, извлеченный Визенталем из своих архивов. Семь молодых улыбающихся офицеров позировали перед фотографом на концерте Берлинского филармонического оркестра в пользу вермахта. Газетная вырезка была датирована двадцать третьим июня сорок первого года... Исполнялся Вагнер. Ниже перечислялись имена улыбающихся офицеров. Пятым слева, едва заметный за спинами своих товарищей, стоял оберст, низко надвинув фуражку на бледный лоб. В подписи под снимком фамилия старшего лейтенанта Вильгельма фон Борхерта тоже была обведена кружочком.

Через два дня я уже был в Вене. Визенталь распорядился, чтобы его корреспонденты раз узнали все, что можно, о фон Борхерте, но результаты обескуражили. Борхерты были хорошо известной аристократической семьей, имевшей поместья в Пруссии и Баварии. Источником богатства семьи служили земли, интересы в горнорудной промышленности и экспорт предметов искусства. Агенты Визенталья не смогли найти никаких записей о рождении или крещении Вильгельма фон Борхерта в архивах, просмотренных до тысяча восьмисот восьмидесятого года, но они обнаружили извещение о смерти. Согласно объявлению в «Раген цайтунг» за девятнадцатое июня сорок пятого года, оберст Вильгельм фон Борхерт, единственный наследник графа Клауса фон Борхерта, погиб в бою, героически защищая Берлин от советских захватчиков. Это известие дошло до престарелого графа и его жены во время их пребывания в летней резиденции в Вальдхайме, в Баварском Лесу близ Байриш-Айзенштейна. Члены семьи спрашивали разрешения союзных властей закрыть поместье и вернуться в свой особняк около Бремена, где должны были состояться похороны. В заметке далее говорилось, что Вильгельм фон Борхерт получил столь желанный «Железный крест за доблесть», а перед смертью был рекомендован к повышению в чине до обергруппенфюрера СС.

Визенталь дал своим людям задание искать какие-либо другие следы, но ничего нового так и не обнаружилось. В пятьдесят шестом году семья фон Борхерта состояла всего лишь из престарелой тетушки в Бремене и двух племянников, пустивших по ветру большую часть семейного состояния из-за неразумного вложения капитала после войны. Огромное поместье в Восточной Баварии пустовало уже много лет, охотничий заказник был продан для уплаты нало-

гов. Из весьма ограниченных источников стран Восточного блока выяснилось, что ни Советы, ни восточные немцы не владели никакой информацией о жизни и смерти Вильгельма фон Борхерта.

Я вылетел в Бремен, чтобы побеседовать с тетушкой оберста, но она была уже в одной из последних стадий старческого маразма и не могла припомнить никого из членов семьи по имени Вилли. Она решила, что меня послал ее брат – пригласить на летний праздник в Вальдхайме. Один из племянников отказался встретиться со мной. Другой, молодой франт, которого я настиг в Брюсселе, откуда он направлялся на курорт во Франции, заявил, что видел дядю Вильгельма всего один раз, в тридцать седьмом году. Ему тогда было девять лет, и он ничего не помнит, кроме великолепного шелкового костюма и канотье, которое дядя носил лихо, немного набекрень. И еще он считал своего родственника героем, погибшим в сражениях с коммунистами. Я вернулся в Тель-Авив ни с чем.

Несколько лет я практиковал как психиатр в Израиле. За это время я узнал, как и все психиатры, что ученая степень в этой области всего лишь готовит профессионала к тому, чтобы начать серьезно изучать человеческую личность со всеми ее сложностями, достоинствами и недостатками. В шестидесятом году умерла от рака моя кузина Ребекка. Давид настоял на том, чтобы я поехал в Америку и продолжил там свои исследования. Когда я возражал, что у меня достаточно материала и в Тель-Авиве, Давид шутил, что нигде в мире спектр насилия не является таким разнообразным, как в Соединенных Штатах.

В Нью-Йорк я прибыл в январе шестьдесят четвертого года. Американская нация в это время едва опомнилась после убийства тридцать пятого президента и готовилась утопить свою печаль в подростковой истерии по поводу приезда британской рок-группы «Битлз». Колумбийский университет предложил мне должность профессора-консультанта сроком на один год, но потом получилось так, что я продолжил работать там, пока не закончил свою книгу о патологии насилия.

В ноябре шестьдесят четвертого я принял решение остаться в Штатах. Я тогда гостил у своих друзей в Принстоне, в Нью-Джерси. После обеда они, извинившись, спросили, не хочу ли я немного посмотреть телевизор вместе с ними. У меня своего телевизора не было, и я заверил их, что это меня развлечет. Как оказалось, они хотели смотреть документальный фильм, посвященный первой годовщине со дня гибели Джона Кеннеди. Это было мне интересно. Даже в Израиле, несмотря на нашу одержимость своими собственными проблемами, смерть американского президента потрясла всех. Я видел фотографии президентского кортежа в Далласе; меня очень тронул снимок, столь часто перепечатаваемый, где младший сын Кеннеди отдает честь гробу своего отца. Читал я и том, как некий Джек Руби «убрал» предполагаемого убийцу президента, но мне ни разу еще не приходилось видеть видеозаписи этого момента. В том документальном фильме я наблюдал воочию самодовольно ухмыляющегося худого парня в наручниках, окруженного далласскими полицейскими в штатском, с их типичными американскими физиономиями. Откуда-то сбоку из толпы журналистов вынырнул грузный мужчина, вмиг приставил дуло пистолета к животу Ли Харви Освальда и выстрелил. Этот сухой резкий звук заставил меня вздрогнуть, я вспомнил белые обнаженные тела, падающие в ров... Крупным планом показали прижатые к животу руки Освальда, его перекошенное лицо. Полицейские тут же схватили Руби, в наступившей неразберихе телекамеру кто-то толкнул, и она оказалась направленной на толпу.

– Матка Боска! – почему-то заорал я по-польски и вскочил со стула. В толпе я увидел оберста.

Так и не объяснив своего волнения друзьям, я в тот же вечер покинул Принстон и вылетел в Нью-Йорк. Рано утром следующего дня я уже был в манхэттенском офисе той телекомпании, которая транслировала документальный фильм памяти Кеннеди. Я использовал все свои связи в университете и в издательском мире, чтобы получить доступ к фильмам, видеозаписям и

ролика компании. Лицо в толпе, которое я видел по телевизору, появилось всего на несколько секунд и только на той пленке. Один мой аспирант любезно согласился сфотографировать эти кадры в монтажной и увеличить их, насколько это было возможно.

В таком виде узнать лицо оберста было еще труднее, чем в те две с половиной секунды, когда оно появилось на экране. Это было всего лишь белое пятно между широкими полями шляпы, как у техасских ковбоев, смутное впечатление легкой улыбки и глазницы – темные, будто дыры в черепе. Как вещественное доказательство такой снимок не годился, его не принял бы во внимание ни один суд в мире, но я знал, что это оберст.

Я полетел в Даллас. Власти Далласа все еще относились ко всем настороженно из-за критики, которой они подверглись в прессе и во всем мире. Мало кто соглашался разговаривать со мной, еще меньшее число людей было готово обсуждать то, что случилось год назад в подземном гараже. Никто не узнал человека ни на снимке, сделанном с видеозаписи, ни на старом фото из берлинской газеты. Я беседовал со свидетелями, пытался добиться свидания с Джеком Руби, находившимся в «камере смертников», но так и не получил разрешения. След оберста за год остыл – он был так же холоден, как труп Ли Харви Освальда.

Вернувшись в Нью-Йорк, я связался кое с кем из знакомых в израильском посольстве. Они, правда, заявили, что израильские разведывательные службы не имеют права действовать на территории США, но все же согласились навести кое-какие справки. В Далласе я нанял частного детектива. Его услуги обошлись мне в семь тысяч долларов, но результат можно было свести к одному слову: ни-че-го. В посольстве Израиля точно такой же результат мне выдали бесплатно. Вероятно, мои знакомые сочли меня сумасшедшим: только безумец мог искать след нацистского военного преступника в деле убийства президента и всех, кто был причастен к этой трагедии. Ведь бывшие эсэсовцы стремились лишь к одному – к анонимности.

Я сам стал сомневаться, не сошел ли я с ума. Лицо «белокурой бестии», которое уже столько лет не давало мне покоя во сне, явно сделалось главной целью моей жизни. Как психиатр, я мог понять всю двусмысленность этой одержимости: запечатленное в моем мозгу в камере смерти в Собиборе стремление разыскать оберста стало для меня смыслом жизни. Исчезни это стремление – исчезнет смысл. Признать, что оберст мертв, значило для меня признать и свою собственную смерть.

Как психиатр, я все это понимал. Понимал, но не верил. И если бы даже поверил, то не стал бы работать над тем, чтобы «излечиться». Оберст существует на самом деле! Он не тот человек, который умрет где-нибудь в наскоро построенных оборонительных сооружениях под Берлином. Он монстр. А монстры не умирают сами. Их следует убивать.

Летом шестьдесят пятого я наконец добился встречи с Джеком Руби, но из разговора с ним ничего не вышло. К тому времени он превратился в тень с печальным лицом, отсутствующим взглядом и хриплым рассеянным голосом. Я пытался расспросить подробнее о его психическом состоянии в тот ноябрьский день, но он только пожимал плечами и повторял то, что уже много раз говорил на допросах. Нет, он не собирался стрелять в убийцу, это решение возникло у него спонтанно, и он даже не сразу осознал, что совершил. Пустили его тогда в гараж случайно. Что-то нашло на него, когда он увидел Освальда, какой-то порыв, который он не смог сдержать, – ведь этот человек убил его любимого президента.

Я показал ему фотографии оберста, но он устало покачал головой. Он знал нескольких далласских детективов и многих репортеров, которые были там, в гараже, но этого немца он никогда прежде не видел. «Не ощутили ли вы чего-то странного непосредственно перед тем, как выстрелить в Освальда?» Когда я задал этот вопрос, Руби на секунду поднял свое уставшее лицо, похожее на морду таксы, и я увидел в его взгляде смятение, но затем оно погасло, и он отвечал тем же монотонным голосом, что и прежде. Нет, ничего странного, только ярость по поводу того, что Освальд все еще жив, а президент Кеннеди мертв и бедная миссис Кеннеди с детишками осталась совсем одна.

Я не удивился, когда год спустя, в декабре шестьдесят шестого, Руби поместили в больницу с диагнозом рак. Он показался мне смертельно больным человеком уже во время нашей беседы. Умер он в январе следующего года, и горевали о нем немногие. Нация уже пережила свою трагедию, и Джек Руби был всего лишь напоминанием о тех временах, которые лучше забыть.

В конце шестидесятых я все больше погружался в исследовательскую и преподавательскую работу. Я пытался убедить себя, что мои теоретические разработки – всего лишь попытки найти средство изгнания демона, символом которого служило лицо оберста, но в душе я был уверен в обратном.

В те годы, когда процветало насилие, я изучал его. Почему некоторые люди с такой легкостью добиваются господства над другими? В своей экспериментальной работе я сводил вместе небольшие группы незнакомых друг с другом людей для выполнения какой-либо посторонней задачи, и уже минут через тридцать после начала неизменно возникала какая-то иерархия. Порой участники группы даже не осознавали этого, но, когда их спрашивали, они почти всегда могли указать, кто из них был «самым главным» или «самым динамичным». Вместе с аспирантами мы проводили беседы, анализировали их письменные записи и долгими часами просматривали видеопленки. Мы моделировали ситуации конфликтов между испытуемыми и лицами, обладающими властью: деканами университета, полицейскими, преподавателями, чиновниками налоговой службы, тюремными надзирателями и священниками. И во всех случаях проблема иерархии и господства оказывалась более сложной, чем можно было предположить, зная только социальное положение вовлеченных в эксперимент лиц.

В это время я начал сотрудничать с нью-йоркской полицией – составлял личностные характеристики субъектов, склонных к убийству. Фактические данные были невероятно интересны, беседы с убийцами – весьма тягостны, результаты же – неопределенны.

Где находится источник человеческой агрессивности? Какую роль играют насилие и угроза насилия в наших ежедневных взаимоотношениях друг с другом? Получив ответы на эти вопросы, я наивно надеялся когда-нибудь объяснить, как случилось, что очень способный, но маниакальный психопат, вроде Адольфа Гитлера, смог превратить одну из величайших культур мира в тупую и аморальную машину убийства. Я начал с того факта, что половина видов сложных животных на земле обладает каким-то механизмом для установления господства и социальной иерархии. Обычно эта иерархия возникает без нанесения серьезного ущерба. Даже такие свирепые хищники, как волки и тигры, используют вполне определенные сигналы подчинения для того, чтобы прекратить самые яростные схватки, пока дело не дошло до смерти или серьезного увечья. Ну а человек? Неужели правы те – и их довольно много, – кто утверждает, что у нас отсутствует инстинктивный, четко распознаваемый сигнал покорности и потому мы обречены на вечную войну, на некоего рода внутривидовое сумасшествие, предопределенное нашими генами? Я в этом сомневался.

Год за годом я собирал данные и развивал различные положения и все это время втайне выстраивал теорию, которая была настолько странной и ненаучной, что она подорвала бы мою профессиональную репутацию, намеки я хоть шепотом о ней своим коллегам. Что, если человечество в своем развитии установило некий психический тип отношений господства и подчинения – то, что некоторые из моих нереалистично настроенных коллег называют парапсихологическими явлениями? Ведь ясно, что привлекательность некоторых политиков, называемая средствами массовой информации харизмой за неимением лучшего термина, не может быть объяснена с помощью размеров индивида, его способности к размножению или к угрожающему поведению. По моей версии, у определенных людей в некоей доле мозга может существовать зона, ответственная исключительно за проецирование этого чувства личного лидерства. Я был хорошо знаком с нейробиологическими исследованиями, указывающими, что мы унаследовали наши инстинкты господства и подчинения от так называемого рептильного мозга –

самой примитивной мозговой области. Ну а что, если были прорывы в эволюции, связанные с мутацией, придавшие некоторым человеческим существам способность, родственную эмпатии либо телепатии, но несравненно более мощную и более полезную с точки зрения выживания? И что, если эта способность, подпитываемая собственной жаждой господства, находит свое высшее выражение в насилии? Являются ли человеческие существа, обладающие такой способностью, воистину человеческими?

В конечном счете я мог всего лишь без конца теоретизировать по поводу того, что я чувствовал, когда воля оберста проникла в мой мозг, сознание, тело, полностью завладела мной. Прошли десятилетия, отдельные детали тех ужасных дней стерлись, но боль насилия над моим сознанием и связанные с этим отвращение и ужас все еще заставляли меня просыпаться по ночам в холодном поту. Я продолжал преподавать, занимался исследовательской работой, улаживал мелкие проблемы своего бесцветного быта. Прошлой весной я однажды проснулся и понял, что старею. Минуло почти шестнадцать лет с того дня, когда я увидел лицо оберста в видеозаписи. Если он действительно существовал и все еще живет где-то на этой земле, то сейчас он глубокий старик. Я вспомнил тех беззубых, дрожащих стариков, которых все еще разоблачали как военных преступников. Нет, скорее всего, оберст мертв.

Но я позабыл, что монстры, как и вампиры, не умирают. Что их надо убивать.

И вот четыре с лишним месяца назад я столкнулся с оберстом на нью-йоркской улице. Был душный июльский вечер, я шел куда-то мимо Центрального парка, кажется сочиняя статью о тюремной реформе, когда мой вожденный объект вдруг вышел из ресторана метрах в двадцати от меня и позвал такси. С ним была дама, немолодая, но все еще очень красивая, в шелковом вечернем платье и с длинными седыми волосами, падавшими на плечи. Сам оберст был в темном костюме. Загорелое лицо, выправка – все говорило о том, что он находится в отличной форме. Правда, он облысел, поседел, но его лицо, отяжелевшее с возрастом, каждой своей чертой по-прежнему выражало властность и жестокость.

На мгновение я задохнулся и застыл как столб, глядя на него во все глаза, потом ринулся догонять такси, которое сразу же влилось в поток автомобилей. Я как одержимый заметался между машинами, но пассажиры на заднем сиденье даже не оглянулись. Такси прибавило скорость, и я, пошатываясь, отошел к тротуару, едва не потеряв сознание.

Метрдотель ресторана ничем не смог мне помочь. Да, действительно в тот вечер у него обедала очень уважаемая пожилая пара, но имен их он не знал. Столик они заранее не заказывали.

Несколько недель я бродил близ Центрального парка, прочесывая весь район, разглядывая все проезжавшие такси в надежде вновь увидеть лицо оберста. Я нанял молодого нью-йоркского детектива и снова заплатил за нулевой результат. Именно в это время я заболел. Как я теперь понимаю, это был тяжелый случай нервного истощения. Я не спал, не мог работать, мои лекции в университете либо отменялись, либо проводились страшно волновавшимися ассистентами. По нескольку дней я не переодевался и возвращался к себе в квартиру, только чтобы перекусить и нервно расхаживать по комнатам. По ночам я тоже бродил по улицам, несколько раз меня останавливали полицейские. Меня не отправили в психиатрическую лечебницу на освидетельствование только благодаря моему положению в Колумбийском университете и магическому титулу «доктор». И вот однажды ночью, лежа на полу своей квартиры, я вдруг сообразил, что все это время не обращал внимания на одну деталь: лицо седовласой женщины было мне знакомо.

Почти всю ночь и весь следующий день я мучительно пытался вспомнить, где я ее видел. Я точно знал, что это было не в жизни, а на каком-то снимке. Ее лицо почему-то вызывало у меня ассоциации со скукой, беспокойством и успокаивающей музыкой.

В пятнадцать минут шестого я поймал такси и ринулся к центру города, к своему зубному врачу. Он только что ушел, кабинет закрывался, но я придумал какую-то историю и попро-

сил его помощницу позволить мне просмотреть кипы старых журналов в приемной. Там были экземпляры «Севентин», «Мадемуазель», «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», «Тайм», «Ньюсуик», «Вог», «Консьюмер рипортс» и «Теннис уорлд». Когда я с маниакальной настойчивостью принялся листать страницы во второй раз, помощница запаниковала. Только моя одержимость и уверенность, что ни один зубной врач не меняет свой запас журналов чаще чем четыре раза в год, давали мне силы продолжать поиск, хотя эта женщина уже пронзительно кричала, что вызовет полицию.

И все же я нашел. Фотография оказалась маленькой черно-белой вырезкой где-то в начале «Вог», этой толстенной кипы глянцевого рекламных фото и восторженных эпитетов. Снимок седовласой дамы помещался над статьей о модных аксессуарах. Автором статьи была Нина Дрейтон.

После этого мне понадобилось всего несколько часов, чтобы найти ее. Мой нью-йоркский частный детектив был очень рад работать с чем-то более доступным, чем этот неуловимый призрак. Через сутки Харрингтон уже принес мне приличных размеров досье на эту женщину. Информация была почерпнута по большей части из общедоступных источников.

Миссис Дрейтон, сообщали эти источники, вдова, богатая и довольно известная в мире так называемой высокой моды, владелица целой сети бутиков. В августе сорокового года она вышла замуж за Паркера Алана Дрейтона, одного из основателей компании «Американские авиалинии». Спустя десять месяцев после свадьбы он скоропостижно скончался, и его вдова продолжила дело, с умом вкладывая капиталы и проникая в такие советы директоров, куда до нее не удавалось попасть ни одной женщине. Позднее миссис Дрейтон перестала заниматься бизнесом так активно, оставив за собой лишь магазины модной одежды и обуви. Она являлась членом попечительских советов нескольких престижных благотворительных организаций, близко знала множество политиков, людей искусства, писателей, содержала большую квартиру на шестнадцатом этаже престижного дома на Парк-авеню, а также имела несколько летних домов и загородных вилл.

Познакомиться с ней оказалось не так уж трудно. Поразмыслив, я просмотрел списки своих пациентов и вскоре нашел имя одной богатой дамы, страдавшей маниакально-депрессивным психозом, которая жила в том же доме, что и миссис Дрейтон, и общалась с людьми примерно того же круга.

Я познакомился с Ниной Дрейтон во второй уик-энд августа на садовом приеме, который устраивала моя бывшая пациентка. Гостей было немного. Большинство людей благоразумно уехали из города в свои коттеджи на мысе Кейп-Код либо в летние шале в Скалистых горах. Но миссис Дрейтон почему-то осталась в городе.

Еще до того, как я пожал ее руку, до того, как посмотрел в ее ясные голубые глаза, я уже знал совершенно твердо, что она – одна из *тех*. Она была такой же, как оберст. Ее присутствие наполняло собой весь сад, благодаря ей даже японские фонарики горели ярче. Эта моя уверенность в том, что я не ошибся, прямо-таки взяла меня холодной рукой за горло. Возможно, Нина Дрейтон уловила мою реакцию или ей просто доставляло удовольствие издеваться над психиатром, но в тот вечер она как бы играла со мной, проявляя некую смесь самодовольного презрения и злонамеренного вызова, столь же тонкую, как, скажем, опасные когти кошки в их бархатных ножках.

Я пригласил миссис Дрейтон посетить публичную лекцию, которую я собирался читать на той неделе в университете. К моему удивлению, она приехала в сопровождении злобного вида женщины небольшого роста по имени Баррет Крамер. Темой своей лекции я как раз избрал политику преднамеренного насилия в Третьем рейхе и ее связь с некоторыми режимами в странах третьего мира в наши дни. Я несколько изменил план своей лекции с тем, чтобы сформулировать тезис, противоречащий нынешнему общепринятому мнению, а именно: необъяснимая жестокость миллионов немцев была вызвана, по крайней мере

частично, действиями небольшой тайной группы властных личностей. В течение всей лекции я видел, как улыбается миссис Дрейтон, сидя в пятом ряду. Улыбка ее была примерно такой же хищной, какую, вероятно, видит мышь на морде кошки перед тем, как быть съеденной.

После лекции миссис Дрейтон изъявила желание поговорить со мной наедине. Она спросила, по-прежнему ли я принимаю пациентов, и попросила проконсультировать ее в профессиональном плане. Некоторое время я колебался, но мы оба знали, каким будет мой ответ.

Еще дважды я видел ее, оба раза в сентябре. Мы делали вид, что всерьез начинаем курс психоанализа. Нина Дрейтон была уверена, что ее бессонница напрямую связана со смертью отца, случившейся несколько десятков лет назад. Она сообщила мне, что часто видит один и тот же кошмарный сон: будто она толкает своего отца под троллейбус в Бостоне, хотя на самом деле находилась за несколько миль от того места, где он погиб. «Правда ли, доктор Ласки, – спросила она во время нашей второй встречи, – что мы всегда убиваем тех, кого любим?» Я сказал, что, по моему мнению, верно как раз обратное: мы убиваем, по крайней мере в своем воображении, тех, кого любим притворно, а на самом деле презираем. Нина Дрейтон только улыбнулась. Я предложил ей попробовать гипноз в нашу следующую встречу, чтобы попытаться облегчить ее воспоминание о смерти отца. Она согласилась, но я вовсе не удивился, когда в начале октября мне позвонила ее секретарша и отменила все намеченные посещения. К тому времени я уже поручил частному детективу круглосуточно следить за миссис Дрейтон.

Фрэнсиса Ксавье Харрингтона я нанял по совету друзей. Ему было двадцать четыре года, он оставил учебу в Принстонском университете и в свободное время писал стихи. Уже два года он занимался частным сыском. Ему пришлось купить новый костюм, чтобы посещать те рестораны, в которых проводила время миссис Дрейтон. Когда я распорядился следить за ней двадцать четыре часа в сутки, Харрингтону понадобилось нанять еще двух своих университетских друзей для пополнения агентства. Парень был явно не дурак, он работал быстро и толково, каждый понедельник и пятницу у меня на столе лежал письменный отчет. Некоторые его действия были не совсем легальными, включая снятие копий с телефонных счетов Нины Дрейтон. Она звонила очень много и разным людям. По этим счетам Харрингтон составил список телефонных номеров, а затем установил фамилии и адреса тех, кому она звонила. Некоторые из этих имен были довольно известными, другие могли заинтриговать кого угодно, но ни одно из них не указывало на моего оберста.

Шли недели. Я уже потратил большую часть своих сбережений на то, чтобы иметь представление о ежедневных заботах миссис Дрейтон, о ее привычных блюдах, деловых встречах и телефонных звонках. Юный Харрингтон понимал, что мои ресурсы ограничены, и любезно предложил перехватывать ее письма и прослушивать телефонные разговоры, но я отказался. Мне не хотелось делать ничего такого, что могло бы выдать нас.

И вот две недели назад миссис Дрейтон сама позвонила мне и пригласила на большой рождественский прием, который она устраивала семнадцатого декабря в своих апартаментах на Парк-авеню. Она сказала, что звонит лично, чтобы у меня не было предлога уклониться от приглашения. Ей хотелось познакомить меня со своим очень дорогим другом из Голливуда, продюсером, который тоже желает этой встречи. Она только что послала ему экземпляр моей книги «Патология насилия», и он от нее просто в восторге. Я поинтересовался, как его зовут. «Это не важно, – ответила она. – Возможно, вы узнаете его при встрече».

Мои руки так дрожали, когда я положил трубку, что мне пришлось прождать целую минуту, прежде чем я смог набрать номер Харрингтона. В тот вечер мы решили собраться, чтобы обсудить дальнейшую стратегию. Снова перебрали телефонные счета и на сей раз обзвонили все номера в Лос-Анджелесе, не включенные в городской телефонный справочник. На шестом звонке голос молодого человека ответил: «Особняк мистера Бордена». – «Это домашний телефон Томаса Бордена?» – спросил Фрэнсис. «Вы не туда звоните, – сообщил голос. – Это особняк мистера Уильяма Бордена».

Я написал имена на доске в своем кабинете. Вильгельм фон Борхерт. Уильям Борден. Человеческая природа, ничего не поделаешь! Мужчина приезжает с любовницей в отель и вписывает в регистрационную книгу имя, похожее на его собственное. Или разыскиваемый преступник скрывается под шестью чужими фамилиями и в пяти случаях из шести использует свое собственное имя. Что-то такое есть в наших именах, из-за чего нам трудно отказаться от них совсем, как бы необходимо это ни было.

В тот понедельник, за четыре дня до событий здесь, в Чарлстоне, Харрингтон вылетел в Лос-Анджелес. Первоначально я планировал лететь сам, но Фрэнсис убедил меня, что лучше будет, если сначала он проверит этого Бордена, сфотографирует его и выяснит, действительно ли это тот человек, которого мы ищем. Я вынужден был согласиться с его доводами – у меня не было плана действий. Даже после стольких лет я все еще не обдумал, как буду действовать, когда найду оберста.

В понедельник вечером Харрингтон позвонил мне и стал рассказывать, что фильм, который показывали во время полета, оказался посредственным, что отель, в котором он остановился, явно уступает «Беверли-Уилширу» и что полицейские в Бел-Эйр имеют манеру останавливать и допрашивать людей, если тем случится дважды появиться в одном районе или если они имеют наглость парковаться где-нибудь на этих извилистых улицах, чтобы поглазеть на дом какой-нибудь кинозвезды. Во вторник он попросил узнать, нет ли чего-либо нового относительно миссис Дрейтон. Я сказал, что двое его друзей, Деннис и Селби, спят немного похуже, чем он, а миссис Дрейтон живет помаленьку и у нее все без изменений. Затем Фрэнсис сообщил мне, что он посетил студию, с которой мистер Борден имел наиболее тесные связи, – экскурсия, кстати, оказалась весьма посредственной, – и хотя у него в студии есть свой кабинет, никто не знает, когда он бывает там. Последний раз его видели за работой в семьдесят девятом году, и Фрэнсис надеялся раздобыть фото продюсера, но это оказалось невозможным. Он уже хотел показать секретарше студии берлинскую фотографию Борхерта, но потом решил, выражаясь его собственными словами, что «это было бы не совсем в тон». На следующий день он собирался взять свой фотоаппарат с длиннофокусным объективом и отправиться к усадьбе Бордена в Бел-Эйр.

В среду Харрингтон не позвонил в назначенное время. Тогда я сам связался с отелем, и мне сказали, что он еще не выписался, хотя и ключ вечером не забирал. В четверг утром я позвонил в полицию Лос-Анджелеса. Они пообещали заняться этим делом, но я дал им не так уж много информации, и они решили, что нет причин подозревать какое-то преступление. «У нас в городе народ занятный, – сказал сержант, с которым я разговаривал. – Молодой парень вполне мог увлечься чем-то и забыть позвонить».

Весь день я пытался связаться с Деннисом или Селби, но не смог. Даже записывающее устройство в агентстве Фрэнсиса было отключено. Тогда я пошел на Парк-авеню, где находились апартаменты Нины Дрейтон. Охранник внизу сообщил, что миссис Дрейтон уехала отдыхать. Выше первого этажа меня не пустили.

Весь день я сидел, запершись в своей квартире, и ждал. В одиннадцать тридцать позвонили из лос-анджелесской полиции. Они открыли номер мистера Харрингтона в отеле «Беверли-Хиллз». Там не было ни его одежды, ни багажа, но не было и никаких намеков на преступление. «Вы не могли бы сказать, кто заплатит за номер в отеле? – спросили меня. – По счету надо уплатить триста двадцать девять долларов сорок восемь центов».

В тот вечер я заставил себя пойти к друзьям, пригласившим меня на обед несколько дней назад. От автобусной остановки до их дома в Гринвич-Виллидж было всего два квартала, но расстояние это показалось мне бесконечным. В субботу, когда вашего отца убили, я участвовал в обсуждении проблемы насилия в городе вместе с группой ученых в университете. Там присутствовало несколько политиков и сотни две народу. На протяжении всей дискуссии я часто посматривал в аудиторию, ожидая увидеть улыбку Нины Дрейтон, так похожую на улыбку

хищной кошки, или холодные глаза оберста. Я снова почувствовал себя пешкой – только в чьей игре?

В воскресенье в утренней газете я в первый раз прочитал об убийствах в Чарлстоне. В той же газете была короткая заметка о том, что голливудский продюсер Уильям Д. Борден находился на борту того злосчастного самолета, который потерпел катастрофу рано утром в субботу над Южной Каролиной. И рядом с заметкой – одна из редких фотографий этого неуловимого отшельника-продюсера. Снимок был сделан в шестидесятые годы, на нем улыбался оберст.

* * *

Сол замолчал. На перилах крыльца стояли чашки с остывшим кофе, про который они совсем забыли. Пока он говорил, тень от крыльца постепенно переползла к его ногам. В наступившей тишине стали слышны доносившиеся с улицы звуки.

– Кто же из них убил моего отца? – спросила Натали. Она плотнее завернулась в плед и обхватила руками плечи, словно ей было холодно.

– Не знаю, – ответил Сол.

– А эта Мелани Фуллер... Она тоже была одной из них?

– Наверняка.

– И это могла сделать она?

– Да.

– А вы уверены, что Нины Дрейтон нет в живых?

– Я был в морге, видел фотографии с места убийства, читал отчет о вскрытии.

– Но она могла убить отца до того, как погибла сама.

Сол с минуту подумал и кивнул:

– Вполне возможно.

– А этот Борден... или оберст... Предполагается, что он погиб в авиакатастрофе в прошлую пятницу.

Сол снова кивнул.

– Вы уверены, что он погиб? – спросила Натали.

– Нет, – твердо ответил он.

Девушка встала и принялась ходить взад-вперед по маленькому крыльцу:

– У вас есть доказательства, что он жив?

– Нет, – вздохнул Сол.

– Но вы полагаете, что он жив и что либо он, либо Фуллер могли убить моего отца?

– Да.

– Боже мой...

Натали прошла в дом и через минуту вернулась с двумя стаканами бренди. Один она протянула Солу, другой выпила сама. Затем она вытащила из кармана пачку сигарет, зажигалку и дрожащими руками прикурила.

– Вам вредно курить, – тихо заметил Сол.

Девушка лишь хмыкнула в ответ.

– Эти люди – вампиры, ведь так? – спросила она.

– Вампиры? – Он тряхнул головой, не совсем понимая, что она имеет в виду.

– Они используют людей, а потом выбрасывают их, словно пластиковую упаковку. Нечто подобное происходит в тех дурацких сериалах, которые показывают по ночному каналу, только эти вампиры существуют на самом деле.

– Вампиры, – повторил Сол почему-то по-польски. – Да, – он снова перешел на английский, – аналогия неплохая.

– Ну, хорошо, – сказала Натали. – И что мы теперь будем делать?

– Мы? – Слово это, казалось, удивило его. Он потер руками колени.

– Мы, – повторила Натали, и голос ее задрожал от гнева. – Вы и я. Мы с вами. Вы ведь рассказали мне все это не просто чтобы провести время. Вам нужен союзник. Итак, что нам делать дальше?

Сол почесал бороду и покачал головой:

– Я не совсем понимаю, зачем рассказал все это, но...

– Но что?

– Это очень опасно. Фрэнсис, да и другие...

Натали подошла к нему и слегка коснулась его руки.

– Моего отца звали Джозеф Леонард Престон, – тихо сказала она. – Ему было сорок восемь... Шестого февраля ему исполнилось бы сорок девять. Он был очень хорошим человеком, хорошим отцом, хорошим фотографом и не слишком удачливым бизнесменом. Когда он смеялся... – Натали перевела дыхание. – Трудно было не смеяться вместе с ним.

Несколько секунд она стояла так, немного наклонившись, ее пальцы касались его запястья рядом с выцветшими синими цифрами, напоминавшими о трагическом прошлом. Помолчав, она спросила:

– Что вы намерены делать дальше?

Сол вздохнул:

– Пока не знаю. Мне нужно лететь в субботу в Вашингтон, кое-кого повидать, получить информацию... Выяснить, остался ли жив оберст. Возможно, человек, с которым я хочу встретиться, имеет эту информацию.

– А потом? – настаивала Натали.

– А потом буду ждать. Ждать и наблюдать. Читать газеты. Искать.

– Искать что?

– Новости... о других убийствах, – ответил он.

Натали вздрогнула и выпрямилась. Сигарета у нее в руке почти погасла, и она раздавила ее о половицу.

– Вы это серьезно? Ведь Фуллер и ваш оберст постараются уехать из страны, спрятаться где-нибудь. Почему вы полагаете, что они вновь займутся такими вещами? И так скоро?

Сол пожал плечами. Он вдруг ощутил невероятную усталость.

– Потому что такова их природа. Вампирам надо кормиться кровью.

Натали отошла и села в свое кресло.

– А когда вы... когда мы найдем их, что мы будем делать? – спросила она.

– Тогда и решим. Сначала их надо найти.

– Чтобы убить вампира, нужно проткнуть его сердце колом, – прошептала Натали. Она вытащила еще одну сигарету, но прикуривать не стала. – Сол, а что, если они узнают, что вы за ними охотитесь? Что, если они начнут гоняться за вами?

– Тогда все стало бы проще, – вздохнул он.

Натали хотела еще что-то сказать, но тут напротив крыльца остановился коричневый автомобиль с эмблемой округа. Грузный мужчина, в шляпе, с раскрасневшимся лицом, тяжело выбрался с водительского сиденья.

– Шериф Джентри? – удивилась Натали.

Они смотрели на рослого, грузного шерифа, а тот в свою очередь смотрел на них. Потом он медленно, как-то нерешительно начал приближаться к дому. Остановившись у крыльца, Джентри снял шляпу. На его загорелом лице застыло выражение ребенка, который только что видел нечто ужасное.

– Доброе утро, мисс Престон, профессор Ласки, – поздоровался он.

– Доброе утро, шериф, – сказала Натали.

Сол смотрел на Джентри, эту карикатуру на полисмана с юга, за неуклюжей внешностью которого скрывались острый ум и способность тонко чувствовать. Ласки понял это во время их вчерашней встречи. Глаза шерифа выдавали его волнение.

– Мне нужна помощь, – произнес он. В голосе его слышались неуверенность и растерянность.

– Какая? – спросила Натали. Сол различил в этом вопросе нечто большее, чем просто любезность.

Шериф Джентри посмотрел на свою шляпу, провел по тулье мощной загорелой рукой, и это движение показалось Солу почти грациозным. Потом он поднял глаза:

– Убито девять граждан моего округа. Как на это ни посмотри, понять ничего невозможно. Почему они умерли? Пару часов назад я остановил на улице парня, у которого в карманах не оказалось ничего, кроме моей фотографии, но он предпочел перерезать себе горло, вместо того чтобы ответить хоть на один вопрос. – Джентри глянул на Натали, потом на Сола. – Это так же бессмысленно, как и все остальное, происшедшее в городе. Я почему-то чувствую, что вы оба могли бы мне помочь.

Сол и Натали все еще молча смотрели на него.

– Вы можете мне помочь? – повторил Джентри. – Вы согласны?

Натали повернулась к Солу. Тот снял очки, протер их, затем снова надел и слегка кивнул.

– Заходите, шериф, – пригласила девушка, открыв дверь дома. – Я приготовлю чего-нибудь поесть. Разговор может получиться долгим.

Глава 11

Байриш-Айзенштейн

Пятница, 19 декабря 1980 г.

Тони Хэрод и Мария Чэнь решили позавтракать в маленьком ресторане отеля. Хотя они спустились на первый этаж в семь утра, первая волна туристов уже отправилась на лыжню. В камине потрескивал огонь, сквозь небольшое окно в южной стене виднелись белые сугробы и голубое небо.

– Как ты думаешь, он будет там? – тихо спросила Мария Чэнь, когда они допивали кофе.

Хэрод пожал плечами:

– Откуда мне знать?

Вчера он был уверен, что Вилли в его родовом поместье нет, что старый продюсер все-таки погиб в авиакатастрофе. Он вспомнил, как пять лет назад Вилли упомянул в разговоре про свое родовое гнездо, – Хэрод был тогда порядком пьян. Старик только что вернулся из трехнедельной поездки по Европе и вдруг со слезами на глазах сказал: «Почему это люди говорят, что нельзя вернуться домой, а, Тони? Почему?» А потом он описал дом своей матери на юге Германии, упомянув название близлежащего городка, что было ошибкой. До сих пор Хэрод смотрел на свою нынешнюю поездку лишь как на способ устранить одну докучливую мизерную вероятность, не более того. Но теперь, сидя в ярком утреннем свете напротив Марии Чэнь с ее девятимиллиметровым браунингом в сумочке, он понял, что этот маловероятный вариант вполне возможен.

– Как насчет Тома и Дженсена? – спросила Мария.

На ней были модные синие вельветовые брюки чуть ниже колен, длинные носки, розовая водолазка и плотный лыжный свитер, голубой с розовым, который обошелся ей в шестьсот долларов. Темные волосы были аккуратно собраны на затылке, она выглядела свежей и только что умытой, несмотря на косметику. Хэрод подумал, что она похожа на девушку-скаута евразийского происхождения, собравшуюся на лыжную прогулку с друзьями своего отца.

– Если придется их убить, стреляй сначала в Тома, – сказал он. – Вилли легче использовать Рейнольдса, чем негра, но Лугар силен. Очень силен. Постарайся уложить его наверняка, чтобы не встал. Если все пойдет по наихудшему варианту, первым делом надо убить Вилли. Целься в голову, только в голову. Стоит уничтожить его, и Рейнольдс с Лугаром перестанут быть опасными. Они до того запрограммированы, что не могут даже поспать без одобрения Вилли.

Мария Чэнь оглядела помещение. Остальные четыре столика были заняты смеющимися и болтающими немецкими парами. Было похоже, что до них никому нет дела.

Хэрод жестом велел официантке принести еще кофе, потом откинулся на спинку стула и нахмурился. Он вовсе не был уверен, что Мария Чэнь выполнит его приказ, когда надо будет стрелять в людей, но все же надеялся, поскольку до сих пор не было случая, чтобы она его послушалась. На секунду он пожалел, что она нейтрал, но, с другой стороны, нет опасности, что Вилли Использует ее для своих собственных целей. У Хэрода не было никаких иллюзий насчет Способности старого фрица. Один только факт, что Вилли держал при себе двух холуев, говорил о мощи этого сукина сына. Он считал, что Способность Вилли ослабла, подточенная

возрастом, наркотиками и последствиями бурной жизни, но в свете последних событий было бы глупо и опасно продолжать действовать, исходя из этих соображений.

Хэрод тряхнул головой. Пошло оно все к черту! Этот проклятый Клуб Островитян крепко держал его за яйца. Тони вовсе не хотелось впутываться в историю с каргой из Чарлстона и уж тем более сталкиваться лично с человеком, который пятьдесят лет играл в эту паскудную игру с Вилли Борденом, или фон Борхертом, или как там его... А что сделают Барент и его друзья, эти говнюки, когда узнают, что Вилли жив? Хэрод вспомнил свою собственную реакцию шесть дней назад, когда ему позвонили и сообщили о смерти Вилли. Сначала он почувствовал тревогу: что будет со всеми проектами Вилли, как там ситуация с финансами? А потом – облегчение: наконец-то старый сукин сын подох! Хэрод несколько лет жил в постоянном страхе из-за того, что старик мог узнать о Клубе Островитян и о том, что Тони шпионит за ним...

«Я всегда представлял себе рай как остров, где можно охотиться в свое удовольствие». Действительно ли Вилли это сказал? Хэрод вспомнил, что его словно окунули в ледяную воду, когда Вилли произнес эти слова с экрана. Но старик не мог об этом знать! И потом, видеозапись была сделана до авиакатастрофы. Вилли мертв... А если он не погиб тогда, то погибнет сейчас. Скоро.

– Готова? – спросил Тони.

Мария Чэнь вытерла губы полотняной салфеткой и кивнула.

– Пошли, – скомандовал он.

* * *

– Значит, это Чехословакия? – произнес Хэрод.

Они выехали из города на северо-запад и мельком увидели за железнодорожной станцией пограничный шлагбаум, а рядом – небольшое белое здание и несколько охранников в зеленой форме и странного вида шлемах. На дорожном указателе было написано: *übergangsstelle*.

– Похоже, – подтвердила Мария Чэнь.

– Делов-то, – усмехнулся Хэрод.

Они двинулись по извилистой дороге вдоль долины, мимо указателей поворотов на Большой Арбер и Малое Арберзее. На дальнем склоне горы виднелся белый шрам лыжной трассы и движущиеся разноцветные точки кресел канатной дороги. Маленькие кабинки с цепями на колесах и креплениями для лыж на крышах карабкались по дорогам или, скорее, тоннелям, пробитым в снегу и ледяном крошеве. Хэрода пробрала дрожь от ветра, врывавшегося в заднее окно машины, но он не мог закрыть его – оттуда торчали концы двух пар беговых лыж, которые Мария Чэнь взяла сегодня утром в отеле напрокат.

– Ты думаешь, нам понадобятся эти идиотские штуки? – Он мотнул головой в сторону заднего сиденья.

Мария Чэнь улыбнулась и развела руками, сверкнув покрытыми свежим лаком ногтями.

– Возможно. – Она посмотрела на дорожную карту, сверив ее с топографической. – Следующий поворот налево, – сообщила она. – Оттуда шесть километров до частной дороги к особняку.

Последние полтора километра в гору «БМВ» в основном скользил боком. Вся дорога состояла из проложенной в снегу колеи между деревьями.

– Тут кто-то недавно был, – заметил Хэрод. – Далеко еще?

– После моста примерно с километр, – ответила Мария.

Дорога повернула, они въехали в густую рощу голых деревьев и увидели небольшой деревянный мост за полосатым шлагбаумом, выглядевшим посolidнее, чем на чешской границе. Метрах в двадцати ниже по течению была хижина, похожая на все альпийские шале.

Оттуда вышли двое мужчин и медленно приблизились к машине. Хэроду казалось почему-то, что селяне в этих местах должны одеваться во что-то местное, какой-нибудь зимний вариант тирольских кожаных штанов до колен и войлочных шляп, но эти двое были в коричневых шерстяных брюках и ярких пуховых куртках. Он решил, что они, скорее всего, отец и сын; более молодому было около тридцати, он нес на согнутом локте охотничью винтовку.

– *Guten Morgen, haben Sie sich verfahren?* – спросил тот, что постарше. – *Das hier ist ein Privatgrundstück.*

– Он желает нам доброго утра и спрашивает, не заблудились ли мы, – перевела Мария Чэнь. – Говорит, здесь частное владение.

Хэрод улыбнулся этим двум. Пожилой улыбнулся в ответ, блеснув золотыми коронками; лицо сына ничего не выражало.

– Мы не заблудились, – сказал Хэрод. – Мы приехали повидать Вилли. Герра фон Борхерта. Он нас пригласил. Мы прибыли издалека, из самой Калифорнии.

Пожилой нахмурился, не понимая, что ему говорят, и тогда Мария Чэнь скороговоркой перевела на немецкий.

– *Herr von Borchert lebt hier nicht mehr*, – сказал пожилой мужчина. – *Schon seit vielen Jahren nicht mehr. Das Gut ist schon seit sehr langer Zeit geschlossen. Niemand geht mehr dorthin.*

– Он говорит, что герр фон Борхерт здесь не живет, – объяснила Мария. – Уже много лет. Поместье давно закрыто. Сюда никто не ходит.

Хэрод ухмыльнулся и покачал головой:

– Что же вы здесь тогда караулите, а, парни?

– *Warum lassen Sie es noch bewachen?* – перевела его вопрос Мария Чэнь.

Пожилой снова улыбнулся:

– *Wir werden von der Familie bezahlt, so daß dort kein Vandalismus entsteht. Baid wird all das ein Teil des Nationalwaldes werden. Die alten Häuser werden abgerissen. Bis dahin schickt der Neffe uns Schecks aus Bonn, und wir halten alle Wilddiebe und Unbefugte fern, so wie es mein Vater vor mir getan hatte. Mein Sohn wird sich andere Arbeit suchen müssen.*

– «Семья Борхерт платит нам, чтобы тут не было никакого хулиганства, – перевела Мария Чэнь. – Скоро все это будет частью национального парка. Старый дом снесут. А до тех пор племянник – это, наверное, племянник фон Борхерта Тони – присылает нам из Бонна чеки, а мы стережем поместье от браконьеров и бродяг. Как и мой отец до меня. А вот моему сыну придется искать работу...» Они не пустят нас, Тони, – добавила она.

Хэрод протянул старику небольшую, странички на три, разработку сценария «Торговец рабынями», последнего проекта Вилли. Между страницами была вложена купюра в сто марок, кончик ее виднелся довольно отчетливо.

– Скажи ему, что мы приехали из Голливуда осматривать места для съемок кинофильма, – попросил он. – Скажи, из старого дома получится прекрасный замок с привидениями.

Мария Чэнь все перевела. Старик посмотрел на листки, на деньги и небрежно протянул их назад.

– Что он говорит? – разозлился Хэрод.

– Он согласен, что поместье – хорошая декорация для фильма ужасов, – пояснила Мария Чэнь. – Что тут и правда есть призраки, и других призраков им не нужно. Советует нам разворачиваться, иначе мы можем застрять здесь надолго, и желает счастливого пути.

– Скажи, пусть он засунет свое поместье себе в жопу. – Взбешенный, Хэрод постарался любезно улыбнуться немцам.

– *Vielen Dank für Ihre Hilfe*,³⁴ – улыбнулась и Мария Чэнь.

³⁴ Огромное вам спасибо за помощь (нем.).

– *Bitte sehr*,³⁵ – ответил пожилой.

– Всегда рады помочь, – сказал по-английски молодой парень с ружьем.

* * *

Хэрод вывел «БМВ» назад, на проселок, затем повернул на запад, проехал с полмили и остановил машину в неглубоком снегу, метрах в пяти от ограды из колючей проволоки. Он вытащил из багажника плоскогубцы и перерезал проволоку в четырех местах, потом откинул ногами упавшие на снег концы. С дороги проход за деревьями не будет виден, к тому же машины тут ходят нечасто. Хэрод вернулся к автомобилю, переобулся в лыжные ботинки с этими забавными нашлепками на носках; Мария Чэнь помогла ему надеть лыжи.

Тони всего дважды в своей жизни стоял на лыжах, оба раза в Солнечной долине. Одну из прогулок он совершил с племянницей Дино де Лаурентиса и с Энн-Маргрет;³⁶ он терпеть не мог вспоминать об этих мучениях.

Мария Чэнь оставила свою сумочку в машине, сунула браунинг за пояс коротких брюк, под свитер, положила запасную обойму в карман куртки-безрукавки и, повесив на шею небольшой бинокль, прошла в проделанный в заграждении проход. За ней, неуклюже отталкиваясь палками, двинулся Хэрод.

На первой же миле он дважды упал, оба раза грязно ругаясь про себя, а Мария Чэнь с улыбкой смотрела, как он барахтается в снегу. Тишину нарушали лишь шорох скользящих по мягкому снегу лыж, редкое верещание белок да тяжелое, прерывистое дыхание Хэрода. Когда они прошли две мили, Мария Чэнь остановилась и поглядела на компас, потом на карту.

– Вот он, ручей, – сообщила она. – Можно перебраться на ту сторону вон по тому бревну. Дом должен быть на поляне, примерно в километре отсюда. – Она махнула рукой в сторону густого леса.

«Еще три футбольных поля пересечь», – прикинул Хэрод, судорожно лоя ртом воздух. Он вспомнил про охотничий карабин в руках того молодого парня и подумал, что в случае стычки браунинг окажется практически бесполезным. Да и потом, откуда ему знать, может, в том лесу их ждут Дженсен Лугар и с десятков других рабов Вилли со своими «узи» да «ингр-эмами». Хэрод глубоко вздохнул, почувствовав, что все внутренности у него похолодели от страха. Пошло оно все к черту! Раз уж он добрался сюда, пусть у него хоть яйца отвалятся, он все равно не повернет назад, пока не узнает, здесь Вилли или нет.

– Пошли, – сказал он.

Мария Чэнь кивнула, сунула карту в карман и легко заскользила дальше.

* * *

Перед домом валялись два трупа.

Спрятавшись за еловыми ветками, Хэрод и Мария Чэнь по очереди смотрели в бинокль на тела. С расстояния пятидесяти метров эти темные бугорки на снегу можно было принять за что угодно – скажем, за брошенные куртки, но бинокль отчетливо выхватывал то белый изгиб щеки, то разбросанные в стороны и странно заломанные руки и ноги. Живой человек никогда бы не уснул в такой позе.

Хэрод снова глянул в бинокль. Двое мужчин. Темные пальто, кожаные перчатки. Один из них носил коричневую шляпу – теперь она валялась метрах в двух на снегу. Рядом со сле-

³⁵ Пожалуйста (*нем.*).

³⁶ Дино де Лаурентис (1919–2010) – знаменитый голливудский продюсер. Энн-Маргрет (Энн-Маргрет Ульссон, р. 1941) – американская актриса, певица и танцовщица шведского происхождения.

дами, ведущими к застекленной двери старого особняка, тянулась кровавая полоса. Метрах в тридцати виднелись глубокие параллельные борозды, еще одна цепочка следов вела либо к дому, либо от него. На пушистом снегу были обозначены огромные круги, словно тут работал гигантский вентилятор лопастями вниз. «Вертолет», – догадался Хэрод.

Больше никаких следов не было – ни автомобильных, ни от снегохода, ни лыжных. Аллея, ведущая к подъездной дороге, где их с Марией остановили охранники, была просто заснеженной полосой между деревьями. Отсюда не было видно ни альпийской хижины, ни моста.

Главный дом представлял собой нечто среднее между особняком и замком: огромное строение из темного камня с высокими окнами, флигелями разной высоты, так что создавалось впечатление, будто начиналось оно как внушительная центральная башня, к которой последующие поколения добавляли разные пристройки. Цвет камня и размеры окон повсюду были разными, но общее впечатление угрюмости от этого не менялось: витражные стекла, узкие двери, тяжелые стены, на которых темнели пятнами тени голых деревьев. Хэрод подумал, что этот дом больше подходит Вилли, чем особняк в Бел-Эйр родом из какой-то банановой республики.

– А что теперь? – шепотом спросила Мария Чэнь.

– Заткнись, – приказал Хэрод и снова поднял бинокль, чтобы еще раз взглянуть на трупы.

Они лежали близко друг к другу. Голова одного из них была повернута в сторону и почти зарылась в глубокий снег, так что Хэрод видел только пятно темных, коротко стриженных волос, шевелившихся, когда налетал ветерок, но другой, тот, что лежал на спине, был больше на виду. Он различил бледную щеку и открытый глаз, неподвижно глядящий в сторону их укрытия, будто ожидая прихода Хэрода. Тела пролежали в снегу явно не так уж долго – непохоже, чтобы их трогали птицы или животные.

– Пошли туда, Тони.

– Заткнись, кому сказано.

Хэрод опустил бинокль и немного поразмыслил. Другой стороны особняка отсюда не видно. Разумнее всего было бы обойти на лыжах по большому кругу, чтобы осмотреть дом со всех сторон, оставаясь под прикрытием деревьев. Хэрод, прищурившись, еще раз оглядел большую поляну и широкие полосы леса, тянувшиеся в обе стороны; им понадобится больше часа, чтобы пробраться через него и приблизиться к дому со всеми предосторожностями. Солнце уже затаили тучи, поднялся холодный ветер, пошел снег. Джинсы Хэрода промокли, а ноги болели от непривычной нагрузки. Из-за плотных туч создавалось впечатление, что наступили сумерки, хотя еще не было и двенадцати.

– Пойдем, Тони, – повторила Мария Чэнь. Испуга в ее голосе не было.

– Дай мне пистолет, – потребовал он. После того как она выполнила команду, он ткнул стволом в сторону серого дома и темных распростертых тел. – Двигай туда на лыжах. Я прикрою тебя отсюда. Похоже, этот чертов дом пуст.

Мария Чэнь поглядела на него. Не с вызовом, но с любопытством, будто видела впервые.

– Давай двигай! – рявкнул Тони и опустил пистолет, не зная, что будет делать, если она откажется.

Мария Чэнь повернулась, грациозным движением палки раздвинула скрывавшие их хвойные ветки и заскользила к дому. Хэрод, пригнувшись, отошел от того места, где они стояли, и устроился под развесистой елью, окруженной молодыми сосенками. Он видел в бинокль, как Мария Чэнь добралась до лежащих тел, остановилась, воткнула в снег палки и посмотрела в сторону дома. Затем она обернулась к Хэроду и поехала дальше. Притормозив перед широкими стеклянными дверями, девушка повернула направо и двинулась вдоль фасада здания. Когда она исчезла за углом, тем, что ближе к подъездной дороге, Хэрод сбросил лыжи и замер, согнувшись под деревом.

Прошло невероятно много времени, прежде чем она появилась из-за противоположного угла дома. Подъехав на лыжах к главному входу, Мария помахала рукой туда, где, как предполагалось, стоял Хэрод.

Тони подождал еще минуты две и, пригнувшись, побежал к дому. Ему казалось, что без лыж он будет двигаться свободнее, но это оказалось ошибкой. Снег доходил почти до колен и не давал возможности бежать, Тони все время спотыкался и проваливался на каждом шагу, один раз при этом уронив браунинг в снег. Проверив, не забит ли ствол, он стер снег с рукоятки и двинулся дальше.

Возле убитых мужчин он остановился.

Тони Хэрод являлся продюсером двадцати восьми фильмов, из них только три он сделал без Вилли. Во всех лентах было полно секса и насилия, чаще в крутой смеси. Пять фильмов из серии «Вальпургиева ночь» – самые удачные из всех – были не более чем демонстрацией длинной цепи убийств: как правило, привлекательные молодые люди погибали до, во время или после половых сношений. Убийства в основном представлялись методом субъективной камеры, то есть глазами убийцы. Хэрод частенько заходил на съемки и видел, как людей «режут», «пристреливают», «жгут», «потрошат» и «обезглавливают». Он имел достаточно дела со спецэффектами, чтобы узнать все секреты мешков с кровью, с газом, выбитых глаз и гидравлики. Он лично написал сцену в «Вальпургиевой ночи V: Кошмар продолжается», где голова девушки-няни взрывается и разлетается на куски, когда она проглатывает взрывную капсулу, подложенную тайным убийцей Голоном.

Несмотря на все это, Тони Хэрод никогда еще не видел воочию настоящую жертву убийства. Единственные трупы, рядом с которыми ему когда-либо доводилось находиться, были тела матери и тетушки Миры в гробах, притом что его окружало пространство похоронного бюро, а также другие скорбящие. Он потерял свою мать, когда ему было девять лет, а тетю Миру – в тринадцать. Никто никогда не говорил ему о смерти отца.

И вот теперь Хэрод застыл как вкопанный возле этих незнакомых трупов. В одного из них стреляли раз пять или шесть, у другого было вырвано горло. Хэрода поразило огромное количество крови, словно чересчур усердный режиссер залил всю съемочную площадку ведрами красной краски. Глядя на эти тела и на отпечатки в снегу, он попытался представить, что же тут случилось. Не так давно в тридцати метрах от дома приземлился вертолет. Эти двое вышли из него в своих черных, начищенных до блеска ботинках, пригодных разве что для прогулок по асфальту, и подошли к дверям. Там, на площадке перед домом, они начали драться. Наверное, тот, что поменьше ростом, который теперь лежал, уткнувшись лицом в снег, вдруг повернулся и кинулся на своего партнера, пустив в ход зубы и ногти. Второй отступил – Хэрод видел следы каблуков на снегу, – затем поднял свой «люгер» и несколько раз выстрелил. Коротышка продолжал насаждать, возможно, даже после того, как получил пулю в лицо, – на правой щеке видны были две рваные опаленные дыры, а между оскаленными зубами застряли куски человеческого мяса. Высокий еще отступил, шатаясь, на несколько шагов, когда первый уже лежал. Потом, словно до него только дошло, что у него вырвана половина горла, перегрызена артерия и из нее на холодный снег брызжет кровь, рухнул, перекатился на спину и умер, неподвижно глядя на полосу хвойного леса, в котором несколько часов спустя появятся Хэрод и Мария Чэнь. Рука человека без горла приподнялась, да так и застыла в трупном окоченении. Хэрод знал, что *ригор мортис* начинается и заканчивается через определенное количество часов после смерти, но он не мог вспомнить, через сколько именно. Да это было и не важно. Он представил себе, как эти двое, бывшие сообщниками, вместе вышли из вертолета и вместе погибли, но по отпечаткам на снегу невозможно было полностью восстановить картину происшедшего. Еще один ряд следов указывал, что из дома вышли несколько человек и улетели на вертолете. Что это был за вертолет, кто им управлял и куда он направился, тоже было неясно.

– Тони, – тихо позвала Мария Чэнь.

– Сейчас.

Хэрод повернулся, шатаясь, отошел от забрызганной кровью площадки, и его стошнило. Во рту снова возник вкус кофе и толстой немецкой сосиски, съеденной за завтраком. Он зачерпнул пригоршню чистого снега, вытер им рот и, обойдя трупы, подошел к Марии Чэнь, стоявшей на ступенях крыльца.

– Дверь не заперта, – прошептала она.

Сквозь стекло видны были только шторы. Снег пошел еще сильнее, хлопья скрыли даже деревья, стоявшие всего метрах в шестидесяти. Хэрод кивнул и глубоко вдохнул.

– Пойди возьми пистолет того парня, – сказал он. – И проверь, нет ли у них документов.

Мария Чэнь глянула на Хэрода и молча двинулась к трупам. Ей пришлось силой высвободить пистолет из руки, мертвой хваткой вцепившейся в рукоятку. Водительские права одного из убитых лежали в его бумажнике, паспорт и кошелек второго оказались в кармане пальто. Марии Чэнь пришлось перевернуть оба трупа, прежде чем она нашла документы. Когда она вернулась к крыльцу, ее голубой свитер и куртка на гусином пуху были порядком перепачканы чужой кровью, которую она стала оттирать снегом.

Хэрод быстро просмотрел бумажники и документы убитых. Того, что покрупнее, звали Фрэнк Ли, его международные водительские права были выданы три года назад в Майами. Второй – Эллис Роберт Слоун являлся тридцатидвухлетним жителем Нью-Йорка, визы и штампы в паспорте были действительны для Западной Германии, Бельгии и Австрии. Кроме документов, при них оказалось восемьсот американских долларов и шестьсот немецких марок. Хэрод покачал головой и отшвырнул бумажники. Он не узнал ничего существенного, понимая, что всего лишь тратит время, откладывая момент, когда придется войти в дом.

– Иди за мной, – велел он Марии и открыл дверь.

* * *

Особняк был огромным, холодным, темным и пустым, – во всяком случае, Тони горячо на это надеялся. Ему больше не хотелось разговаривать с Вилли. Он знал, что если ему доведется встретиться со своим старым голливудским наставником, то первым его желанием будет разрядить всю обойму в голову Бордена. Если, конечно, Вилли ему позволит. Тони не питал никаких иллюзий на этот счет. Он мог рассказывать Баренту и остальным про то, как иссякает Способность Вилли, мог даже сам частично верить в это, но глубоко в душе он знал, что Вилли Борден, если понадобится, сломит его за десять секунд. Этот старый сукин сын был просто монстром. Хэрод пожалел, что приехал в Германию; не надо было соваться сюда и идти на поводу у членов Клуба, заставивших его связываться с Вилли.

– Приготовься, – прошептал он, почему-то волнуясь как идиот, и вошел первым вглубь этого огромного дома.

Они двигались из комнаты в комнату, и везде мебель была аккуратно укрыта белыми чехлами. Хэрод уже видел такое в фильмах, как и те трупы у дома, но в действительности все это порядком действовало на нервы. Он скоро заметил, что тычет пистолетом в каждое зачехленное кресло или торшер, ожидая, что они вот-вот зашевелиятся и зашагают к нему, наподобие той фигуры в простынях из первого фильма Карпентера.

Холл с выложенным черно-белыми плитками полом был огромен и пуст. Хэрод и Мария Чэнь передвигались тихо, и все равно их шаги отдавались легким эхом. Хэрод ощущал себя полным болваном в этих дурацких лыжных ботинках с квадратными носами. Мария Чэнь спокойно следовала за ним, держа испачканный кровью «люггер» у бедра. На ее лице не было и намека на волнение, словно она бродила по голливудскому дому Хэрода в поисках запропастившегося куда-то журнала.

Им понадобилось минут пятнадцать, дабы убедиться, что на первом этаже и в огромном гулком подвале никого нет. Чувствовалось, что особняк покинут, и, если бы не трупы снаружи, Хэрод мог бы поклясться, что здесь уже много лет никого не было.

– Пошли наверх. – Он все еще держал пистолет на уровне груди, костяшки пальцев у него побелели.

В западном крыле было темно и холодно, здесь вообще отсутствовала мебель, но, когда они вошли в коридор, ведущий в восточное крыло, оба замерли. Поначалу им показалось, что коридор преграждает огромная пластина волнистого льда, и Хэроду невольно вспомнилась сцена возвращения доктора Живаго и Лары на дачу, искореженную зимой. Но потом он осторожно двинулся вперед и понял, что слабый свет проникал сквозь завесу из тонкой полупрозрачной пленки, свисающей с потолка и прикрепленной с одной стороны к стене. Метра через два они наткнулись еще на один такой же барьер и догадались, что пленка служит для теплоизоляции восточного крыла. В коридоре было темно, но из нескольких распахнутых дверей по его сторонам проникал бледный свет. Хэрод кивнул Марии Чэнь и крадучись двинулся вперед, широко расставляя ноги и держа пистолет в обеих руках. Он резко сворачивал в дверные проемы, готовый немедленно выстрелить, в голове у него проносились сюжеты знаменитых детективов. Мария Чэнь стояла в начале коридора и наблюдала.

– 3-зараза, – выругался Хэрод после своего почти десятиминутного представления. Он сделал вид, что разочарован, а может, вследствие притока адреналина был действительно разочарован.

Если только в доме не было потайных помещений, он был совершенно пуст. В четырех комнатах имелись признаки недавнего пребывания здесь людей – неубранные постели, забитые едой холодильники, электрические обогреватели, столы, на которых валялись разбросанные бумаги. Хэрод обратил внимание на большой кабинет с книжными шкафами, старым кожаным диваном и еще теплым камином. Он понял, что разминутся с Вилли всего на несколько часов. Возможно, тот исчез так внезапно из-за неожиданных гостей, прибывших на вертолете. Однако в доме не осталось ни одежды, ни каких-либо личных вещей – кто бы тут ни жил, он готов был сорваться с места в любую минуту.

Возле узкого проема окна кабинета размещался тяжелый стол с огромными резными шахматными фигурами, явно из очень дорогого набора, они стояли в позиции из миттель-шпиля. Хэрод подошел к письменному столу и потыкал стволом в кипу лежавших там бумаг. Приток адреналина в кровь прекратился, оставив после себя лишь одышку, усиливающуюся дрожь и острое желание убраться отсюда подальше.

Все бумаги были на немецком, и, хотя Хэрод не знал языка, он уловил, что они касались вещей тривиальных – налогов на собственность, отчетов об использовании земель, дебета-кредита. Он смахнул листки со стола, заглянул в пустые ящики и решил, что пора убираться.

– Тони!

В голосе Марии Чэнь было нечто такое, что заставило его резко обернуться и вскинуть браунинг.

Она стояла у шахматного стола. Хэрод подошел поближе, думая, что Мария увидела что-то за высоким узким окном, но она уставилась на шахматные фигуры. Он опустил пистолет, оглядел стол, затем встал на колени и прошептал:

– Твою мать...

Хэрод мало что понимал в шахматах, просто сыграл несколько партий в детстве, но он сообразил, что игра на этой доске только начинается. Были съедены всего две фигуры – одна черная, другая белая, они лежали рядом с доской. Все еще на коленях, он придвинулся ближе, и теперь глаза его были всего в нескольких сантиметрах от края поля.

Пятнадцатисантиметровые фигуры, выточенные вручную из слоновой кости и эбенового дерева, должно быть, стоили Вилли целого состояния. Что-то подсказывало Хэроду, что это

весьма неординарная шахматная партия. Мальчишка, который лет тридцать назад выиграл у Тони, рассмеялся, увидев, как тот выводит свою королеву в начале игры. С издевкой он заметил тогда, что только новички торопятся использовать ферзя. Но здесь обе королевы уже явно вступили в игру. Белая стояла в центре доски, прямо перед своей пешкой, черная же, выведенная из игры, лежала рядом с доской.

Хэрод наклонился поближе. Лицо королевы, вырезанной из черного дерева, выглядело элегантным и аристократичным и казалось все еще красивым, несмотря на старательно воспроизведенные признаки старости. Тони видел это лицо пять дней назад в Вашингтоне, когда Арнольд Барент показал ему фотографию престарелой леди, застреленной в Чарлстоне. Она была столь неосторожной, что оставила свой жуткий альбомчик в номере отеля. Ее звали Нина Дрейтон.

Хэрод впился глазами в фигуры на доске, переводя взгляд с одной на другую. Большинство лиц он видел впервые, но некоторые узнавал мгновенно. Эффект был столь же потрясающий, как от приема резкого наведения на фокус, который Хэрод иногда применял в своих фильмах.

Белым королем был Вилли, в этом не было сомнений, хотя лицо выглядело моложе, черты отчетливее, шевелюра гуще, а форма эсэсовца давно объявлена в мире вне закона. Черного короля представлял Арнольд Барент, в деловом костюме, при всем параде. Хэрод узнал и черного слона – Чарльза Колбена. Относительно белого сомнений быть не могло – это преподобный Джимми Уэйн Саттер. Кеплер занимал безопасную позицию в первом ряду черных пешек, но черный конь перескочил через ряд статичных пешек и ввязался в битву. Хэрод слегка повернул фигуру и узнал худое ханжеское лицо Нимана Траска.

Тони не видел раньше унылого старушечьего лица белой королевы, но нетрудно было догадаться, кто она. «Мы ее найдем, – заявил Барент. – А от вас мы ждем одного: чтобы вы убили эту настырную суку». Белая королева и две белые пешки пробрались далеко на черную сторону доски. Хэрод не узнал первую пешку, окруженную грозящими ей черными фигурами, – похоже, то был мужчина около шестидесяти, а возможно, и старше, с бородкой и в очках. В его чертах было что-то еврейское. Но другая белая пешка, скромно стоявшая через четыре клетки от коня Вилли и явно испытывавшая угрозу со стороны сразу нескольких черных фигур, была определенно знакома ему. Хэрод медленно повернул пешку и уставился, как в зеркало, в собственное лицо.

– Сука! – Крик его, казалось, разнесся эхом по всему огромному дому. Он пронзительно крикнул еще раз, потом взмахнул браунингом и смел со стола фигуры из слоновой кости и черного дерева.

Мария Чэнь шагнула назад и отвернулась к окну. Снаружи дневной свет, казалось, угас совсем, тучи опустились ниже, темная линия деревьев растворилась в сером тумане, а густой снег уже накрыл белым покрывалом трупы на лужайке перед особняком, как поваленные чьей-то властной рукой шахматные фигуры.

Глава 12

Чарлстон

Четверг, 18 декабря 1980 г.

– Вообще-то, по идее, должен идти снег, а не дождь, – сказал Сол Ласки.

Они сидели втроем в машине шерифа: Сол и Джентри впереди, Натали – на заднем сиденье. Дождь тихо стучал по крыше, было градусов десять тепла. Натали и Джентри были в куртках, Сол натянул толстый синий свитер, а сверху старое короткое пальто из твида. Он поправил очки и, прищурившись, посмотрел через залитое дождем ветровое стекло.

– Шесть дней до Рождества, – усмехнулся он, – а снега все нет. Не знаю, как вы, южане, можете к этому привыкнуть.

– Мне было семь лет, когда я впервые увидел снег, – сказал Джентри. – Уроки в школе отменили. Снега напало не больше двух сантиметров, но мы все побежали домой, будто наступил конец света. Я швырнул снежок – первый снежок, который я слепил в своей жизни, и разбил окно в гостиной старой миз Макгиври. Тут и вправду пришел конец света, для меня по крайней мере. Я прождал почти три часа, пока отец не вернется домой, пропустил ужин и даже был рад, когда меня отлупили и все на этом закончилось. – Шериф включил дворники, которые начали ритмично смахивать с ветрового стекла капли дождя. – Да, сэр, – протянул Джентри густым, приятным басом, к которому Ласки постепенно привыкал. – Теперь, когда я вижу снег, я всегда вспоминаю, как меня лупили и как я старался не расплакаться. Мне кажется, зимы становятся все холоднее и снег идет чаще.

– Не приехал еще доктор? – спросила Натали.

– Нет, – ответил Джентри. – До четырех часов почти три минуты. Кольхаун стареет, бегают не так быстро, насколько я знаю, но все еще пунктуален, как древние часы моей бабушки. Если он сказал, что будет здесь в четыре, он будет в четыре.

И, словно в подтверждение его слов, длинный темный «кадиллак», ехавший по улице, затормозил и припарковался через пять машин от патрульного автомобиля Джентри.

Сол глянул в окно. Они были всего в нескольких милях от шикарного квартала Старого города, но здесь приятным образом сочетались элегантность старины с соблазнами современных удобств. Закрывшаяся консервная фабрика ныне превратилась в офисное здание с подземным гаражом. Старый кирпич очистили, подновили, добавили окон, покрасили либо изготовили заново деревянные части. На взгляд Сола, реставрация и перепланировка были проделаны с большой тщательностью и старанием.

– А вы уверены, что родители Алисии согласятся на это? – спросил он.

Джентри снял шляпу, провел платком по кожаной подкладке и кивнул:

– Уверен. Миссис Кайзер страшно переживает из-за девочки. Она говорит, что Алисия не ест, вскакивает с постели с воплями, когда пытается заснуть, а очень часто просто сидит, уставившись в никуда.

– Конечно. Ведь прошло всего шесть дней, как она стала свидетельницей убийства своей лучшей подружки, – вздохнула Натали. – Бедное дитя.

– Еще и дедушки подружки, – добавил Джентри. – А может, и еще кого-нибудь. Откуда мы знаем?

– Вы думаете, она была в «Мансарде»? – спросил Сол.

– Ее никто там не помнит, – ответил шериф, – но это ничего не значит. Если люди не подготовлены специально, большинство из них вообще не замечают, что происходит вокруг. Конечно, некоторые замечают, причем все подряд. Только их почему-то никогда не бывает на месте преступления.

– Алисию нашли далеко оттуда, ведь так? – спросил Сол.

– Как раз посередине между двумя главными местами преступления, – вздохнул Джентри. – Соседка увидела, что она стоит на углу улицы в каком-то полуобморочном состоянии, примерно на полпути между домом Фуллер и «Мансардой».

– Как ее рука? – поинтересовалась Натали.

Джентри обернулся и улыбнулся девушке. Его маленькие голубые глаза, казалось, светились ярче, чем слабый зимний свет снаружи автомобиля.

– Ничего страшного, мэм. Простой перелом.

– Еще раз назовете меня «мэм», шериф, и я вам самому руку сломаю, – шутливо предупредила Натали.

– Слушаюсь, мэм, – откликнулся Джентри с самым добродушным видом. Он повернулся и глянул через ветровое стекло. – Это точно наш старикан-доктор. Он купил сей чертов черный автобус, когда ездил в Англию еще перед Второй мировой. Читал лекции в летней школе при лондонской городской больнице, насколько я знаю. Он являлся членом предвоенной антикризисной команды по планированию. Помню, как он говорил моему дяде Ли, давным-давно, что британские врачи были готовы справиться с количеством раненых в сто раз большим, чем то, с чем они столкнулись, когда немцы принялись их бомбить. То есть я хочу сказать, что они ожидали в сто раз больше, а вот к чему они были подготовлены – это другое дело.

– Ваш доктор Кольхаун, наверное, немало практиковался в гипнозе, – заметил Сол.

– Это уж точно, – протянул Джентри. – В тридцать девятом он консультировал британцев именно в этой области. Похоже, некоторые эксперты в Англии считали, что бомбардировки будут сильно травмировать психику и граждане окажутся в состоянии шока. Они рассчитывали, что Джек поможет им с постгипнотическим внушением и прочими подобными вещами. – Шериф открыл дверцу машины. – Вы идете со мной, миз Престон?

– Обязательно. – Натали выбралась под дождь.

Джентри тоже вылез из машины, капли мягко падали на поля его шляпы.

– А вы точно не хотите присутствовать, профессор? – спросил он у Ласки.

– Точно, – ответил Сол. – Я хочу полностью исключить возможность своего влияния. Но мне будет очень интересно узнать, что скажет девочка.

– Мне тоже, – заверил Джентри. – В любом случае постараюсь подойти к этому без предубеждений. – Он хлопнул дверцей и побежал догонять Натали. Для такого грузного мужчины движения его были почти элегантны.

«Без предубеждений, – подумал Сол. – Уверен, все так и будет».

* * *

– Я вам верю, – сказал вчера шериф Бобби Джо Джентри, когда Сол закончил свой рассказ.

Он сократил его, как только мог, сведя к сорока пяти минутам повествование, которое накануне заняло большую часть утра и предыдущей ночи. Несколько раз Натали перебивала его и просила включить в рассказ эпизод, который он пропустил. Джентри задал всего несколько коротких вопросов. Пока Сол говорил, они успели пообедать, попить кофе, и шериф подвел итог словами: «Я вам верю».

– Так вот запросто? – удивился Сол.

– Да. – Он повернулся к Натали. – А вы поверили ему, миз Престон?

Молодая женщина не колебалась ни секунды.

– Поверила, – твердо сказала она и посмотрела на Сола. – Я все еще ему верю.

Джентри больше ничего не сказал.

Ласки подергал себя за бороду, снял очки, протер их, снова нацепил.

– Вы не находите мой рассказ... фантастичным?

– Есть немного, – не стал увиливать Джентри. – Но я также считаю сплошной фантастикой то, что девять человек убиты в моем родном городе и нет никакого объяснения тому, как все это было связано. – Шериф наклонился вперед. – Вы никому об этом не говорили? Я имею в виду вашу историю.

– Я рассказал своей кузине Ребекке, незадолго до ее смерти в шестидесятом году.

– И как она отреагировала? – спросил Джентри.

Сол посмотрел прямо в глаза шерифа:

– Она меня любила. Она видела меня сразу после войны, ухаживала за мной, пока я снова не стал нормальным человеком. Во всяком случае, кузина сказала, что верит мне, а я решил считать это правдой. Но с какой стати вам верить всему этому?

Джентри откинулся назад, пока спинка стула не затрещала.

– Я скажу за себя, профессор, но для начала должен признаться в двух слабостях. Во-первых, я сужу о людях по тому, что я чувствую во время разговора с ними, как их воспринимаю. Ну, взять хотя бы того парня из ФБР, Дика Хейнса, которого вы видели вчера у меня в кабинете. Все, что он говорит, уместно, логично и своевременно. И выглядит он правильно... Черт, у него даже запах и тот правильный. Но в нем есть что-то такое, из-за чего я доверяю ему примерно настолько, насколько петух доверится голодной ласке. Наш дорогой мистер Хейнс не совсем с нами, понимаете? Ну, вроде как и фонарь над крыльцом у него горит, и все такое, но дома никого нет. Таких людей много. Когда мне попадается человек, которому я поверил, я делаю это просто, без всяких объяснений, вот и все. Из-за этого у меня случается масса неприятностей. А вторая моя слабость – я очень много читаю, поскольку не женат и не имею другого увлечения, кроме своей работы. Когда-то я хотел стать историком, потом популярным историческим писателем, вроде Каттона или Такмана,³⁷ потом романистом... Возможно, я слишком ленив, чтобы стать первым, вторым или третьим, но я по-прежнему глотаю тонны макулатуры. Я даже заключил с собой сделку: на каждые три серьезные книги позволяю себе прочитать одну из беллетристики. Люблю, когда она хорошо написана, хотя все равно это макулатура. Читаю детективы – Джона Макдональда, Паркера, Уэстлейка, потом триллеры – Ладлэм, Тревеньян, Ле Карре, Дейтон, даже ужастики – Стивен Кинг, Стив Разник Тем и прочее. – Он улыбнулся. – Ваша история не такая уж и странная.

Сол нахмурился:

– Мистер Джентри, правильно ли я понял, что вы не находите мой рассказ фантастичным только потому, что читаете много фантастики и детективов?

Джентри покачал головой:

– Нет, сэр. Я просто говорю, что рассказанная вами история совпадает с фактами, и это пока единственное объяснение, связывающее все эти убийства в единое целое.

– У Хейнса была теория насчет Торна, – сказал Сол. – Помните, слуга той старой леди и эта женщина, Крамер, будто бы сговорились обчистить своих хозяев.

– Этот идиот Хейнс порол чушь собачью! Прошу прощения, мэ, – извинился Джентри. – А главное, парнишка-коридорный из «Мансарды» Альберт Лафоллет, который потом свихнулся, никак и ни при каких обстоятельствах не мог ни с кем сговориться. Я знал его отца. Ума у этого парня хватало лишь на то, чтобы научиться завязывать шнурки на своих ботинках,

³⁷ Брюс Каттон (1899–1978) специализировался на войне Севера и Юга. Барбара Такман (1912–1989) получила Пулицерскую премию за книгу «Августовские пушки» (1962) о начале Первой мировой войны.

но в общем он был славный малый. В старших классах школы он не играл в футбол, и знаете почему? Он заявил отцу, что не хочет никому причинять боль.

– Но моя история выходит за пределы логики. Это нечто... сверхъестественное, – не унимался Сол. Он чувствовал, что ведет себя глупо, споря с шерифом, но ему трудно было принять готовность южанина вот так запросто поверить всему.

Джентри пожал плечами:

– Знаете, вот смотрю я фильмы про вампиров, где кучи трупов с маленькими дырочками на шее, и терпеть не могу, когда главному герою приходится полтора часа из двухчасовой ленты убеждать других хороших людей, что вампиры на самом деле существуют. Послушайте, – не выдержал шериф, – я не знаю, какие у вас были на то причины, но вы все же рассказали свою историю. Теперь у меня на выбор есть несколько вариантов. Во-первых, вы можете как-то быть причастны ко всему этому, хотя я знаю, что вы не убивали никого лично. В субботу после обеда и до вечера вы находились в университете, принимали участие в дискуссии. Но вы, к примеру, могли загипнотизировать миссис Дрейтон или сделать еще что-нибудь в этом роде. Знаю, знаю, гипноз действует совсем не так, но ведь люди тоже не овладевают сознанием других людей в обычной жизни, верно? Во-вторых, может быть, вы псих, один из тех придурков, которые каждый раз выползают на свет и сознаются в убийстве, хотя их и близко там не было. И в-третьих, вы говорите правду. Пока я решил выбрать третий вариант. Помимо всего прочего, есть и другие странные вещи, которые сходятся с вашей историей и больше ни с чем.

– Какие странные вещи? – спросил Сол.

– Ну, например, тот парень, который следил за мной утром, а потом прикончил себя, не желая со мной разговаривать, – сказал Джентри. – И еще альбомчик старой леди.

– Альбомчик? – удивился Ласки.

– Какой альбомчик? – спросила Натали.

Джентри снял шляпу и, хмуро поглядев на нее, смял тулью.

– Когда застрелили миссис Дрейтон, я был первым представителем закона, оказавшимся на месте преступления, – пояснил он. – Санитары убирали тело, ребята из городского отдела по делам убийств считали трупы внизу, а я немного пошарил в номере той леди. Конечно, этого нельзя было делать, налицо нарушение закона. Но какого черта! Я ведь всего лишь деревенский полисмен. В общем, как бы то ни было, я увидел этот толстенный альбомчик в одном из ее чемоданов и полистал его. Там была масса газетных вырезок про разные убийства, включая убийство Джона Леннона. Большинство из них совершались в Нью-Йорке начиная с января прошлого года. На следующий день расследованием занялась настоящая полиция, не какой-то там шериф, ФБР полезло во все щели, хотя это дело вовсе не из тех, что требуют их участия... А когда я добрался в воскресенье вечером до морга, альбомчика уже не было, никто его не видел, в отчетах о нем ни слова, нет и квитанции из морга.

– Вы спрашивали о нем? – поинтересовался Сол.

– Да уж всех подряд, от санитаров до сотрудников из отдела убийств. Никто его не видел. Все остальное было доставлено в морг и описано в воскресенье утром, включая нижнее белье этой леди и пилюли от давления.

– Кто составлял список вещей? – спросил Сол.

– Горотдел по делам убийств и ФБР, – ответил Джентри. – Но вот Тоб Хартнер, клерк из морга, утверждает, что мистер Хейнс просматривал арестованные вещи за час до прибытия команды из горотдела. Наш Дики прямо из аэропорта двинул в морг.

Сол слегка откашлялся:

– Вы полагаете, что ФБР имеет какое-то отношение к сокрытию вещественных доказательств?

Шериф Джентри наивно распахнул глаза:

– Ну, как может ФБР делать что-то такое нехорошее?

Последовала долгая пауза, наконец Натали Престон спросила:

– Шериф, если одно из этих... этих существ убило моего отца, что же нам делать дальше?

Джентри сложил руки на животе и посмотрел на Сола. Глаза его были ярко-голубыми.

– Это хороший вопрос, миз Престон. Что скажете, доктор Ласки? Допустим, мы поймали вашего оберста, или миз Фуллер, или их обоих. Вы не думаете, что суду присяжных будет трудно вынести им обвинительный приговор?

Сол развел руками:

– Это звучит безумно, я согласен. Если поверить в мою историю, всякая логика оказывается подозрительной, осуждение любого убийцы можно оспорить. Никаких вещественных доказательств не хватит, чтобы отделить невиновных от виноватых. Я понимаю, о чем вы говорите, шериф.

– Да нет, не так уж все безнадежно, – усмехнулся Джентри. – Ведь большинство дел об убийстве – это все равно дела об убийстве, так? Или вы считаете, что их сотни тысяч, этих мозговых вампиров, и все бегают, суеются?

Сол закрыл глаза, уходя от подобной мысли:

– Молю Бога, чтобы это было не так.

Джентри кивнул:

– Значит, у нас здесь что-то вроде особого случая, верно? Но это возвращает нас к вопросу миз Престон: что нам теперь делать?

Сол глубоко вздохнул:

– Мне нужна ваша помощь – для наблюдения. Есть шанс, хотя и небольшой, что из этих двоих кто-то вернется в Чарлстон. Возможно, у Мелани Фуллер не было времени забрать из дома какие-то очень важные для нее вещи. Или Уильям Борден, если он жив, явится за ней.

– А что потом? – спросила Натали. – Наказать ведь их невозможно. Во всяком случае, не через суд. Что произойдет, если мы все-таки найдем их? Что вы сможете сделать?

Сол опустил голову, поправил очки и провел дрожащей рукой по лбу.

– Я думал об этом сорок лет, – очень тихо сказал он. – И все равно не знаю. Но у меня такое чувство, что оберсту и мне суждено встретиться.

– Они смертны? – спросил Джентри.

– Да, конечно.

– Тогда можно подобраться к ним незаметно и вышибить мозги, верно? – предположил шериф. – Они ведь не восстанут из мертвых в следующее полнолуние или еще что-нибудь такое?

Ласки недоуменно посмотрел на него:

– Что вы хотите этим сказать, шериф?

– Я хочу сказать... Понимаете, если принять вашу установку, если поверить, что эти люди могут делать все то, о чем вы нам рассказали, тогда они самые мерзкие твари на всем свете. Охотиться за кем-то из них – все равно что шарить по болоту в темноте голыми руками в поисках мокасиновых змей. Но стоит их опознать, и они становятся просто мишенями, такими же как я, или вы, или Джон Кеннеди и Джон Леннон. Обычный человек из винтовки с оптическим прицелом вполне может убить любого из них, профессор.

Сол глянул в безмятежные глаза шерифа и улыбнулся:

– Но у меня нет винтовки с оптическим прицелом.

Джентри кивнул:

– Вы захватили с собой какое-нибудь оружие, когда летели сюда из Нью-Йорка?

Сол мотнул головой.

– У вас вообще нет оружия, профессор?

– Вообще нет.

Джентри повернулся к Натали:

– Но у вас оно есть, мэм. Вы упомянули, что пошли в дом Фуллер и готовы были арестовать мистера Ласки, даже если бы пришлось применить оружие.

Натали покраснела. Сол удивился, увидев, как темнеет ее кожа цвета кофе с молоком.

– Это не мой пистолет, – призналась она. – Отец держал его в своей студии. У него было разрешение, поскольку там произошло несколько краж со взломом. Я зашла в понедельник в студию и взяла его.

– Можно мне взглянуть? – тихо попросил Джентри.

Натали пошла в прихожую, открыла шкаф и вытащила из кармана плаща пистолет. Затем она аккуратно положила его на стол рядом с шерифом. Указательным пальцем тот легонько повернул его, пока ствол не оказался направленным в пустую стену.

– Вы знакомы с пистолетами, профессор? – спросил Джентри.

– С этим нет.

– А вы, миз Престон? Вы умеете обращаться с огнестрельным оружием?

Натали передернула плечами:

– У меня в Сент-Луисе есть друг, который показывал мне, как стрелять. Надо прицелиться и нажать спуск. Ничего сложного.

– А именно с этим пистолетом вы умеете обращаться?

Натали покачала головой:

– Папа купил его уже после того, как я уехала учиться. Не думаю, чтобы он когда-либо пользовался им. Трудно представить, чтобы он выстрелил в человека.

Джентри поднял брови и взял в руку пистолет, осторожно держа его за предохранительную скобу:

– Он заряжен?

– Нет, – сказала Натали. – Я извлекла все патроны вчера, перед тем как выйти из дому. Теперь настала очередь Сола удивленно поднять брови.

Джентри кивнул и вытащил обойму. Он протянул ее Ласки, показывая, что она пуста.

– Тридцать второй калибр? – спросил Сол.

– Тридцать второй, «лама» с укороченной рукояткой, – подтвердил шериф. – Милый пистолетик. Мистер Престон заплатил за него долларов триста, если покупал новым. Миз Престон, никто не любит, когда лезут с советами, но мне все же хотелось бы дать вам один совет, можно?

Натали коротко кивнула.

– Во-первых, никогда не цельтесь в человека из огнестрельного оружия, если вы не готовы им воспользоваться. Во-вторых, никогда не цельтесь из незаряженного пистолета. И в-третьих, если вам нужен незаряженный пистолет, убедитесь, что он действительно не заряжен. – Джентри ткнул пальцем в сторону оружия. – Видите вот этот маленький индикатор, мэм? Это называется индикатором зарядов, и красный огонек здесь не просто так. – Джентри оттянул затвор, из патронника вылетел патрон и со стуком упал на стол.

Натали побледнела. Теперь ее кожа приняла цвет мертвой золы.

– Это невозможно, – слабым голосом сказала она. – Я сосчитала патроны, когда вытащила. Их было семь.

– Ваш отец, должно быть, вогнал еще один патрон в патронник, а потом опустил курок, – пояснил Джентри. – Некоторые носят оружие именно в таком виде. Так можно иметь в пистолете восемь зарядов вместо обычных семи. – Шериф снова вогнал в рукоятку обойму и щелкнул курком.

Натали слегка вздрогнула, услышав сухой щелчок. Она глянула на то, что шериф назвал «индикатором зарядов», – красной точки больше не было видно. Она вспомнила, как вчера направила пистолет на Сола, будучи уверенной, что он не заряжен, и ей стало нехорошо.

– А что вы хотите сказать на этот раз, шериф? – спросил Сол.

Джентри пожал плечами и положил пистолет на стол:

– Я думаю, если мы решили охотиться за этими убийцами, тогда хоть кому-то надо знать, как обращаться с оружием.

– Но поймите наконец, что оружие против таких людей бесполезно. Они могут заставить вас направить его на себя. Они могут превратить *вас* в оружие. Если мы вместе станем охотиться за оберстом или за Фуллер, мы никогда не будем уверены друг в друге.

– Я все это понимаю, – сказал Джентри. – Но я понимаю и то, что, если мы найдем их, они окажутся уязвимыми. Они опасны главным образом потому, что никто не знает об их существовании. А мы знаем.

– Но нам не известно, где они скрываются сейчас, – возразил Сол. – Я думал, что подобрался к ним так близко. Я действительно был близок...

– У Бордена есть какой-то фон, окружение, – сказал Джентри. – У него есть его легенда, киностудия, друзья, коллеги. С этого можно и начать.

Сол печально покачал головой:

– Я считал, что Фрэнсису Харрингтону ничто не угрожает. Ему требовалось лишь навести несколько справок. Меня оберст мог бы узнать, но я полагал, что Фрэнсис будет в безопасности, а теперь он наверняка мертв. Нет, я не хочу, чтобы еще кто-то оказался напрямую связан со всем этим.

– Но мы уже связаны, – отрезал Джентри. – Мы влезли по уши во все это.

– Он прав, – заметила Натали.

Мужчины повернулись к ней. В голосе ее уже не было слабости.

– Если вы не сумасшедший, Сол, – сказала она, – то эти выродки убили моего отца просто так, ни за что. Мне очень хочется разыскать этих убийц и найти способ воздать им по справедливости.

– Давайте считать, что мы все разумные люди, – сказал Джентри. – Доктор, а эта Нина Дрейтон поведала вам что-нибудь во время ваших консультаций... что-то такое, что могло бы нам помочь?

– Нет, практически ничего. – Ласки покачал головой. – Она все время упоминала лишь о своих снах и о смерти отца. Из этих разговоров я заключил, что она использовала свою Способность, чтобы убить его.

– А о Бордене или Мелани Фуллер?

– Она вскользь обмолвилась о своих друзьях в Вене в начале тридцатых. Судя по ее описанию, это вполне могли быть оберст и Фуллер.

– Есть что-нибудь полезное для нас в этих рассказах?

– Лишь намеки на ревность и соперничество. Вот и все.

– Мистер Ласки, оберст ведь использовал вас? – спросил шериф.

– Да.

– И однако, вы помните все до мельчайших подробностей. А разве вы не говорили, что Джек Руби и другие страдали чем-то вроде амнезии после того, как их использовали?

– Говорил, – подтвердил Сол. – Я думаю, эти люди помнят свои действия как нечто случившееся во сне, если они вообще их помнят.

– Примерно так же, как психически ненормальные – насильственные эпизоды?

– Иногда, – кивнул он. – В других случаях обычная жизнь страдающего психозом – всего лишь сон, а по-настоящему он живет, только когда причиняет боль кому-то либо убивает. Но люди, которых использовали оберст и остальные, не обязательно страдают психозом, они могут быть просто жертвами.

– Но ведь вы помните в точности, что ощущали, когда оберст... владел вашим сознанием, – сказал Джентри. – Почему?

Сол привычным жестом снял очки и протер их.

– Это особый случай. Тогда шла война. Я был всего лишь евреем из лагеря, и он не сомневался, что у меня нет шанса выжить в этой мясорубке. Ему не было необходимости тратить свою энергию и стирать что-либо в моей памяти. И потом, мне удалось бежать от оберста по собственной воле, когда я выстрелил себе в ногу и застал его врасплох...

– Я хотел вас еще расспросить об этом эпизоде, – произнес Джентри. – Вы сказали, что боль заставила оберста выпустить вас из-под его власти на пару минут...

– На несколько секунд, – поправил Сол.

– Хорошо, на несколько секунд. Но все эти люди, которых они использовали в Чарлстоне, испытывали боль, страшную боль. Хаупт – он же Торн, бывший вор, которого Мелани Фуллер держала при себе в качестве слуги, потерял глаз и все равно продолжал действовать. Девочку Кэтлин забили до смерти. Баррет Крамер скатилась по лестнице, к тому же в нее стреляли. Мистера Престона... Ну, вы понимаете, о чем я говорю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.